

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

О жизни и творчестве величайшего художника
Ивана Айвазовского читайте на стр. 66

Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Поэт-царедворец4
Поэзия	
<i>Дмитрий Мизгулин</i>	Стихи 21
Из российской истории	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Принцесса Грёза24
Повесть	
<i>Ольга Торощина</i>	Все ради тебя — «ВИКА»! 42
Это интересно	
<i>Елена Логунова</i>	Дверцы в сердце 58
Судьба художника	
<i>Ирина Опимах</i>	Царь моря66
Память	
<i>Майя Орлова</i>	Вечное изумление талантом82
Факты и гипотезы	
<i>Александр Аннин</i>	Загадка утраченной святыни 96
Забывтые страницы	
<i>Михаил Булгаков</i>	Неделя просвещения112
Исторический детектив	
<i>Наталья Рыжкова</i>	Длинные тени грехов118
Кроссворд. Эрудит 188	

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	Заяц — один из персонажей краснодарского Нового театра кукол
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

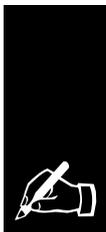
Тираж — 7500 экз.

Зак. №3584

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.10.2013

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Уважаемая редакция, добрый день!

Я с раннего детства с удовольствием читаю ваш журнал. Это перешло мне еще от родителей, которые в юности не пропускали ни одного номера «Смены» и продолжают делать это сейчас, несмотря на обилие различных средств медиа.

Я — студентка Московской консерватории им. П.И. Чайковского, будущий дирижер-хоровик, и уже сейчас работаю с детскими хорами. Сегодня придается большое значение развитию хорового пения в России. Являясь профессиональным музыкантом (выпускной курс) и работая с хорами, я хочу предложить вам расширить в «Смене» направление, связанное с музыкой, особенно с классической, и придумать интересный музыкальный проект, который объединил бы печатное издание со стремительной сегодняшней жизнью!

Столько всего хотелось сказать, обсудить с уважаемыми людьми, издающими старейший молодежный журнал России, что не смогла удержаться.

Еще раз спасибо за «Смену»!

Ольга Яковенко,

Студентка, 23 года, Москва

Денис
Логинов

Первая книга его стихов была издана только в 1854 году, когда поэту был уже 51 год, хотя сочинять он начал, кажется, едва научившись читать и писать.

ПОЭТ- царедворец

Федор Иванович Тютчев родился 5 декабря 1803 года в родовой усадьбе Овстуг Орловской губернии. Мальчик получил прекрасное домашнее образование, помимо обыч-

ных дисциплин изучал латынь, древнеримскую поэзию, писал стихи, как и все подростки — подражательные, но безукоризненно правильные: сказалось римское влияние.

Во всяком случае, в двенадцатилетнем возрасте он блестяще перевел Горация, а в четырнадцатилетнем — был принят в Литературное общество Московского университета.

Уже в двадцать лет он стал дипломатом — и на долгие годы расстался с Россией. Тем удивительнее, что все его стихи — куда более русские, чем стихи никогда не пересекавших границ Пушкина и Лермонтова. Строчки из его стихотворений практически у всех на слуху... Только мало кто может назвать их автора.

В статье, написанной уже после смерти поэта, Некрасов совершенно искренне воскликнул:

«Во всех этих стихотворениях есть или удачная мысль, или чувство, или картина, и все они выражены поэтически, как умеют выражаться только люди даровитые... Мы решительно относим талант Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам и повторяем здесь только наше сожаление, что он написал слишком мало»...

Статья называлась «Русские «второстепенные» поэты», а приведенный отрывок относится к Федору Ивановичу Тютчеву, про которого Лев Толстой как-то сказал:

— Без Тютчева нельзя жить.

Без стихов Тютчева, разумеется. Да мы без них и не живем...

В 1817 году начал посещать лекции на словесном отделении в Московском университете, сначала в качестве вольнослушателя, а осенью следующего года был уже за-

числен студентом. Никаких юношеских шалостей за ним не замечалось, никаких крамольных идей он не высказывал и не горел желанием их слушать, самодержавие вос-

принимал как Богом данное государственное устройство и полагал кощунственным менять установившийся порядок. Чрезвычайно скучная юность, не так ли? Такие «правильные мальчишки» обычно не становятся поэтами. Но дело в том, что Феденька Тютчев поэтом родился, и стихи писал так же легко, как

комился с философом Шеллингом и подружился с Г. Гейне, став первым переводчиком его стихов на русский язык.

Блистательным, кстати сказать, переводчиком.

В двадцать три года Федор Иванович женился по страстной любви на немецкой аристократке Элеоно-

Молодой дипломат и отец семейства ни на минуту не желал признавать себя профессиональным поэтом и относился к собственному ворчеству с удивительной небрежностью: мог записать на салфетке в кафе прелестное рондо и... оставить его кельнеру вместе с чаевыми. Бог весть, сколько талантливых стихов Тютчева не дошло до нас из-за его предрассудков: поэзию он считал едва ли достойным занятием для мужчины

иные — любовные записочки барышням, то есть, совершенно не задумываясь.

Получив аттестат об окончании университета в 1821 году, Тютчев поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел и отправился в Мюнхен в качестве атташе Российской дипломатической миссии. С этого времени его связь с русской литературной жизнью надолго прервалась. Он провел за границей, в Мюнхене, двадцать два года. Здесь женился, здесь позна-

ре Петерсон, урожденной графине фон Ботмер, которая родила ему трех дочерей — Анну, Дарью и Екатерину. Впоследствии все они стали фрейлинами императорского двора, а старшая, Анна, вышла замуж за Ивана Аксакова — писателя и главного биографа своего отца.

Связь с русской литературной жизнью прервалась в том смысле, что Тютчев не мог в ней лично участвовать. Но уже через два года после свадьбы было написано стихотворение, первую строчку из которо-

го знают наизусть практически все и которое цитируют каждую весну:

«Люблю грозу в начале мая...»

При этом молодой дипломат и отец семейства ни на минуту не желал признавать себя профессиональным поэтом и относился к собственному творчеству с великолепной небрежностью: мог записать на салфетке в кафе прелестное рондо и... оставить его кельнеру вместе с чаевыми. Бог весть, сколько талантливых стихов не дошло до нас из-за аристократических предрассудков Федора Ивановича: поэзию он считал едва ли вообще достойным занятием для мужчины.

Как сказали бы сейчас, он представления не имел о том, как нужно «пиарить» свое творчество. Не читал стихов по светским гостиним, не писал их в альбомы барышень, не старался во что бы то ни стало опубликовать хоть строчку. Писал — и забывал, хорошо еще, если в ящике письменного стола.

Современник, князь Гагарин, вспоминал о нем так:

«...Можно сказать, что в тщеславии у Тютчева был органический недостаток. Он любил свет — это правда; но не личный успех, не утехы самолюбия влекли его к свету. Он любил его блеск и красоту... Но, любя свет, всю жизнь вращаясь в свете, Тютчев ни в молодости не был, ни потом не стал "светским человеком". Соблюдая по возможности все внешние светские приличия, он не рабствовал пред ними душою, не покорялся условной

Ф.И. Тютчев в детстве

светской "морали", хранил полную свободу мысли и чувства...

Он никогда не становился ни в какую позу, не рисовался, был всегда сам собою, таков, как есть, прост, независим, произволен...»

Впрочем, дипломатическая работа оставляла мало времени на писание стихов. Зато все признавали, что, как собеседнику, Тютчеву не было равных. Стоило этому невысокому, внешне невзрачному человеку заговорить о чем-нибудь с мужчиной или дамой, почти сра-

Ф.И. Тютчев в юности

зу же вокруг начинали собираться слушатели.

И все-таки друзья добились того, что в 1829 году в малоизвестном журнале «Галатей» были опубликованы стихотворения Тютчева, свидетельствующие о зрелости его поэтического таланта, но не принесшие известности автору. И подборка оказалась не слишком удачной, и журнал, как уже было сказано, не пользовался особой популярностью.

Настоящее признание поэзия Тютчева впервые получила почти десять лет спустя, в 1836 году, когда в пушкинском «Современнике» появились его 16 стихотворений. Но и это признание оказалось недолговечным: литературные круги были заняты совсем другим. Трагическая гибель Пушкина в 1837-м, почти дубль этой трагедии спустя четыре года у Лермонтова, появление новых, более честлюбивых поэтов...

Да и Тютчеву в те годы было не до поэзии. Пароход «Николай I», на котором вся его семья плыла из Петербурга в Турин (куда Тютчев был назначен первым секретарем Русской миссии), потерпел бедствие в Балтийском море. Эта катастрофа серьезно подкосила здоровье Элеоноры Тютчевой, и в 1838 году она скоростижно скончалась, еще совсем молодой. Федор Иванович был настолько сражен смертью супруги, что, проведя ночь у ее гроба, как утверждали очевидцы, посидел за несколько часов...

И все же эмоции, страсти — всегда перехлестывали у него через край, удивительным образом сочетаясь с жаждой жизни. Ибо уже через год Тютчев обвенчался с баронессой Эрнестиной фон Дернберг, которая, по всей видимости, какое-то время уже была его любовницей. Сохранились воспоминания Эрнестины об одном бале в феврале 1833 года, на котором ее первый муж почувствовал себя нездоровым. Не желая мешать жене, он ре-

шил уехать домой один. Обратившись к молодому русскому, с которым разговаривала баронесса, он сказал:

— Поручаю вам мою жену.

Этим русским был Тютчев. Через несколько дней барон фон Дернберг умер от тифа, эпидемия которого охватила в то время Мюнхен. Федор Иванович, по-видимому, воспринял светскую фразу барона слишком буквально.

Венчался Тютчев в Швейцарии, куда отправился без разрешения начальства. Этот служебный проступок положил конец его дипломатической службе. Он подал в отставку и поселился в Мюнхене, где провел еще пять лет, не имея никакого официального положения и настойчиво пытаясь вернуться на государственную службу, без которой (точнее, без сопровождающих ее всевозможных раутов, встреч и балов) не мыслил себе жизни.

Но чтобы добиться осуществления своей мечты, Тютчеву с семьей пришлось вернуться в Россию. Только там, в 1844 году, он был вновь принят на службу в Министерство иностранных дел. От второй обожаемой супруги у него было двое детей — дочь Мария и сын Дмитрий. Третий ребенок — сын Иван — родился уже в России в 1846 году.

Секрет осуществления мечты был прост: в конце 1843 года Тютчев встретился с всесильным начальником III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфом. Итогом

этой встречи стала поддержка императором Николаем I всех инициатив Тютчева в работе по созданию позитивного облика России на Западе. Тютчеву дали добро на самостоятельное выступление в печати по политическим проблемам взаимоотношений между Европой и Россией. И он выступил — с политическими статьями «Россия и Германия», «Россия и революция», «Папство и римский вопрос», в которых делал вывод о неизбежности столкновения между Россией и Западом и конечного торжества «России будущего», представлявшейся ему «всеславянской» империей. В статье «Россия и революция» он писал, что в «современном мире» существуют только две силы: революционная Европа и консервативная Россия. Тут же излагалась и идея создания союза славянско-православных государств под эгидой России...

Все на эмоциях, все через край...

Князь Мещерский, хозяин одного из самых блестящих салонов Санкт-Петербурга вспоминал:

«...Он был одним из усерднейших посетителей моих вечеров; он сидел в гостиной на диване, окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мне случалось на моем веку разговаривать и слушать знаменитых рассказчиков, но не один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев. Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчужины, небрежно скатывались с его уст. Он был едва ли не самым свет-

ским человеком в России, но светским в полном значении этого слова. Ему были нужны как воздух каждый вечер яркий свет люстр и ламп, веселое шуршание дорогих женских платьев, говор и смех хорошеньких женщин.

Между тем, его наружность очень не соответствовала его вкусам; он был дурен собою, небрежно одет, неуклюж и рассеян; но все, все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать; все мгновенно умолкали, и во всей комнате только и слышался голос Тютчева. Соперник его по салонным успехам, князь Вяземский, хотя обладал редкой привлекательностью, но никогда не славился этой простотой обаятельности, которой отличался ум Тютчева...»

С 1848 года Федор Иванович занимал должность старшего цензора Министерства иностранных дел. Будучи им, он не разрешил распространять в России «Манифест коммунистической партии» на русском языке, заявляя, что «кому надо, прочтут и на немецком».

Что ж, вполне логично. Только этим поступком, да и самой своей новой должностью Тютчев фактически лишил себя будущего: его впервые напечатали при советской власти только в 1966 году в четырехтомной антологии «Русские поэты», которую удалось выпустить в... издательстве «Детская литература».

17 апреля 1858 года действительный статский советник Тютчев был назначен Председателем комитета иностранной цензуры. На этом по-

сту, несмотря на многочисленные неприятности и столкновения с правительством, он пробыл 15 лет, вплоть до своей кончины. В 1865 году он стал членом-корреспондентом Петербургской академии наук, а позже его произвели в тайные советники, хотя и звание члена-корреспондента, и титул тайного советника были для него пустым звуком. Его зять и первый биограф Иван Аксаков писал:

«Семью Тютчевых я помню с детства...»

Душой и сердцем этой семьи была прелестная Эрнестина Федоровна, вторая жена Ф.И. Тютчева, поэтичная и высокая женщина, в которой ум, сердце и прелесть женщины сливались в одно гармоничное и грациозное целое... Сам Федор Иванович Тютчев был чем-то вроде витающего духа в своей семье. Он всюду казался случайно залетевшей птичкой, и дома, в своей прекрасной и симпатичной семье, тоже... Из многих оригинальных типов той эпохи, мною виденных, Ф.И. Тютчев помнится мне как самый оригинальный.

Он был олицетворением и осуществлением поэта в жизни: реальная проза жизни для него не существовала... Он жизнь свою делил между поэтическими и между политическими впечатлениями и, отдаваясь им, мог забывать время, место и подавно такие прозаические вещи, как еда, сон или такие стесняющие свободу вещи, как аккуратность, дисциплину, придворный этикет...

Свои прелестные стихи, как и свои прелестные слова, Тютчев ронял, как цветы мгновенного вдохновения... Он не знал, что значит сочинять стихи; они создавались в ту минуту, как созвучием нужно было высказать мысль или чувство. Наскоро набрасывал их на клочке бумаги и затем ронял, позабывая о них, на пол, а жена его подбирала; или он вдруг импровизировал, а жена его записывала выливавшиеся из души его мысли и чувства в стихах.

изящно и спокойно... Но тогда, когда его задевало за живое русское чувство или когда кто-нибудь его раздражал своими суждениями, он выходил из себя и говорил с огнем...

Тютчев был глубоко русский человек в своих политических убеждениях, и в то же время глубоко искренний, а в силу его глубокой искренности он не знал, что значит неискренняя речь...»

Равнодушие к внешним проявлениям и условностям жизни в Федо-

С

баронессой фон Дернаберг Тютчев венчался в Швейцарии, куда отправился без разрешения начальства. Этот служебный проступок положил конец его дипломатической карьере. Он подал в отставку и поселился в Мюнхене, где провел пять лет, не имея никакого официального положения и настойчиво пытаясь вернуться на государственную службу, без которой не мыслил себе жизни

Как-то раз, вернувшись домой под проливным дождем, Тютчев стоял в своем кабинете, терпеливо глядя, как камердинер под надзором жены снимал замоченный сюртук... Стоит и с уст его падают те прелестные стихи: "Слезы людские...", которые он так поэтично уподоблял каплям дождя.

Точно так же падали с уст его умные слова... Он говорил медленно,

ре Ивановиче было поразительным, и тем удивительнее, что по своему образу жизни он всецело принадлежал к придворной среде и чувствовал себя в ней, как рыба в воде. Нередко участвуя в дворцовых церемониях, когда они ему в достойной мере надоедали, мог преспокойно покинуть свое место и вернуться к себе домой, не заботясь о том, ка-

Элеонора Петерсон

кое впечатление произведет такое самоволие. Но иногда случались и забавные казусы, становившиеся на долгое время предметом анекдотов при дворе.

...Раз, неся при каком-то торжестве шлейф одной из великих княгинь, кажется, Елены Павловны, Федор Иванович, заметив кого-то из знакомых, остановился и заговорил с ним, в то же время, не выпуская шлейфа из рук, что, разумеется, произвело замешательство в кортеже и остановку шествия. Фе-

Эрнестина Дернберг

дор Иванович только выпустил из рук злополучный шлейф, когда кто-то из придворных чуть не силой вырвал его у него. Не смущаясь подобным инцидентом, Тютчев остался на своем месте и продолжал беседу, забыв совершенно и о шлейфе, и о своих обязанностях. Но самый характерный анекдот вышел с ним при одном из его посещений великой княгини Елены Павловны, которая, сказать к слову, чрезвычайно благоволила к Тютчеву, высоко ставя его светлый ум и прямо-

ту сердца. Дело было летом. Во дворце великой княгини Елены Павловны в Петергофе был назначен бал, куда должен был явиться и Федор Иванович. В этот день утром, приехав с дачи, Тютчев обедал в доме одних своих близких друзей и, по обыкновению, после обеда прилег отдохнуть, с тем, чтобы вечером ехать во дворец. Пока он спал, его лакей привез ему парадный фрак и, оставив на стуле в комнате, уехал, согласно ранее отданному ему приказанию. Проснувшись, Федор Иванович оделся и уехал, никем из хозяев дома незамеченный, как он это часто делал.

Приехав ко дворцу и идя по аллеям парка, ярко освещенным иллюминацией, Тютчев, по обыкновению, о чем-то глубоко задумался и шел, не замечая ни того, что перед ним, ни того, что на нем.

— Федор Иванович, — окликнул его встретившийся ему князь Б., — что за фрак на вас?

— А что? — спокойным тоном переспросил Федор Иванович. — Фрак как фрак: если плохо сшит, то это дело не мое, а моего портного. — Сказав это, он продолжал свой путь, даже не оглянувшись на себя. Дело в том, что Федору Ивановичу часто надоедали его близкие друзья, указывая ему на его слишком мало щегольское одеяние, а потому он, привыкнув к подобного рода замечаниям, не обращал уже на них никакого внимания.

Не успел Федор Иванович пройти еще несколько шагов, как его

Елена Денисьева

снова окликнули, и снова ему пришлось выслушать восклицание изумления по поводу его костюма. На этот раз Тютчев даже не счел нужным останавливаться и, пробормотав только:

— Ах, не все ли равно, точно не все фракы одинаковы, — направился к показавшейся вдали великой княгине.

Взглянув на Тютчева, ее высочество закусил губу, стараясь удержаться от смеха, и в то же время дала знак окружающим ее, чтобы

они не обращали внимания Федора Ивановича на его странный костюм и оставили бы его в покое. Поговорив с великой княгиней и побродив

с полчаса по залам дворца и по парку, Федор Иванович незаметно исчез и уехал домой. На другой день он снова навестил тот дом, где

был накануне, и там, между прочим, ему сообщили, что кто-то вчера обокрал выездного лакея.

— Ну что могли у него украсть? — удивился Федор Иванович.

— Представьте себе, его ливрею.

— Ливрею? Но как же это могло случиться?

— Сам не понимает. Ливрея висела в передней и вдруг исчезла. И что удивительно, рядом на стуле лежал ваш фрак — его не взяли, а поношенную ливрею Федора взяли.

— Мой фрак? — удивился Федор Иванович и вдруг, добродушно рассмеявшись, произнес. — Теперь, мне кажется, я знаю, кто вор... (...)

А вот в семейной жизни Тютчева все было далеко не так забавно. После одиннадцати лет брака, заключенного по страстной любви, Федор Иванович влюбился в подругу своей старшей дочери от первого брака — Елену Денисьеву, Лелю. После того, как их отношения стали известны в свете, от Денисьевой отрекся отец, она была вынуждена покинуть институт и жить на съемной квартире, но ее это, кажется, не слишком интересовало. Она бросилась в омут чувств с головой, и всю себя посвятила Тютчеву. В мае 1851 года у Денисьевой родилась девочка, которую в честь матери назвали Еленой. По настоянию матери девочку записали на фамилию отца.

Пик увлечения у Тютчева вскоре прошел, и уже в 1851 году он написал стихотворение-«итог»:

*«О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей*

*Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!»*

Тем не менее, роман продолжался четырнадцать лет. И Леля родила еще двоих детей — Федора, прожившего долгую и трудную жизнь боевого офицера, и Николая, умершего в младенчестве.

Последние годы жизни были для Елены Александровны очень тяжелыми. Силы иссякали, давала о себе знать чахотка. В августе 1864 года, родив второго сына, она скончалась на руках у Федора Ивановича. Дочь Елена и младший сын пережили мать лишь на год.

Но, не случись этой трагедии, не было бы той великолепнейшей любовной лирики Тютчева, равной которой, пожалуй, нет в русской поэзии. Так называемый «денисьевский цикл» был просто обречен на бессмертие.

*«О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари
вечерней!*

*Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит
сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний
день,*

*Продлись, продлись,
очарованье.*

*Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет
нежность...*

*О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство
и безнадежность...»*

через несколько минут Федор Иванович приходил, мы вдвоем садились пить кофей, от которого я ни в какое время дня не отказываюсь. Каких психологических вопросов мы при этом ни касались! Каких великих поэтов ни припоминали! И, конечно, я подымал все эти вопросы с целью слушать замечательные по своей силе и меткости суждения Тютчева и упивался ими. Помню, какую радостью затрепетало мое сердце, когда, прочитавши Федору Ивановичу принесенное мною новое стихотворение, я услышал его восклицание: "Как это воздушно!"

Зная, что в настоящее время он проживал в Петербурге, в доме Армянской церкви, я сказал Як. Петр. Полонскому, бывшему в самых интимных отношениях с Тютчевым, — о желании проститься с поэтом, отъезжавшим, как я слышал, в Италию.

— Это невозможно, — сказал Яков Петрович, — он в настоящее время до того убит роковой своей потерей, что только страдает, а не живет, и потому дверь его закрыта для всех.

— По крайней мере, — сказал я, — передай ему мой самый искренний поклон.

В первом часу ночи, возвращаясь в гостиницу Кроассана, я, вместе с ключом от номера, получил от швейцара записку. Зажигая свечу на ночном столике, я, при мысли сладко задремать над французским романом, намерен был предварительно, уже лежа в постели, прочесть и записку. Раскрываю последнюю и

читаю: "Тютчев просит тебя, если можно, прийти с ним проститься".

Конечно, я через минуту был снова одет и полетел на призыв. Безмолвно пожав руку, Тютчев пригласил меня сесть рядом с диваном... на котором он полулежал. Должно быть, его лихорадило и знобило в теплой комнате от рыданий, так как он весь покрыт был с головою темно-серым пледом, из-под которого виднелось только одно изнемогающее лицо. Говорить в такое время нечего. Через несколько минут я пожал ему руку и тихо вышел...

Когда Тютчев вернулся из Ниццы, где написал свое известное:

«О, этот юг, о, эта Ницца!..»
мы, чтобы переговорить, зашли в кафе на бульваре и, спросив себе для приличия мороженого, сели под трельяжем из плюща. Я молчал все время, а Тютчев болезненным голосом говорил, и грудь его сорочки под конец рассказа оказалась промокшей от падавших на нее слез...»

Да, после встречи с Денисьевой жизнь самого Тютчева изменилась едва ли не роковым образом. Его внебрачный сын Федор писал в своих «Воспоминаниях»:

«...Федор Иванович настолько сильно увлекся ею, что, ни на минуту не задумавшись, приносит в жертву своей любви свое весьма в то время блестящее положение. Он почти прорывает с семьей, не обращает внимания на выражаемые ему двором неудовольствия, смело бравирует

общественным мнением и, если, в конце концов, не губит себя окончательно, то, тем не менее, навсегда портит себе весьма блистательно сложившуюся карьеру. Это увлечение, наиболее сильное во всей его жизни, оставило на ней глубокий след, выбило его, так сказать, из колеи и сделало то, что последние двадцать лет прошли для Федора Ивановича почти безрезультатно в смысле какого бы то ни было творчества. Как захваченный водоворотом, он бесцельно метался в заколдованном круге нелепых, тяжелых, подчас унижительных условий созданного им самим положения, являясь в одно

«И.С. Аксаков

Царское Село. 18 июля 1873.

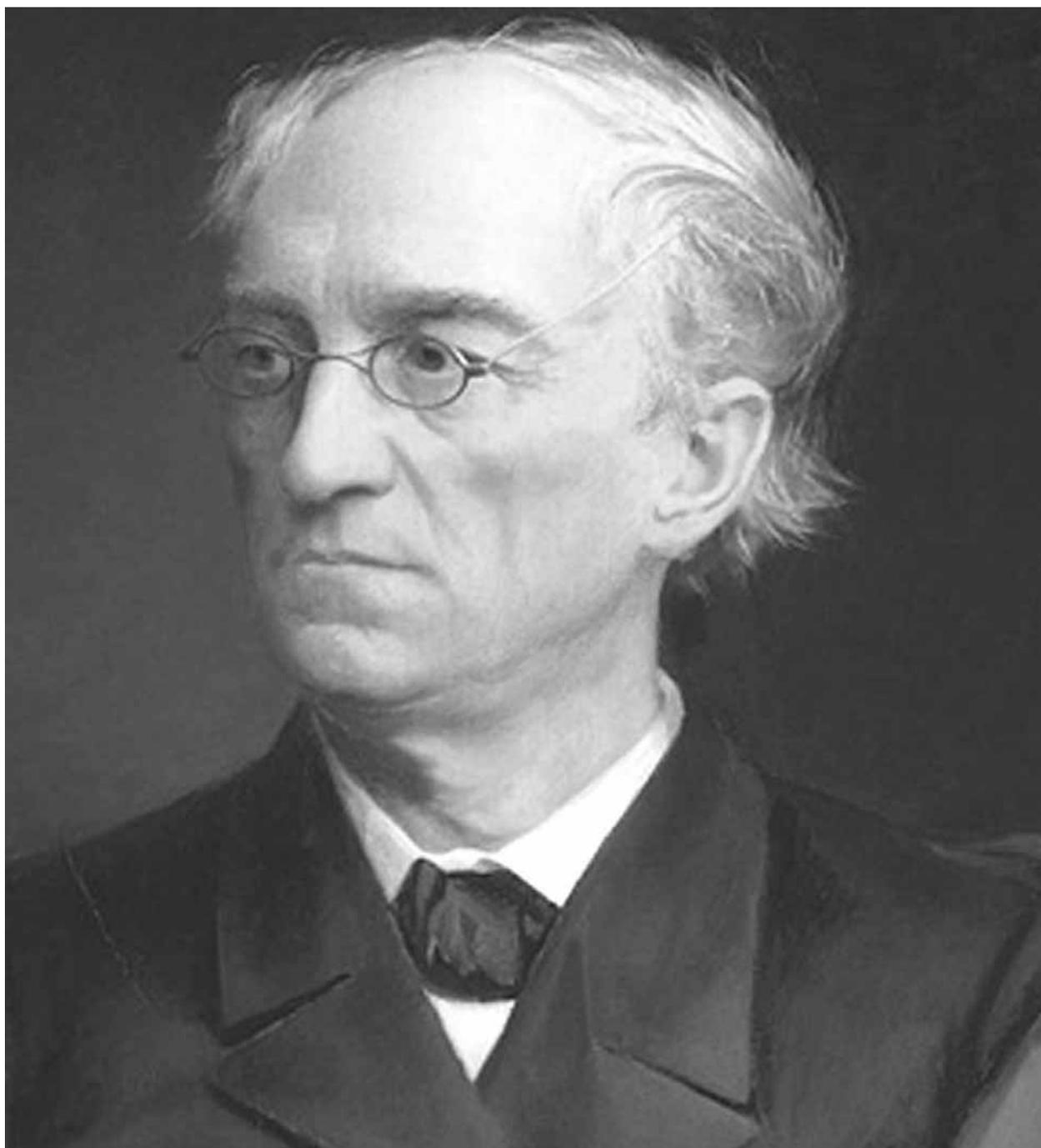
Сегодня утром схоронили мы Тютчева. Он умер в воскресенье утром, 15 июля, вернее сказать — угас, тихо, без страданий, без жалоб, без слов: уже дня три или четыре до смерти его речь, постепенно слабеющая, как бы поникла, не потому, чтобы у него отнялся язык, но потому, что он был слишком слаб, и точное выражение мысли было ему слишком трудно. Дней за 6 до смерти он хотел передать какое-то соображение, пробовал его высказать и, видя неудачу, промолвил стоской: («Ах, какая мука,

После одиннадцати лет брака Федор Иванович влюбился в подругу своей старшей дочери — Елену Денисьеву, Лелю. После того, как их отношения стали известны в свете, отец отрекся от любимой дочери, и Леля вынуждена была покинуть институт и жить на съемной квартире. Но ее это мало волновало. Она с головой бросилась в омут чувств и всю себя посвятила Тютчеву

и то же время и палачом и жертвой, и когда через 14 лет он потерял ту, которую так безумно и страстно любил, не был уже способен ни на какую активную деятельность...»

До нас дошло более 1200 писем Тютчева. Половина из них написана Елене Денисьевой.

когда не можешь найти слова, чтобы передать мысль!). Последние 6 дней не было при нем никого, кроме его жены, не отходившей от него ни днем, ни ночью. По ее словам, в ночь с четверга на пятницу лицо его приняло такое выражение, так, видимо, озарилось приближе-

нием смертного часа, что для нее не осталось никакого сомнения в наступлении кончины, хотя доктор еще накануне, да и потом в течение дня, утверждал, что его состояние может продлиться целый месяц и даже более. Она тотчас послала за священником: его причастили и со-

боровали. Он лежал безмолвен, недвижим, с глазами открыто глядевшими, вперенными напряженно куда-то, за края всего окружающего, с выражением ужаса, и в то же время необычайной торжественности на челе. «Никогда чело его не было прекраснее, озареннее и тор-

жественнее, как в эту минуту и потом во все время агонии», — говорит его жена. Эта агония продолжалась двое суток. Священник тоже свидетельствовал мне, что Тютчев хранил полное сознание до смерти, хотя уже не делился этим сознанием с живыми. Вся деятельность этого сознания, вся жизнь мысли в эти два дня — выражалась и светилась на этом тебе знакомом, высоком челе, — но тайна этой мысли унесена им в могилу...»

Гроб с телом поэта перевезли из Царского Села в Петербург, и он был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Музей-усадьба поэта находится в подмосковном Муранове. Она досталась во владение потомкам поэта, которые и собрали там мемориальные экспонаты.

«Бедный Тютчев! Кажется, ему ли умирать? Он пользовался и наслаждался жизнью и в высшей степени данным от Провидения человеку даром слова. Он незаменим в нашем обществе. Когда бы не бояться изысканности, то можно сказать о нем, что если он и не златоуст, то жемчужноуст. Какую драгоценную нить можно нанизать из слов, как бы бессознательно спадавших с языка его! Надо составить по ним Тютчевяну, прелестную, свежую, живую, современную антологию. Малейшее событие, при нем совершившееся, каждое лицо, мелькнувшее пред ним, иллюстрированы и

отчеканены его ярким и метким словом...

П. А. Вяземский».

Увы, «Тютчевяна» так и не была составлена. Хотя Тургенев в свое время и заметил, что Тютчев — один из самых замечательных русских поэтов, но талант его не был обращен к толпе. Для того, чтобы оценить его поэзию, надо самому быть одаренным тонкостью понимания и гибкостью мысли.

«...Фиалка своим запахом не разит на двадцать шагов кругом; надо приблизиться к ней, чтобы почувствовать ее благовоние. Мы, повторяем, не предсказываем популярности г. Тютчеву; но мы предсказываем ему глубокое и теплое сочувствие всех тех, которым дорога русская поэзия, а его стихотворения пройдут из конца в конец России и переживут многое в современной литературе, что теперь кажется долговечным и пользуется шумным успехом.

И.С. Тургенев».

Добавить к этому полностью сбывшемуся пророчеству почти нечего. Разве что легкое недоумение. Этой зимой, в декабре, исполнится 210 лет со дня рождения, а летом исполнится 140 лет со дня смерти одного из самых талантливых русских поэтов. Но мне не удалось найти улицу Тютчева ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге.

Даже о «Тютчевских чтениях» я никогда ничего не слышала.

А вы? □

Дмитрий Мизгулин

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ

Смеркается. Как наваждение
В морозном мареве огней
Проспекта сонное движенье,
Реклам дрожащее свеченье,
Мерцанье тусклых фонарей...

Иду по Невскому. Знакомо
И все почти известно мне...
На миг останавлиюсь
у дома,
Увижу яркий свет в окне.

Светлана
Бестужева-Лада

Принцесса

ГРЁЗА

Об этой женщине написано совсем немного, а из того, что написано, почти две трети — фантазии писателей, вдохновлявшихся бессмертной ненавистью императрицы Елизаветы к своей кузине. Принцесса, приходившаяся родной внучкой царю Иоанну Алексеевичу, прожила короткую и бесцветную жизнь. Ее лишили даже внешности: статная, стройная брюнетка с большими выразительными темными глазами — романовская кровь! — превратилась в тощее, белобрысое создание, лишенное какой бы то ни было физической привлекательности и женственности.

Она была романтической мечтательницей, любила читать, а недоброжелатели создали ей репутацию капризной, вспыльчивой, неряшливой и ленивой особы. Свергнувшая ее «сестрица» Елизавета Петровна постаралась оправдать переворот борьбой с «незаконным правлением» и вычеркнуть из истории имена соперницы и ее сына.

А если не вычеркнуть — хотя бы очернить. И это ей вполне удалось.

Царь-реформатор, устраивавший личную жизнь близких, подходил к этому вопросу столь же решительно, как и ко всем остальным делам. Сосватав сыну австрийскую принцессу, не потрудившись даже подумать, подходят ли друг другу жених и невеста, он с таким же настроением выдал замуж двух своих племянниц, до-

черей старшего сводного брата-царя Иоанна, уже покинувшего этот мир.

Среднюю племянницу — Анну — будущую российскую императрицу, он выдал за герцога Курляндского, не дав молодым людям времени даже толком познакомиться. Как выяснилось, времени узнать друг друга у них вообще не оказалось: после почти

двух месяцев непрерывного свадебного застолья молодые выехали на Митаву — столицу Курляндского герцогства, и по дороге молодожен скончался (скорее всего, от пиршественных излишеств), оставив молодую вдову едва ли не девственницею.

Все мольбы Анны о дозволении вернуться в Москву к маменьке остались без внимания: Петру нужна была послушная кукла на курляндском престоле — и он ее туда

тюшку-озорницу» на ближайшее ка-напе. Понятно, что приязни к супруге у герцога от этого не прибавлялось, и он крайне неохотно признавал своей родившуюся спустя три года после свадьбы дочь, нареченную Елизаветой-Христиной и крещеную по обряду протестантской церкви.

На родине маленькая принцесса прожила лишь до трех лет. Супружеская жизнь ее матери, Екатерины Иоанновны, оказалась очень тяже-

Маленькой принцессе Анне в России понравилось. Здесь ее все баловали — и бабушка, и тетушка Прасковья, младшая сестра матери, и сам государь Петр Великий. В угоду ему Анну воспитывали на европейский манер, продолжались уроки иностранных языков, музицирования, танцев и верховой езды. Читать по-французски она выучилась гораздо раньше, чем по-русски, и очень пристрастилась к чтению романов

посадил. Двадцать лет Анна погибала от скуки и безделья в холодном дворце Митавы, утешаясь случайными любовниками и охотой.

Старшую — Екатерину — Петр сосватал за герцога Мекленбург-шверинского Карла-Леопольда, чей тяжелый характер был прекрасно известен всей Европе. Кроме того, сам Петр был более чем неравнодушен к своей смазливой и веселой племяннице и не делал из этого большого секрета: частенько навещал Мекленбург и заваливал «Ка-

ла: грубость, сварливость и деспотизм мужа были невыносимы. Она прожила с ним шесть лет исключительно из страха перед дядюшкой. Слала матери Прасковье Федоровне и дяде Петру Великому жалостные письма, умоляя избавить ее от тиранства супруга. Прасковья Федоровна, переживая за дочь, в свою очередь писала Петру и даже его супруге, «невестушке Екатерине»:

«Прошу у вас, государыня, милости, побей челом царскому величеству о дочери моей, Катюшке, чтоб в печа-

лях ее не оставил в своей милости; также и ты, свет мой, матушка моя невестушка, пожалуйста, не оставь в таких ее несносных печалях».

Возможно, Екатерина Ивановна так и не решилась бы выехать в Россию, и Анна Леопольдовна действительно была бы воспитана, как европейская принцесса. Но в конце 1722 года Петр Великий, возмущенный постоянными жалобами племянницы, прекратил выплату ей содержания, а оно по брачному договору было немалым. На это Карл-Леопольд

ответил тем, что стал принуждать жену к перемене вероисповедания. Просто для того, чтобы досадить не любимой супруге, на чью веру ему до сего времени было решительно наплевать.

Тут уж Екатерина Ивановна потеряла последнее терпение.

В августе 1722 года разрешение герцогине вернуться с дочерью в Россию было, наконец, получено. Герцог особо по этому поводу не печалился, тем более что врачи никак не обнадеживали его насчет рожде-

ния у его супруги других детей, помимо дочери, которая не могла наследовать герцогство и, следовательно, была совершенно не нужна отцу.

На родине ее тоже никто особенно не ждал: Петр заметно охладил к племяннице, попав под сильное влияние своей второй супруги, коронованной им императрицей. Екатерина Иоанновна и Елизавета-Христина поселились у «старой царицы» Прасковьи Феодоровны, вдовы царя Иоанна. Жили там, где была воля

императора: то в Москве, то в Петербурге, то в окрестностях столиц.

Елизавета-Христина росла в темной среде, под надзором малообразованной матери, не получая правильного воспитания и образования. Единственная внучка царицы Прасковьи была окружена мамками, няньками, приживалками, шутами и калекками, которых по старомосковскому обычаю привечала Прасковья Федоровна. Образованием девочки, однако, никто толком не занимался,

несмотря на стремление бабушки обучить внуку русской грамоте.

Точно также откладывалось «на потом» крещение принцессы по православному обряду. Старая царица все время болела, а маменька, Екатерина Иоанновна, предпочитала балы и пиры, на которых вела себя так, что закономерно получила прозвище «Дикой герцогини». Меньше всего ее интересовала собственная дочь.

Но маленькой принцессе Анне Леопольдовне в России понравилось. Здесь ее баловали — и бабушка, и тетушка Прасковья, младшая сестра матери, оставшаяся в девицах. А в угоду двоюродному деду, государю Петру Великому, Анну воспитывали на европейский манер, и продолжались уроки иностранных языков, музицирования, танцев и верховой езды. Читать по-французски она выучилась гораздо раньше, чем по-русски, и очень пристрастилась к чтению романов, что, естественно, старорусская бабушка одобрить никак не могла.

Увы, любимая бабушка скончалась через год после приезда единственной внучки в Россию, а тетушка Прасковья неожиданно для всех вышла замуж за вдовца, генерал-аншефа Ивана Ильича Старшего Дмитриева-Мамонова, происходящего из древнего русского рода Рюриковичей, но утратившего княжеский титул. У них родился сын, проживший, правда, всего несколько месяцев. Словом, и тетушке стало не до племянницы.

Оставались только книги. С самого раннего детства Анну отлича-

ла романтичность и сентиментальность, это замечали все. Читать она научилась по тем временам очень рано — в шесть лет — и уже лет с восьми зачитывалась толстыми многотомными романами и слезливыми поэмами о разлученных возлюбленных. Анна очень любила поплакать над книжкой — и вообще поплакать, что страшно раздражало наконец-то появившихся у нее воспитательниц.

Одной из них была мадам Адеркас — вдова французского генерала, почему-то описываемая романистами как бывшая содержательница публичного дома в Германии. Ну, разумеется, кто еще мог воспитать такую ленивую, необразованную и развратную(!) девицу, какой изображают Анну Леопольдовну практически все историки.

Окружающие находили, что в юной принцессе очень много чуждого немецкому духу, а именно: рассеянность, вдумчивость и даже лень. Ее многие называли лентяйкой, как в детстве, так и в зрелые годы, потому что Анна могла целый день провести в постели с книгой. Как же так — не встать, не умыться, не причесаться, а все лежать и читать, читать, читать... Частенько она притворялась больной и требовала, чтобы ей приносили еду в постель.

В Измайловском дворце судачили, что принцессе лень даже выйти к столу, чтобы поесть, а на самом деле ей просто не хотелось отрываться от книжки. Постепенно такое неумеренное чтение начало оказы-

вать влияние на мировосприятие и поведение девочки. Уже в двенадцать лет Анна смотрела на окружающее, словно через некую волшебную призму, придававшую всем событиям романтический оттенок, а в речи появились столь выпренные, книжные выражения, что окружающие смеялись над ней. За глаза, естественно.

Как раз в это время от оспы скончался юный император Петр II, а русские аристократы сочли наиболее выгодным для себя вариантом призвать на освободившийся трон одну из дочерей покойного царя Иоанна, конкретно — вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну. Мечтали — декоративная императрица, которой (и за которую) будет править Совет из семи «верховников», а получили самую депотичную и кровавую самодержицу после Ивана Грозного.

Первое время после воцарения новой императрицы для герцогини Мекленбургской и ее дочери ничего не изменилось: коронованной родственнице было не до них, она, следуя советам хитрого и умного придворного Андрея Остермана, укрепляла свои позиции. И добилась своего в рекордно короткие сроки, после чего начала методично и жестоко расправляться с теми, кто пригласил ее на царствование.

Заодно следовало решить и вопрос о престолонаследии, благо грозный дядюшка Петр Алексеевич оставил после себя замечательный закон: престол можно передать ко-

му угодно, все зависит от воли царствующей особы. Анна Иоанновна была вдовой, официально детей у нее не было. Зато был вечный страх, что после ее смерти престол займут другие родственники Петра: либо дочь Елизавета, либо внук Петр, «чертушка голштинский», сын уже умершей к тому времени старшей дочери Петра Анны.

Но добрые люди не оставили императрицу советами, обратив ее внимание на родную племянницу, дочь старшей сестры. За нее просила и сама герцогиня Екатерина, и духовник императрицы, архимандрит Варлаам, и ставший вице-канцлером Остерман, и обер-гофмаршал граф Левенвольде, и Феофан Прокопович...

Последний особенно настаивал на том, что племянницу необходимо обратить в православие, а вице-канцлер измыслил хитроумный план: найти ей жениха между иностранными принцами и затем выбрать наследника российского престола из детей, которые родятся от этого брака.

Трудно сказать, почему Анна Иоанновна не избрала простой и прямой путь передачи трона своей племяннице. Вместо этого она заставила гвардию и двор, а затем и весь народ присягнуть «тому, что породит чрево племянницы».

Присягнули — куда денешься, когда ежедневно кого-то то в Сибирь ссылают, то в дальний монастырь отправляют, а то и казнят без затей и с оными. Уже тогда был возрожден «Тайный Приказ» во главе с

Андреем Ушаковым, о котором ходили страшные слухи — почти всегда, увы, правдивые.

Анна Иоанновна взяла принцессу Елисавету ко двору, устроила для нее отдельный штат и поместила ее в доме рядом с дворцом. Воспитательницею двенадцатилетней принцессы оставалась мадам Адеракс, а наставление в истинах православной веры было поручено Феофану Прокоповичу.

Но всем занятиям крещеная, наконец, в православную веру под именем Анны Леопольдовны принцесса предпочитала общество своей единственной подруги и фрейлины — бедной немецкой дворяночки-сироты Юлии Менгден.

Юлия была ровесницей Анны и полностью разделяла ее увлечение романами и сентиментальными поэмами. Следуя традиции этих поэм и романов, девушки поклялись друг другу в вечной дружбе, поклялись умереть, если судьба разлучит их... И еще они писали друг другу письма. Длинные, красивые, полные пылких признаний.

Хотя юная принцесса и юная фрейлина жили рядом и могли видеться ежедневно, писать письма казалось гораздо интереснее. Они передавали их друг другу вечером, когда вынуждены были «расстаться на ночь». И перед сном, каждая в своей спальне, прочитывали эти послания, а затем клали их под подушки.

Чего только не насочиняли впоследствии об этой дружбе! Даже объявили девиц любовницами: поэто-

му-де Анна с такой неохотой шла замуж, поэтому постоянно держала Юлию при себе. На самом деле замуж Анна не хотела выходить потому, что довольно рано обзавелась возлюбленным, а с Юлией не расставалась потому, что только ей и доверяла.

Принцессе было пятнадцать, когда умерла ее мать — русская царевна Екатерина Ивановна. Для Анны это событие прошло практически незамеченным, разве что появилась лишняя причина поплакать. Мать не играла в ее жизни никакой роли и, если служила примером, — то лишь вседозволенности и распущенности.

К тому же принцесса Анна влюбилась в одного из самых красивых мужчин Европы — саксонского посланника в России Мориса Линара. Этой любви, какое-то время безответной, покровительствовала мадам Адеракс, которая, как впоследствии выяснилось, была тесно связана с Пруссией. Прусский король, осведомленный о планах русской императрицы относительно престолонаследия, желал видеть супругом принцессы одного из своих родственников. Линару же надлежало подчинить принцессу своему влиянию и обеспечить правильный выбор жениха.

Линар, столь же легкомысленный, сколь и красивый, не увидел в этом «дипломатическом поручении» ничего зазорного. Напротив, видя, что русская императрица шагу не может ступить без своего многолетнего любовника Эрнста Бирона, начал мечтать о том, чтобы занять такое же

Справа:
Морис Линар

*Принц
Антон-Ульрих,
супруг Анны
Леопольдовны*

место при особе принцессы, когда та станет матерью наследника (или наследницы) русского престола.

Обольстить романтическую, экзальтированную девицу большого труда не составило: пока тетушка искала для племянницы «подходящую партию», та проводила ночи в объятиях молодого, пылкого красавца. Юлия Менгден и мадам Адеракс охраняли влюбленных.

Между тем, брат обер-гофмаршала генерал-адъютант фон Левенвольде, по поручению императрицы, отправился за границу для выбора принцессе жениха, достойного сделаться отцом будущего русского императора. Сначала внимание посланника остановилось на маркграфе бранденбургском Карле, родственнике прусского короля, и начались уже переговоры по этому поводу, но...

Но случайно вскрылась скандальная связь принцессы Анны с саксонцем, и, разгневавшись на всех пруссаков сразу, Анна Иоанновна обратила внимание на настойчивое предложение Остермана дать принцессе в мужья племянника австрийского императора Карла VI, принца Антона-Ульриха. Благодаря представлениям венского Двора и стараниям фон Левенвольде и Остермана, надеявшимся заключением родственного союза с Австрией упрочить положение в России немецкой партии, императрица согласилась на приезд принца в Петербург.

Принцессе было пятнадцать лет, когда умерла ее мать — царица Екатерина Ивановна. Для Анны это событие прошло практически незамеченным, разве что появилась лишняя причина поплакать. Мать не играла в ее жизни никакой роли и, если служила примером, — то лишь вседозволенности и распущенности

Одновременно из Петербурга со скандалом были выдворены Морис Линар и мадам Адеракс. Красавец, правда, не особенно печалился: он был уверен, что, избавившись от тетушкиной опеки, Анна Леопольдовна призовет его обратно в свои объятия.

— Не родилось еще женщины, которая могла бы забыть меня, проведя со мною хотя бы одну ночь, — во всеуслышание заявил он на прощание.

Будущее показало, что он не ошибался в своих прогнозах.

Избранный жених, девятнадцатилетний Антон-Ульрих, своей внешностью, худобой и малым ростом, а также неловкостью и застенчивостью, произвел неблагоприятное впечатление не только на будущую свою супругу, но и на саму императрицу. Остерману пришлось приложить немало усилий для того, чтобы

Анна Иоанновна оставила принца жить при русском Дворе и приняла в русскую службу: портить отношения с австрийским императором, регулярно платившим ему жалование, Остерман вовсе не хотел.

После изгнания мадам Адеркас воспитательницей принцессы Анны была назначена г-жа Рек, состоявшая при Анне Иоанновне, когда та была еще герцогиней Курляндской. За принцессой был установлен строгий надзор: кроме торжественных дней, никто из посторонних входить к ней не смел, а сама она могла только прогуливаться по саду.

Это так приучило принцессу к уединению, что даже во время регентства она всегда с неудовольствием появлялась на всех официальных выходах и приемах, предпочитая общество своей фаворитки, фрейлины Юлианы Менгден, и тесный кружок еще нескольких лиц. Свободно владея французским и немецким языками, Анна Леопольдовна по-прежнему много читала. Больше ее ничего не интересовало, разве только долгие беседы с милой Юлианой о дорогом Морисе.

Но с браком не торопились, холодность, проявляемая Анной к жениху, была слишком очевидна, и свадьбу отложили до совершеннолетия невесты. Так прожила она четыре года, до вступления в брак. Он был ускорен тем, что Бирон замыслил женить на Анне Леопольдовне своего сына Петра. Это возмутило даже Анну Иоанновну: Петр был и ее сыном, поскольку законная су-

пруга Бирона была не в состоянии иметь детей. Очень набожная, императрица наотрез отказала своему любимцу в желании сочетать браком столь близких по крови родственников.

Да и сама Анна Леопольдовна с негодованием отвергла это предложение, едва услышав о нем, и категорически объявила:

— Я много думала и испытывала себя. Во всем готова слушаться императрицу и соглашаюсь выходить за брауншвейгского принца, если ей так угодно.

Этот ответ чрезвычайно обрадовал государыню: наступала, наконец, развязка так долго тянувшегося дела.

Интереснее всего то, что мнения принца вообще никто не спрашивал. А он, кстати, испытывал к своей будущей супруге то же самое холодное отвращение, разве что чуть менее пылкое: он же не любил никого другого. Тем не менее, послушаться дядюшки-императора принц не смел.

1-го июля 1739 года состоялось обручение, а через день, 3-го июля, совершено с необыкновенной пышностью — бракосочетание Анны Леопольдовны с Антоном-Ульрихом. Невеста была в серебряном платье, жених — в белом, оба, как отмечали приглашенные на свадьбу иностранные дипломаты, производили довольно печальное впечатление своим унылым видом. Мрачнее новобрачных выглядел только Бирон, возненавидевший молодую чету, разрушившую все его честолюбивые планы.

Через год с небольшим, 12-го августа 1740 года, Анна Леопольдовна разрешилась от бремени сыном, который при крещении был наречен Иоанном. Императрица была его восприемницей и поместила новорожденного во дворце, возле своей опочивальни.

Манифестом 5-го октября 1740 года принцу Иоанну был пожалован титул великого князя, и он объявлен наследником всероссийского престола.

Но Господь решил иначе.

Через одиннадцать дней после этого манифеста, 16-го октября, императрица, за день до смерти, подписала составленный Остерманом акт о... назначении Бирона полномочным регентом Российской империи до совершеннолетия великого князя Иоанна, то есть пока ему не исполнится 17 лет. О родителях младенца-императора в манифесте не было ни слова.

Вечером 17-го октября 1740 года Анна Иоанновна скончалась. На другой день, утром, все присягали императору Иоанну Шестому и регенту Эрнесту-Иоанну Бирону. Все обошлось благополучно. Принц и принцесса переехали в Зимний дворец, куда перевезли и малолетнего императора.

На первых порах Бирон не скупился на милости, амнистии и награды, что, однако, несколько не ослабило к нему ненависти и неприязни, таившихся под наружным уважением. Одни считали, что, если регентом непременно должен быть

иноземец, то более всего прав на это имел отец императора, принц брауншвейгский. Другие указывали на несправедливость по отношению к цесаревне Елисавете. Третьи называли молодого герцога голштинского, сына герцогини Анны Петровны, который по летам своим мог бы гораздо скорее освободить Россию от регентства, чем Иоанн Антонович.

Гвардия была против Бирона, и гвардейцы громко говорили:

— Теперь нечего делать, пока матушка Государыня не предана земле; а там, как вся гвардия соберется, то уж...

Сам принц Антон-Ульрих, сочувствовавший движению среди гвардейцев против Бирона и желавший изменить постановление о регентстве, был исключен за это регентом из русской службы. Раздраженный Бирон грозил Анне Леопольдовне, что вышлет ее с мужем в Германию, вызовет в Петербург герцога Гольштейн-Готторпского, преобразует гвардию, рядовых из дворян отошлет в армейские полки офицерами и вместо них наберет людей простого происхождения.

Грубое и оскорбительное обращение регента вывело, наконец, из терпения кроткую принцессу. Она жаловалась на Бирона фельдмаршалу Миниху, который понимал, что регент давно хочет отделаться от него, как от соперника, опасного по смелости, энергии, талантам и честолюбию. Миних решил стать во главе недовольных и, действуя от имени принцессы Анны, матери им-

ператора, в ночь на 8 ноября арестовал Бирона с женой, его ближайших родственников и приверженцев.

На следующий день появился манифест «Об отрешении от регентства Империи герцога Курляндского Бирона», объявлявший, вместе с тем, до совершеннолетия императора Иоанна Шестого правительницей Анну Леопольдовну, с титулами великой княгини и императорского высочества.

В тот же день Бирон с семейством был отправлен в Шлиссельбургскую крепость. Для исследования его преступлений правительни-

ства. Местом ссылки был назначен городок Пелым.

Анна Леопольдовна оказалась вдруг регентшей при двухмесячном сыне-императоре. Возможно, она и пыталась как-то вникнуть в государственные дела, но двадцатидвухлетняя молодая женщина, проведшая едва ли не всю жизнь в своих покоях, была абсолютно не готова управлять огромной страной. Может быть, поэтому ее недолгое правление считается самым тихим и милостивым в российской истории.

К тому же вернулся Морис Линар — до государственных ли забот тут было! На радостях принцу-супру-

В июле 1739 года с необыкновенной пышностью состоялось бракосочетание Анны Леопольдовны с Антоном-Ульрихом. Невеста была в серебряном платье, жених — в белом, и оба, как отмечали приглашенные на свадьбу иностранные дипломаты, производили довольно печальное впечатление своим унылым видом. Но мрачнее всего выглядел Бирон, возненавидевший молодую чету, разрушившую его честолюбивые планы

ца учредила особую комиссию, которая, окончив через пять месяцев свои занятия, единогласно приговорила Бирона к смертной казни, но правительница, манифестом от 17-го апреля 1741 года, заменила этот приговор вечным заточением, с конфискацией всего движимого и недвижимого имуще-

гу было пожаловано звание генералиссимуса и титул императорского высочества, фельдмаршал Миних назначался «первым министром в его императорского величества канцеляриях», вице-канцлер граф Остерман — генерал-адмиралом, а кабинет-министр князь Черкасский стал великим канцлером. Много

было роздано и других наград. Народу также были объявлены милости, подтверждены все прежние указы о прощении «вин, штрафов и недоимок», возвращены тысячи ссыльных из Сибири и других мест, объявлено о нелицемерном и истинном отправлении правосудия по всей империи.

Но если народ благословлял новую правительницу, избавившись от гнета ненавистного герцога Курляндского, то далеко не все высшие сановники были довольны. Миних, мечтавший о звании генералиссимуса, принужден был уступить его Антону-Ульриху. Остерман и Головкин недовольны были своим подчи-

нением Миниху. Поэтому когда вскоре после назначения первым министром Миних заболел, этим немедленно воспользовались его враги, и в марте 1741 года он был отправлен в отставку.

В результате фактическим правителем России оказался хитроумный Остерман, и все, устроенное Минихом, вскоре было разрушено. Вступившая на австрийский престол Мария-Терезия нуждалась в союзе с Россией, а Остерман нуждался в пенсии от Австрии. Он его получил в обмен на договор о военном сотрудничестве, который правительница подписала не глядя.

Ее занимали куда более интересные вещи: назначение обожаемого Мориса обер-камергером, пожалование ему ордена Александра Невского и Андрея Первозванного и подготовка его свадьбы с Юлианой Менгден, готовой служить ширмой для своей подруги-повелительницы. Государством фактически управлял Остерман.

После падения Миниха Остерман, казалось, никогда еще не был так могуществен. Орудием его являлся Антон-Ульрих, подчинявшийся влиянию умного дипломата, но большинство русской аристократии было крайне недовольно сложившимся положением, ожидая, что Линар вот-вот займет при правительнице то же положение, которое занимал Бирон при покойной Анне Иоанновне.

Все застыло, замерло при Анне Леопольдовне. Правительница аб-

солютно не занималась никакими делами. Народ с сожалением вспоминал о давно прошедших временах Петра I, а, вспоминая, невозможно было не задуматься о дочери великого реформатора Елизавете.

Анна Леопольдовна понимала реальную опасность, исходящую от Елизаветы, и строила в отношении нее свои планы: выдать цесаревну замуж за принца Людовика, брата своего мужа Антона-Ульриха, и навсегда удалить от русского двора. Но гораздо более важным ей казалось устроить свадьбу своей любимицы и своего фаворита, поэтому, к счастью для Елизаветы, вопрос о ее браке отложили «на потом».

Зато очень решительно действовал маркиз де Шетарди — так, что даже привлек к себе внимание принца-консорта и Остермана. Оба указывали правительнице на существование заговора в пользу «дщери Петровой», чуть ли не на коленях умоляли объявить себя императрицей, а Елизавету постричь в монастырь. Анна Леопольдовна не возражала, но отложила все это до дня своего рождения, 7 декабря.

23 ноября, на куртаге в Зимнем дворце, правительница вдруг объяснилась с цесаревной Елисаветой, зазвав ее для разговора тет-а-тет в гардеробную:

— Что это, матушка, слышала я, будто ваше высочество имеете корреспонденцию с армией неприятельскою и будто ваш доктор (Лесток) ездит к французскому посланнику и с ним факции в той же силе

делает; в письме из Бреславля советуют мне немедленно арестовать лекаря Лестока; я всем этим слухам о вас не верю; но надеюсь, что если Лесток окажется виноватым, то вы не рассердитесь, когда его задержат.

Елисавета, притворившись обиженной, заплакала от страха и, разумеется, отрицала все. Доверчивая Анна Леопольдовна удовлетворилась ее объяснениями, и все закончилось демонстрацией новых нарядов, выписанных из Франции. А ночью следующего дня произошел знаменитый переворот: на российский престол взошла Елизавета Петровна.

Помимо «брауншвейгской фамилии» в ту же ночь были арестованы Миних, Остерман, Левенвольде, Головкин, Менгден. Лучше других устроился Морис Линар: за неделю до переворота он отправился в Дрезден за какими-то безделушками к своей предстоящей свадьбе и в Россию, разумеется, не вернулся.

В своем первом манифесте Елизавета объявила, что собирается брауншвейгскую фамилию, «не хотя никаких им причинить огорчений», отправить за границу, «в их отечество». Действительно, 12-го декабря 1741 года Анна Леопольдовна с семейством, сопровождаемая генерал-лейтенантом В.Ф. Салтыковым, выехала из Петербурга в Ригу. Но оттуда была на следующий день отправлена в крепость Дюнамюнде, где у нее якобы родилась дочь.

Другие источники указывают иную дату рождения девочки: вскоре после восшествия на престол Анна Леопольдовна забеременела, и летом 1741 года на свет появилась ее дочь Екатерина. Девочка, кстати, пострадала во время ареста, когда ее случайно уронили на пол гвардейцы: она сильно ударилась головой, в результате чего осталась совершенно глухой и выросла умственно отсталой. Кстати, она прожила дольше всех и скончалась только в 1807 году.

В январе 1744 года последовал указ о перемещении брауншвейгской фамилии в город Раненбург Рязанской губернии, 27 июля того же года — о перевозе в Архангельск, а оттуда уже — для заточения в Соловецкий монастырь. Осенью, несмотря на очередную беременность Анны Леопольдовны, семья двинулась в тяжелый, далекий путь. При отъезде из Раненбурга бывшая правительница была разлучена со своей любимой фрейлиной Юлианой Менгден, оставленной в этом городе под строгим караулом.

Четырехлетнего Иоанна Антоновича везли в особом экипаже, под надзором майора, которому инструкцией повелевалось называть его Григорием. Не имея возможности проехать по льду в Соловки, остановились в Холмогорах, в 72 верстах от Архангельска. Здесь семейство разместилось в бывшем архиерейском доме, где должна была находиться и одна команда солдат, назначенных для стражи,

*Анна
Леопольдовна
с сыном —
Иоанном VI,
наследником
российского
престола*

другой команде указано было жить в находившихся близ дома казармах.

Всякое общение заключенных с посторонними людьми строго запрещалось. Дом был обнесен высоким тыном. Развлечением являлись только прогулки по прилегавшему к дому запущенному саду с прудом посередине. Брауншвейгское се-

мейство нередко нуждалось в самом необходимом, так как деньги на содержание отпускались крайне нерегулярно, зато регулярно разворовывались по дороге.

Через несколько месяцев после приезда в Холмогоры у Анны Леопольдовны родился сын Петр (19 марта 1745 года), а затем — сын Алексей (27 февраля 1746 года), по-

сле этого бывшая правительница занемогла родильною горячкой и вскоре скончалась на 28-м году жизни.

Ее тело было отправлено в Петербург, прямо в Александро-Невский монастырь, где была погребена мать принцессы, герцогиня Екатерина Иоанновна. В распоряжениях похоронами принимала участие сама императрица. Всем позволено было простаться с принцессой. В объявлениях о смерти Анны Леопольдовны говорилось, что она скончалась от «огневицы», дабы скрыть рождение принцев Петра и Алексея.

А Иоанн Антонович, «русская железная маска», никогда уже после переворота не видел ни матери, ни отца, содержался отдельно от них, а потом и вовсе был отправлен в Шлиссельбургскую крепость — в вечное одиночное заключение. Погиб он уже при Екатерине II, во время неудачной попытки освободить его и возвести на русский престол.

Совсем не о такой жизни грезил юная принцесса, читая романы в тишине своей комнаты. Ей бы жить в каком-нибудь маленьком германском княжестве, тихо и незаметно, а судьба забросила ее в непонят-

Анна Леопольдовна оказалась вдруг регентшей при двухмесячном сыне-императоре. Двадцатидвухлетняя молодая женщина, проведшая едва ли не всю жизнь в своих покоях, была абсолютно не готова управлять огромной страной. Может быть, поэтому ее недолгое правление считается самым тихим и мирным в российской истории

После кончины супруги принц Антон-Ульрих с младшими детьми жил в Холмогорах почти тридцать лет. Иоанн Антонович в начале 1756 года был переведен из Холмогор в Шлиссельбург, остальные дети — две дочери и два сына — прожили в заключении 36 лет. После смерти отца они, уже в зрелые годы, были высланы в Данию, где впоследствии и умерли.

ную Россию, зашвырнула на российский престол, чтобы почти немедленно свергнуть с него — в вечное заточение и раннюю смерть. И стать для историков и писателей излюбленным объектом для издевательств: ленивая, тупая, развращенная... Хорошо, что хоть успела полюбить и быть любимой... хотя это, конечно, слабое утешение. □

все ради тебя —

«ВИЖА»

Ольга Торощина

Иван сидел дома, стерег жену. С Наташей творилось что-то страшное. Достаточно было короткого, требовательного треньканья телефона, как она бросала все дела и кидалась к дверям. Иван, как стратегически важный объект, прикрывал собой проем двери, в него летели книжки, туфли, дизайнерские вазочки, но он мужественно все терпел. Наташа, всегда такая спокойная и сдержанная, повиснув на дверной ручке, билась в истерике:

— Ненавижу тебя, ненавижу! Пусти, мне надо идти!

Ивану самому хотелось плакать от бессилия и ненависти, а приятеля-красавчика убить.

— Он же подонок, он тебя просто использует!

— Ванечка, дорогой, дай мне денег! Отпусти меня, пожалуйста!

Наташа кисельной массой сползала вниз и корчилась на полу у его ног. Амок, амок!

Окончание. Начало в №10, 2013.

На презентации нового журнала «Иновации современной архитектуры» к Ирине незаметно подошел пузатый, чернявый господин и важно протянул визитку. Она бегло прочла — директор игрового комплекса «Алмаз».

— Ирина Александровна, я вас очень уважаю, и Евгений Львович наш большой друг, но что мне делать с замечательной красоты машиной, розовым кадиллаком у меня на стоянке, я просто ума не приложу, — вкрадчиво начал он. Ирина внимательно слушала, в диалог вступать не спешила. — Продать я его не могу, это будет незаконно, а долг, в залог которого он был оставлен, все растет и растет.

— Я разделяю ваше беспокойство, поэтому машину заберу, — радужно улыбнулась Ирина. — Есть еще вопросы, которые вас тревожат?

— Некоторые... неоплаченные счета. Мелочь, но бизнес есть бизнес, вы же понимаете!

— Пришлите, если вас не затруднит, детальный отчет — когда, где и сколько. Я попытаюсь помочь. Боюсь только, что Евгений Львович в ближайшее время будет очень занят, это не нарушит вашу дружбу?

Толстяк успокоительно замахал короткими ручками:

— Дружья исчезают иногда навсегда, надо уметь с этим мириться.

— Всего хорошего, надеюсь, мы больше не увидимся, — снова одарила его улыбкой Ирина.

Ольга была настоящей дрессировщицей цифр, послушными болонками прыгая со столбика на столбик, они резво выполняли ее указания. Весь финансовый отдел, вся бухгалтерия, закатав рукава, трудились над сводным балансом нового проекта. Она первая заметила какое-то странное несоответствие. На чертежах и схемах, поступавших из конструкторского бюро, были четко указаны рекомендуемые материалы — сталь № 3, цемент, оргстекло, пластик. Но следом пришли дополнения, что сталь, учитывая прочность несущих конструкций, должна быть № 35, цемент — импортного производства, а облицовочные пластиковые панели изготовлены по специальному заказу. Разницу в цене отделу снабжения следовало переводить на счет некой фирмы в Швейцарии «Питоре», занимающейся поставками и взаиморасчетами. Сумма выходила солидная, около 500 тысяч долларов, все было подтверждено подписью главного архитектора Е.Л. Левицкого. Оля ничего не понимала. Жене и его компетентности она не могла не доверять, но баланс не обманешь, математика — наука точная и беспристрастная.

Не зная, что и думать, позвонила Ивану, своему непосредственному начальнику. Тот, взлохмаченный и нервный, примчался из дома, бегло просмотрел документы и, скрипнув зубами, прошипел:

— Посажу, собаку!

— Женя не виноват, он просто ошибся, давай я все пересчитаю! — понимая, что невольно посеяла бурю, испуганно пролепетала Ольга.

— Ага, как же, ошибся! Я к Ирине Александровне пошел! — зло скривился Иван.

Женька спал у себя в кабинете. Личный кабинет для того и предназначен, чтобы хозяин, дав задание подчиненным, мог отдохнуть, вольготно развалившись в кресле и закинув ноги на стол. Ночь выдалась тяжелая, все как взбесились, ни в одном казино города его даже на порог не пустили. Пришлось колесить по окрестностям, искать приличное заведение. Но Женька не унывал, если дело выгорит, он будет в шоколаде, и плевать тогда на всех!

Оля бежала по улице — городской транспорт, со свойственной ему подлостью, коллективно уехал на обед. Дойдя до дома, где жили сестра с мужем, она с силой дернула входную дверь, но она была закрыта. Набрала код на домофоне, и с той стороны отозвался тихий бесцветный голос:

— Кто?

— Наташа, это я, открой, пожалуйста!!!

В темной гостиной стоял устойчивый дух валерьяны, у окна, закутавшись в клетчатый плед, сидела Наташа. Непричесанная, в старой пижаме, она даже такая была похожа на принцессу в изгнании. Ольга остановилась у входа и, тяжело дыша, схватилась за дверной косяк.

— Наташа, позвони, скажи Ивану, чтобы маме ничего не говорил! Женя не виноват, он просто ошибся! Я знаю, ты его любишь! Но я не сержусь, я все понимаю! Только бы мама не узнала! У нас ведь ребенок будет! Наташа, ты меня слышишь?!

Наташа закрыла лицо руками, болезненно согнулась и застонала:

— Прости, прости меня!

— Не плачь, не плачь, Натуля! Надо спешить, надо его спасти! — крепко обняла сестру Ольга.

Иван долго ждал, пока Ирина Александровна освободится, записываться на прием следовало заранее. Он решительно вошел в кабинет и в двух словах объяснил глупую и наглую аферу дилетанта.

— Это чистой воды мошенничество, не знаю, как точно классифицируется в уголовном кодексе, но эта махинация тянет от трех до пяти лет.

— Что ты предлагаешь? Подать в суд? Устроить процесс? Пригласить аудиторов, налоговиков? — Не глядя на него, Ирина делала вид, что внимательно изучает документы.

— Это вам решать, но вор должен сидеть в тюрьме... и еще...

И тут — как же не вовремя! — зазвонил телефон. Иван приложил трубку к уху и услышал тихий голос жены:

— Оставь его в покое, тогда у нас все будет хорошо, — и она быстро отключилась.

Пышущее возмущением лицо коммерческого директора вдруг резко побледнело и превратилось в непробиваемую каменную маску.

— Ты что-то еще хотел сказать? — подняла, наконец, голову Ирина.

— Конечно, вы правы, вся эта суета ни к чему хорошему не приведет! Лишние проверки, скандал плохо скажутся на имидже компании! Я еще раз внимательно все просмотрю, может, в бухгалтерии что-то напутали. Хотя таким специалистам место не в фирме, а в тюрьме!

— Скорее не в тюрьме, а в сырой земле, — пробормотала Ирина.

— Что, что? — переспросил Иван.

— Все, иди, работай! Скажи Катерине, пусть Евгения Львовича ко мне пригласит.

Через несколько минут Женька был уже в приемной. Игриво ущипнул упитанную Катюку за бок и кивнул на закрытую дверь:

— Как оно там?

— Да вроде все спокойно!

Он вальяжно и без всякого страха вошел в кабинет:

— Вызывали, Ирина Александровна?

— Присаживайтесь, пожалуйста, Евгений Львович!

Это было единственное, что сказала известная бизнес-леди и светская дама Ирина Александровна Денисова. Из-за стола поднялась уже Ирка, которая обидчикам с детства ничего не прощала, нерадивых работников из ближнего зарубежья учила понимать русский язык тем, что под руку подвернется, а после дефолта вместе со своей «крышей» директора частного банка, где деньги держала, заставила дом продать, и все, что ей причиталось, до копейки вернуть. Она взяла со стола увесистый каталог последней строительной выставки и со всей силы врезала по наглой, смазливой физиономии зятя:

— Что, гнида, разбогатеть решил?

Удары сыпались один за другим. Ирина остервенело выколачивала всю свою обиду — за глупых влюбленных девчонок, за свою благостную самоуверенность, за обиженную и обманутую компанию «ВИКА». Растрепанный каталог полетел в угол.

— Пошел вон, ублюдок! Только на глаза мне попадись, башку сверну!

Женька вскочил, дикими глазами глядя на Ирину, казалось, сейчас бросится на нее и придушит. Однако он сдержался, платком стер с лица кровь и с иезуитской вежливостью осведомился:

— Вы, кажется, в детдоме росли? Безотцовщина, не правда ли? Это до сих пор заметно!

Ирина Александровна уже сидела на своем рабочем месте, вперившись взглядом в бумаги, и только сухо бросила:

— Я вас, Евгений, больше не задерживаю!

Дом встретил Ирину подозрительной тишиной. Светик, принимая у нее шубу, надрывно, как при затыжном насморке, шмыгала носом. Кухарка, Нина Петровна, сердито гремела на кухне сковородками. На обычный вопрос: «Где Ольга?», среагировала как-то странно, почти прикрикнула на нее:

— У себя ужинает!

Ирина поднялась наверх. В комнате у дочери царил глубокий полумрак. Она нажала на выключатель и чуть не вскрикнула. Вся левая сторона лица Ольги была расцарапана, на скуле — огромный фиолетовый синяк, губы разбиты в кровь.

— Это что такое?!

— Джакузи принимала, голова закружилась, упала. Токсикоз, наверное!

— Я сейчас позвоню, — со злобой процедила Ирина, доставая из кармана телефон, — и этот твой токсикоз лет на десять на нары укатаю!

— Не смей, не смей, ты и так уже, что могла, испортила! — закричала дочь.

Телефон в руках Ирины вздрогнул и истошно заверещал. В трубку громко дышал и, сильнее чем обычно, заикался Иван:

— Ирина Александровна, вы только не волнуйтесь, Наташу «скорая» увезла. Но сейчас все в порядке, опасности для жизни уже нет...

Все выходные и начало недели Ирина металась между больницей, куда увезли Наташу после попытки перерезать себе вены, и домом. Ольга впервые в жизни не желала слушать мать, обвиняла ее во всех неудачах семейной жизни и рвалась разыскивать пропавшего мужа.

Наташа, обвешанная проводами капельниц, была без сознания, врачи говорили, что кризис прошел, только сомневались, удастся ли сохранить беременность на столь раннем сроке.

Похудевший, осунувшийся Иван не отходил от жены ни на шаг. Красавец-зятяк дома не появлялся, вестей не подавал.

На работу Ирина заехала случайно, скорее, для проформы.

— Ирина Александровна, вам заказчики по торговому комплексу обзвонились! — вскочила ей навстречу Катерина.

Ирина сразу набрала номер заказчика. Ей ответил заместитель по коммерческой части, он говорил с ней вежливо и официально.

— Уважаемая Ирина Александровна, боюсь, мы будем вынуждены отказаться от услуг компании «ВИКА», мэрия предложила нам совершенно оригинальный авторский проект независимого архитектора, значительно экономичнее вашей версии. А строительством будут заниматься непосредственно городские власти, то есть департамент недвижимости.

— Если не секрет, я хотела бы знать, кто этот архитектор?

— Ну, что вы, Ирина Александровна, какие секреты! Это ваш бывший сотрудник, Левицкий Евгений Львович.

Ирина грохнула телефонную трубку об стол и кинулась к своему компьютеру, где в особой папке был сводный макет и вся документация по проекту. Папка была пуста.

— Катерина, кто ко мне в кабинет заходил, говори!

— Как кто, Евгений Львович! — удивленно ответила секретарша. — Сказал, что вы заняты и просили его кое-что доделать.

Ирина ехала в машине, все было так паршиво, такая пустота внутри, не то, что говорить, думать о том, что произошло, не хотелось. Однако стоило только прикрыть глаза, в висках начинали молотить железные молоточки, настойчиво звучали такие родные голоса:

«Ну, ты, Ирка, и лоханулась! Сразу, что ли, не поняла, что за козел этот Женька! Надо было такого тумака ему дать, чтобы летел, не приседая до своей Швейцарии!» — басил Костя.

«Ира, я так на тебя надеялась! Наташа, она ведь сирота, как и мы, у нее никого нет!» — нежным вьюном вплетался в диалог голос Ани.

«Как ты могла так поступить с нашей единственной дочерью! Если бы я был здесь, такого никогда бы не произошло! А «ВИКА», дело всей жизни! Потеряла контроль, и тебя просто обманули, как глупую девчонку! Разве это ты нам обещала?» — Муж Вадик всегда называл вещи своими именами.

Ирина закрыла лицо руками и застонала. Сидевшие впереди водитель и охранник испуганно и удивленно поглядывали на свою начальницу.

— Ирина Александровна, вам плохо? Может остановиться? — начал, было, молодой, недавно демобилизованный водитель Толик. Более опытный, прошедший бригадную школу Кузьмы охранник Санек пихнул его в бок и усилил звук приемника, по которому бодрый голос диктора вещал:

«Криминальные новости. Сегодня ночью в загородный дом известного банкира Семанеева проникли неизвестные, взломали сейф, похитили драгоценности и сумму в валюте США, эквивалентом в два миллиона рублей. По счастливой случайности, семья банкира находилась на отдыхе в Париже. При перестрелке погиб сторож, 30-летний гражданин Колосов, и две собаки. Ведется розыск.

— Да щас, найдут! Наркоманы, наверное, беспредел творят! — прокомментировал Толик.

Ирина вдруг почувствовала, как где-то там внутри поднимается темный дым, еще чуть-чуть, и черные безобразные клочки неуправляемо вырвутся на волю. Ведь тех, кто взорвал джип с ее семьей, тоже не нашли. Сколько кабинетов обежала, сколько денег заплатила, все зря. Где и как закончили свою жизнь их враги, полегли ли от пуль себе подобных, попрятались ли в жаркой Латинской Америке, она так и не узнала. И кто пристрелил этого несчастного Колосова, пришедшего свои «пять копеек» заработать, тоже не найдут. «Тогда и мне можно не стесняться, — подумала Ирина, — просто уничтожить этого зарвавшегося подонка, мало ли вариантов — случайная авария, случайное нападение во дворе, просто пропал человек, и все. Если с Кузьмой посоветоваться, наверняка подскажет».

— Ирина Александровна, а вы дома оружие хотя бы имеете? — никак не унимался Толик.

Ирина потрясла головой, отгоняя дикие и страшные мысли.

— А что, по-твоему, надо?

Полгода назад, когда все еще было хорошо, Кузьма уговорил ее поехать в оружейный магазин. Сам выбрал маленький, но серьезный пистолетик, показал, как с предохранителя снимать, как обойму менять, свозил в тир на пристрелку оружия. Делал это под предлогом архиважного вопроса самообороны, но все время о горькой судьбе одинокого служаки-майора норовил рассказать. Ирина с удовольствием постреляла, а лирику постаралась мимо ушей пропустить.

— А как же! Главное, документы на ношение правильно оформить! Лучше всего в кабинете хранить! — горячился Толик.

— Да ладно тебе, вояка, плетку или «Макара» глубоко в кармане надо держать, для уверенности, и Бога молить, чтоб никогда доставать не пришлось! — ворчливо пробурчал Санек.

Машина остановилась около дома.

— Ирина Александровна, мы вам сегодня еще нужны?

— Нет, я сейчас домой, потом к Александру Николаевичу, а вы — свободны.

Когда становилось совсем плохо, Ирина ездила в «родной» детский дом, навещала любимого директора.

Женька колесил по городу — розовый кабриолет жены он приватизировал как моральный ущерб своему раненому реноме. После той безобразной сцены в кабинете ему казалось, что он не перенесет столь великого унижения. Но Женя был умным, воспитанным юношей из хорошей семьи, папа-дипломат всегда настаивал на поиске альтернативного решения любого во-

проса. И он его нашел, пусть теперь эта плебейка, эта подзаборница захлебнется от злобы! И сдохнет, причитая: «Ах, моя «ВИКА», ах, моя «ВИКА»!

Было, конечно, еще несколько неприятных моментов, например, когда вернулся домой с разбитым лицом, жена бросилась ему на шею, долго скулила, что нужно рассказать матери о его невинности и это было невыносимо. Пришлось ударить ее несколько раз, впрочем, не очень уж сильно.

— Царевна, теперь я свободен, развожусь с женой! — позвонил он Наташе. — У меня есть деньги, бросай все, приезжай, поедem в новую жизнь! Телефонная трубка молчала.

— Натали, ты меня слышишь?!

Ему ответил тихий голос цветка, болезненно теряющего свои пышные лепестки.

— Я обещала мужу, у нас все будет хорошо, прощай.

Женька сначала ничего не понял, а потом возмутился:

— Что за бред! Ты же его не любишь, ты любишь меня! Ты не можешь со мной так поступить, это предательство, слышишь?!

Трубка все так же упрямо молчала.

— Ты убила нашу любовь! Лучше б и ты тогда умерла! — окончательно разозлился Женька.

Ему было так обидно, что он даже напился, он вообще теперь часто напивался. Когда ты пьян, все кажется не таким серьезным, даже не важным, обо всех пустяках можно подумать и завтра. Где жить, как жить, все завтра! А сегодня вокруг много других красивых девчонок. И все они его хотят, потому что он — король, он богат, талантлив и свободен!

Вечерний детский дом встретил Ирину разнообразием звонких голосов, визгом, топаньем ног. Нагруженная сумками и пакетами, она с трудом протиснулась в двери.

Навстречу уже бежало и прыгало новое разнокалиберное поколение воспитанников, нянечки в белых халатах, воспитательницы.

— Тетя Ира! Тетя Ира приехала!

— Ирина Александровна, что ж вы не позвонили, мы бы встретили!

— Иринушка, дай-ка я тебя обниму! — опираясь на палку, подошел к ней седой сухонький Александр Николаевич.

«Совсем состарился. Сколько же ему сейчас лет?» — подумала Ирина.

— Тетя Ира, ты обещала машинки пожарные привезти! Привезла?

— А мишек надувных, пузатых?

— Так тихо, тихо все! Ирина Александровна, они вас сейчас на кусочки растащат! — Воспитательница с буйными кудрями на голове пыталась оттеснить детей в сторону.

— Перестань, Марина, это не страшно!

Ирина наклонилась к стоящей в стороне ото всех грустной пятилетней девочке:

— Маша, иди сюда, держи вот, платье на день рождения. Такого ни у кого точно не будет!

Ирина хорошо помнила, как страдала и мучалась Анечка от одинаковой для всех серой роботы, именуемой по государственной разнарядке «платья для девочек».

— Пойдем ко мне в кабинет, Иринушка, пойдем! — взял ее под руку Александр Николаевич. — Огромное тебе спасибо и за ремонт, и за компьютеры! Сколько денег у тебя на нас уходит! Ты уж так не надрывайся, нам ведь и государство помогает!

— Вы говорили, что двум малышам консультация кардиолога нужна, я договорилась.

Ирина замолчала и окинула взглядом кабинет. Все как прежде — допотопный письменный стол, большие шкафы, забитые папками, даже стул директор себе не поменял, знакомая до боли, зеленая ободранная дерматиновая обшивка была на месте.

Нет, не уходили тут на сторону благотворительные деньги!

— Как девочки, Оленька, Наташа, все хорошо?

Ирина утвердительно кивнула головой.

— Александр Николаевич, помните, вы мне личное дело давали почитать? Я тогда, совсем глупая была, ничего ни поняла, хочу еще раз на него взглянуть!

Вместе они долго рылись на пыльных полках, пока не отыскалась нужная папка. Оставшись одна, Ирина осторожно открыла первую страницу. Быстро шуршали листы пожелтевшей бумаги, документы, справки, следственные протоколы, безжалостная документальная хроника.

«Неблагополучная, асоциальная семья, отец, Петр Чадов, отсидел за убийство приятеля, учитывая несовершеннолетний возраст, был приговорен к минимальному сроку заключения. Освобожден по амнистии. Устроился на завод токарем, женился, родилась дочь. Вместе с женой вели разгульный образ жизни, сильно выпивали. По ходатайству органов опеки состоялся суд на предмет лишения родительских прав».

Перед глазами поплыли надежно спрятанные в подсознании кадры воспоминаний. В темной прокуренной комнате трехлетняя девочка сидит на полу, возле шеренги грязных ботинок, и играет пустой консервной банкой. Женщина наклоняется, смотрит на нее мутными светлыми глазами:

— А.... вот она доченька моя, никому тебя не отдам!

Откуда-то со стороны грохочет свирепый мужской голос:

— Хватит каркать, шалава! За пивом лучше сходи!

— Сам иди, козел!

« Мать, Ольга Чадова, была осуждена на 7 лет за убийство мужа. Статья №108, убийство в целях личной обороны. После того как отбыла срок, с поселения в городе Тагиле на родину не вернулась, пропала без вести. Несовершеннолетняя Ирина Чадова помещена в детский дом № 3».

Когда Александр Николаевич вернулся, Ирина громко рыдала, уронив голову на обшарпанный письменный стол. Директор испугался — даже когда в детский дом привезли худющую, запуганную малышку, она и то не плакала. А став постарше, вообще ни одной слезинки не проронила.

— Иринushка, девочка, успокойся!

— Александр Николаевич, помогите, я боюсь, я себя боюсь! Мне этого подонка каждую минуту убить хочется! Все думала, откуда злость такая? Теперь знаю, понимаю, мне это в наследство досталось! Я ведь дочь убийц, чего еще от меня ждать, правда? А все из-за какой-то мелкой гадины, которая и знать не знает, сколько труда вложено, столько испытаний пережито. И все зря, все к черту! Наташа в больнице, Ольга меня ненавидит, «ВИКА» в развале! Я его убью, пусть сяду как мать, сгину там, но отомщу! Никому, никому не позволю уничтожить, растоптать нас!

— О чем ты, Иринushка, о ком? Я никак не пойму! — гладил по голове плачущую женщину старик...

Женька резко свернул, тормоза взвизгнули, и машину повело в кювет. Он хоть и был пьян, но для настоящих асов сущие пустяки — укрощение четырехколесного зверя. Почти сразу же появились «дорожные архангелы».

— Нарушаем? Права предъявите, пожалуйста. — Усатый капитан имел вид весьма суровый.

Женька расслабленно улыбался, бояться ему было нечего.

— По доверенности жены езжу! Давайте не будем утруждать друг друга лишними вопросами, просто назовите сумму, которая вас утешит!

— Ты давай не хами, пьянь! В отделение сейчас поедем! — обиженно встрепенулся длинный худой лейтенант.

Старший миролюбиво отвел молодого коллегу в сторону:

— Ты знаешь, кто это такой? Зять хозяйки из дома с колоннами! Она, ох, суровая баба, лучше не связываться, загрызет! Давай деньги возьмем, машину — на стоянку, а парня домой доставим. Нам еще и спасибо скажут!

Ирина вернулась поздно, так хорошо поговорили, вроде даже немного успокоилась. Решила резких движений не делать, необдуманных поступков не совершать, еще в церковь на неделе сходить.

Дома было темно, все спали. Она тихо отворила дверь и вошла. Поднимаясь по лестнице, заметила из-под дверей своего кабинета полоску света. Остановилась, открыла сумочку, вытащив из нее запасливо взятый перед отъездом пистолет, переложила его в карман и толкнула дверь.

Красавец-зятёк, прихлебывая из горлышка виски, сосредоточено рылся у нее в столе.

— Ищешь, что еще можно украсть?

Евгений резко поднял голову и хищно осклабился:

— Добрый вечер, мадам! Выпить не желаете?

— Я не пью, ты знаешь!

— Как же так, людям с вашим происхождением свойственно придаваться излишествам «зеленого змия»! Может быть, на брудершафт и поцелуемся?

Ольге не удавалось уснуть, все думала, переживала, где сейчас Женя. Может быть, ему плохо, заболел, простудился, лежит где-нибудь один, всеми забытый и никому не нужный. Да, он, конечно, не святой, во многом перед фирмой виноват, но ведь все можно исправить, было бы желание. Она всегда будет рядом, поможет, поддержит! А то, что он ее ударил, это все ерунда, хотя мама говорит, что прощать такое нельзя. Она просто не знает, что значит любить! Всю жизнь одна прожила, а Ольга так не хочет, ей надо семью сохранить.

Она услышала, как хлопнула дверь, наверное, мама вернулась, опять в кабинете сидит. Сколько можно работать! Ей вдруг стало плохо, затошнило, и голова страшно разболелась. Она подумала, что надо заставить себя встать, спуститься к матери и поговорить с ней о Жене.

Женька подошел к Ирине на расстояние вытянутой руки, от него так разило спиртным, что Ирина поморщилась и отвернулась. Он окинул ее взглядом, мерзко захихикал:

— Какие мы нежные, можно подумать, не в приюте, а в оранжерее росли! Хотя допускаю, и там были свои плюсы, например, всеобщая женская доступность и сговорчивость.

— Ты что несешь, молокосос!

— Моя стратегическая оплошность в том, что на дочке сконцентрировался, а надо было сначала мамашей заняться! Вот тогда бы никаких проблем и не было! Девоч твоих я уже отымел, теперь могу и тебя, чтобы

впоследствии иметь пожизненное сладкое молочко, которое щедро будет давать дойная скотина по имени «ВИКА». — Женька схватил ее двумя руками за воротник и притянул к себе, намереваясь вцепиться в губы. — Ты еще ничего, Ирина Александровна, мне подойдешь!

Правая свободная рука скользнула в карман шубы, щелкнул предохранитель. Ирина даже не сопротивлялась наглому парню, просто вдавила дуло ему в живот и дважды выстрелила.

Женька охнул, упал на бок, на кашемировом пуловере тут же растеклось уродливое бурое пятно. Ирина разжала пальцы, пистолет негромко стукнулся об пол.

— Сука, что ты наделала! — хрипел и корчился на полу Женька.

Ему удалось дотянуться до пистолета, и он, приподнявшись на локте, навел дрожащей рукой оружие на Ирину. Та даже не шелохнулась, так и стояла, в упор глядя на него и заворожено наблюдая, как изо рта у парня потекла тонкая струйка алой крови, пошли пузыри, как он упал на спину, последний раз дернул рукой с зажатой в кулаке железякой и уронил ее себе на живот.

Только после этого она словно проснулась, кубарем скатилась по лестнице и, кинувшись к выходу, с силой толкнула дверь. Морозный ночной воздух царапнул лицо, от порыва ветра окно в коридоре распахнулось, с шумом ударилось о стену, на пол полетели мелкие осколки.

— Ой, Ирина Александровна, это вы пришли! А я думаю, что за шум! — выглянула заспанная горничная Светик. За ней стояла сурово насупленная как всегда Нина Петровна.

— Светка, говорила я тебе, закрой окно, а ты все жарко, душно! Вот теперь полночи будем стекла убирать.

И тут из кабинета раздался истошный крик Ольги. Женщины, не сговариваясь, дружно бросились наверх.

Первым, опередив службы «02» и «03», приехал верный Кузьма. Взял Ирину за руку, бегло глянул на опаленный выстрелом меховой край правого рукава.

— Ирин, ты шубку-тоними! Вот так, осторожненько, рукавчики выворачиваем. Теперь положи и садись, можно прямо так, сверху.

По комнате бегали люди в белых халатах, в полицейской форме, суетились и сдавленно шумели. Ирина гордо сидела на шубе, ждала. Лайковые перчатки, испачканные оружейным маслом, были запряваны глубоко в карманы. Молодой следователь рьяно носился вокруг мелованного на полу контура.

— Надо бы специалистов вызвать, пусть баллистическую экспертизу проведут. Посмотрят траекторию выстрела, разрывную силу, то да се!

Кузьма положил руку ему на плечо, и тот даже присел под тяжестью его ладони.

— Послушай, я тебе как следак следаку скажу, отпечатки на орудии преступления есть, и это главное! Премия за процент раскрываемости — дело не последнее! Девчонке своей на Новый год колготки модные подаришь.

Санитары на носилках вытаскивали из комнаты бесформенный пластиковый куль.

— Нетипичное самоубийство, — покачал головой следователь. — Обычно стреляют себе в голову, сидя за столом, а тут — посередине комнаты и в живот. Он что, подольше мучиться хотел?!

— Ну, так у богатых свои причуды! — резонно заметил Кузьма.

В комнату быстрым шагом вошел мужчина, вид у него был уставший и какой-то помятый. Он, как хорошо знакомому, пожал Кузьме руку. За ним, задыхаясь от слез, семенила горничная Светик.

— Я спала, слышу, грохотнуло что-то, два раза. Бегу вниз, смотрю, хозяйка пришла, дверь открыла, окно от ветра разбилось. Потом Оленька наверху закричала, мы туда, этот на полу лежит, она в дверях стоит и плачет. Ирина Александровна ее схватила, близко подойти не дала, я за «скорой» побежала. Петровна к нему подходила, а я вообще ничего не видела!!

— Ясно, хватит! — прервал ее мужчина и повернулся к Ирине: — Старший следователь Сегенюк. Мы можем поговорить?

Она все так же безучастно сидела на шубе, однако с готовностью изъявила желание содействовать следствию.

— Оружие ваше? На кого зарегистрировано?

— На меня, куплено четыре месяца назад.

— Где хранили?

— В ящике письменного стола.

— У вас есть какие-то объяснения тому, что произошло?

— Женя был хороший мальчик, но слабый, к тому же, игрок! Последнее время ко мне часто обращались определенные личности по поводу его долгов. Он просто запутался! Моя дочь ждет от него ребенка, а у него начался роман с другой замужней женщиной.

— Вы знаете имя этой женщины? — тяжело вздохнул усталый следователь.

— Да, это моя вторая дочь.

— Твою мать! — тихо, но внятно пробурчал мужчина и добавил: — Где она сейчас?

— В частной клинике, 7-е нервное отделение.

— А ее муж?

— Находится неотлучно при ней.

В коридоре послышался шум и голос доктора «скорой помощи», громко матерившего санитаров:

— Говорю же вам, уроды, осторожно, осторожно несите!

Наоравшись вдоволь, доктор заглянул в комнату и, увидев Ирину, тут же поменял тон, обращаясь к следователю:

— Я, с вашего позволения, женщину госпитализирую!

Следователь с трудом выбрался из мягкости глубокого дивана.

— Слышь, эскулап, мне бы ее еще допросить надо! — хмуро возразил тот.

— Даже и не думайте! Женщина в состоянии шока, я за ее жизнь отвечаю! — твердо проговорил доктор и, раскланявшись с Ириной, пообещал: — Доведем как королеву, с ребеночком ничего не случится!

Сегенюк опять устало вздохнул и сложил записи допроса в тонкую папочку.

— Да я вас понимаю, у самого девка растет, 14 лет, а уже никакого сладу с ней нет!

Ирина автоматически кивала, Кузьма стоял рядом, Светик плакала, Нина Петровна мокрой шваброй оттирала с паркета мелованную человеческую фигуру...

В начале декабря, наконец-то, выпал легкий снежок. Было совсем не холодно, поэтому светские дамы облачились на похороны в легкие дизайнерские шубки и изысканные шляпки. Ирина, пряча лицо под большими темными очками, крепко держала дочерей за руки, принимая соболезнования друзей и знакомых. Прибывшие из Швейцарии родственники, кажется, никак не могли поверить, что с ними, такими правильными и благополучными, может случиться несчастье. Папа-дипломат пытался выглядеть спокойным и поддерживал горько плачущую жену. Ирина постаралась — все было организовано по высшему разряду: скрипичный секстет, бесчисленные букеты белых роз, дорогой, сделанный на заказ гроб из Италии. Когда творение флорентийских мастеров опустилось в промерзшую российскую землю, и первый ком мороженой земли смачно ударился о крышку, Ольга вырвалась из цепких рук матери и бросилась к могиле:

— Женя! Женечка, я тебя люблю, как же я без тебя!

Наташа, дернувшись всем телом, рванулась за ней.

— Иван, держи жену! — тихо проговорила Ирина и, приподняв очки, бесстрашно подставляя свое лицо под вспышки камер, сама двинулась поднимать лежавшую на земле дочь.

Александр Николаевич в этот день чувствовал себя особенно плохо, у него все внутри болело, видимо, сказывалась перемена погоды. Сидя у се-

бя в кабинете, он переключал каналы на пульте, но везде показывали какую-то ерунду. И вдруг на экране появилось утыканное «железными булавками» лицо мальчишки, который радостно верещал:

— Светские новости! Сегодня мы могли присутствовать на празднике смерти, на торжестве готического гламура, на дне создания нового идола апокалипсиса! Одна из самых известных и богатых семей нашего города придается скорби!

Дальше пошли кадры хроники, плачущие родственники, скорбные лица. Молодая беременная женщина падает на землю, дама в длинной черной шубе поднимает ее.

Девушка в розовой, не по погоде, легкой юбочке перепрыгивает через кордон охраны, отбивается от крепких мужчин и агрессивно машет микрофоном:

— Газета «Желтобрюха»! Ирина Александровна, скажите, для вас это большая трагедия?

Тут в кабинет к Александру Николаевичу ворвалась целая ватага малышни.

— Я когда вырасту, пожарником в Америке буду, вот! А Сашка не верит!

— Америка далеко, ты не доедешь!

— А вот и доеду, на поезд сяду и доеду!

— Смотрите, смотрите, тетю Иру показывают!

Женщина в черной шелковой косынке, которую показали крупным планом, провела под глазами кружевным платочком и грустно, но с достоинством начала отвечать на вопросы корреспондентки.

— Да, вы правы, это для нас огромная потеря! Евгений Львович был очень талантливым художником, архитектором от Бога. А для меня — просто родной и близкий человек!

Маленькая худенькая Маша доверчиво прижалась к Александру Николаевичу и шепотом спросила:

— А можно, когда я вырасту, тетей Ирой стану?

Директор попытался выключить телевизор, но старый пульт, как всегда, забарахлил, и Ирина все говорила и говорила с экрана:

— Тем не менее, жизнь продолжается! И мы должны идти вперед, работать и думать о будущем. Я бы даже сказала, все ради тебя — «ВИКА»! Вика — значит, Виктория, а Виктория — это Победа! □

Дверцы в сердце

Елена Логунова

Там, за этими стенами, у нас нынче что? Борьба за жизнь. И в театр зритель приходит, как был, в доспехах. А тут его открывают, чтобы достучаться до сердца. Как? А как в «Красной Шапочке», помните: «Дерни за веревочку — дверь и откроется!» Хороший кукловод умеет потянуть за ниточку к сердцу

Тот, кто думает, будто кукольный театр — это детская забава, никогда не был в краснодарском Новом театре кукол.

А зря.

В данном случае театр начинается не просто с вешалки, а с впечатляющей галереи портретов актеров. Их вполне профессионально пишет маслом... билетерша.

Вот такие люди работают в новом кукольном в Краснодаре.

Главный по людям и куклам — Анатолий Тучков. Художественный руководитель, главный режиссер, папа главного художника, практически родной отец всему коллективу и сам актер — в общем, играющий тренер. От Карабаса Барабаса — только укороченный вариант бороды, кнута вовсе нет, в качестве пряника — активная поддержка молодых и не очень молодых талантов, коих в труппе краснодарского нового кукольного аккурат по числу артистов — четырнадцать.

Все при деле, за роли никто не борется, работы хватает всем.

— У нас мощное старшее поколение, крепкое среднее и талантливая молодежь, — говорит главный. — Идеально сбалансированная труппа!

Про баланс кукловоды знают больше многих, ведь их задача — самую сказочную фигуру в сценической истории провести без уклона от правды жизни.

А кукол в театре много, для каждого спектакля — свои. Они из пьесы в пьесу не кочуют. Это актерам можно и нужно перевоплощаться, а куклы — народ твердых принципов.

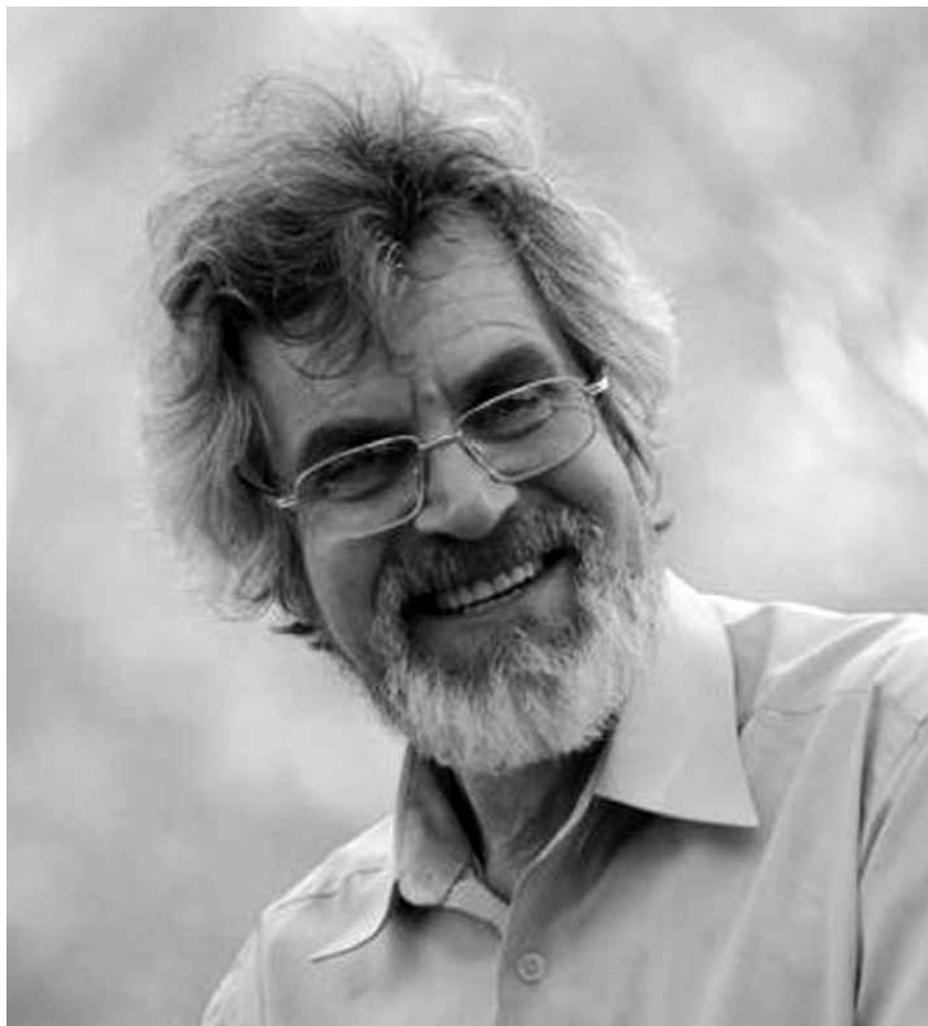
Хотя необязательно твердых материалов. К примеру, маски к спектаклю «Забывать Герострата» только выглядят керамическими, а на самом деле — папье-маше. Однако ценность воистину историческая: с премьеры именно этой пьесы осенью 1993-го года началась история Нового театра кукол в Краснодаре.

— Сколько у нас сегодня кукол? Вот так, навскидку, не отвечу, — затрудняется с подсчетом оловянных и деревянных солдатиков главкомандующий Тучков. — В репертуаре театра на сегодняшний день семнадцать постановок для детей и пять спектаклей для взрослых. Это не одна сотня кукол.

И куклы эти самые разные — и по принципу работы с ними, и по размерам. Есть маленькие, помещающиеся на ладошке, а есть огромные, под потолок.

*Художественный
руководитель,
режиссер
и актер
краснодарского
Нового театра
кукол —
Анатолий Тучков*

В спектакле «Кукла, актер и фантазия», выдержавшем уже пятьсот представлений, гигантская кукла реально воплощает в себе целый мир театра: она и персонаж, и шатер, в котором разворачивается представление. А в новогоднем спектакле задействованы ростовые фигуры, и актеры буквально с головой уходят в роль зайчиков и мишек, облачаясь в специальные костюмы.

Зрителю, особенно маленькому, технические подробности неочевидны. Для него все куклы — и с ручками на ниточках, и с ножками на палочках — вскоре после начала представления становятся живыми.

На то и расчет.

— Из любой театральной фантазии зритель должен вынести для себя живую мысль, идею, которая поможет ему лучше понять реальность, — утверждает Тучков. — Это то, чем мы вооружаем нашего зрителя взамен брони, которая делала его нечувствительным и к ужасному, и к прекрасному.

Броню снимают в зрительном зале, лицом к лицу, а то и нос к носу: пространство сцены невелико.

Глубина ее всего четыре с половиной метра. Чтобы создать бесконечные джунгли для спектакля «Сэмбо», пришлось по сантиметрам вы-

Афиша спектакля-концерта

считать ширину каждого плана, располозовав сцену веревочками, как для сушки белья. Актерам было тесно, зато фантазиям просторно: для

зрителя бесконечность получилась вполне убедительная.

Надо сказать, представление захватывает во всех смыслах!

В зале со сводчатым потолком восемьдесят восемь кресел и отличная акустика. Планировали сделать сто мест, и акустике это не помешало бы, но актерам и куклам пришлось бы толкаться на сцене. Ради увеличения рабочего пространства и лучшего контакта со зрителем пожертвовали одним рядом.

И не напрасно.

— Когда стоишь вот здесь (главный человек становится вплотную к первому ряду) — не солжешь! Когда мы так близко, зритель почувствует малейшую фальшь.

Многочисленные восторженные отзывы свидетельствуют, что фальши зрители не чувствуют. И дискомфорта тоже: пусть посадочных мест и немного, зато они очень удобные.

К предстоящему сезону в зале установили новые кресла-транс-

формеры. Для взрослого зрителя это просто мягкое кресло с подлокотниками, а для ребенка — целый аттракцион, потому что сидение складывается, позволяя поднять малыша повыше и, одновременно, образуя ступеньку ему под ножки.

Новые кресла, можно сказать, подарок к юбилею театра от краевой власти: изготовить их распорядилась вице-губернатор Галина Золина после встречи и беседы с Анатолием Тучковым.

— Проблемы у нас, конечно, есть, в том числе, материальные, — неохотно признается он. — Самая, на мой взгляд, серьезная — это отсутствие денег на гастроли. Раньше они были заложены в бюджете министерства культуры, теперь нет. Нам остались только фестивали, это

году на фестивале «Кубань театральная» сразу несколько премий получил спектакль для взрослых «Кин IV», поставленный по пьесе Григория Горина.

— Знаете, что удивительно? В этом спектакле есть персонаж, о котором на премьере зрители в зале шептались: «Он в точности Горбачев!», — хитро улыбается главный. — А спустя несколько лет точно так же убежденно говорили: «Он же в точности Ельцин!» Это «в точности» говорит о попадании, которое происходит, когда меткое слово имеет целью не личность, а явление. А еще о том, что театр — и сам явление не сиюминутное. Он рождается здесь и сейчас! — Главный активно жестику-

единственная возможность показать себя за пределами города.

На свой самый первый — и сразу международный! — фестиваль Новый театр кукол отправился через месяц после рождения. Тогда на «Воронежских посиделках» были показаны концертные номера, которые позже стали основой того самого знакового в истории театра спектакля «Кукла, актер и фантазия». Позже Новый театр кукол выезжал на «Белгородские забавы», на фестивали «Серебряный остер» в Волгограде и «Я-мал, привет!» в Новом Уренгое. Разумеется, участвует Новый кукольный и в популярных «домашних» фестивалях «Арт-визит» и «Кубань театральная».

Интересно, что кубанский зритель уважает, «что посерьезнее». В 2010-м

лирует, показывая, где именно — здесь.

На сцене и в зале, на самых ближних подступах к зрителям. На стенах, куда транслируется видеоряд. В окне, которое открывается из зала в гримерку и превращается в ширму для классических марионеток.

Ну, и в душах зрителей, разумеется. Потому что это только кукол привязывают ниточки и удерживают палочки, а люди — они идут после спектакля туда, откуда пришли. И уносят с собой воспоминания, впечатления, новорожденные мысли...

— А я хожу по улицам, смотрю на людей и, если вижу, что они перестали улыбаться, делаю веселый спектакль! — говорит Тучков. —

Я понимаю: это именно то, что сейчас нужно.

Смотреть друг на друга, да. Глаза в глаза, лицом к лицу, с открытым сердцем. Слышать слова и угадывать мысли.

Согласны?

Тогда добро пожаловать в зал с хорошей акустикой и правильной атмосферой!

Дышите глубже. Вы будете взволнованы. □

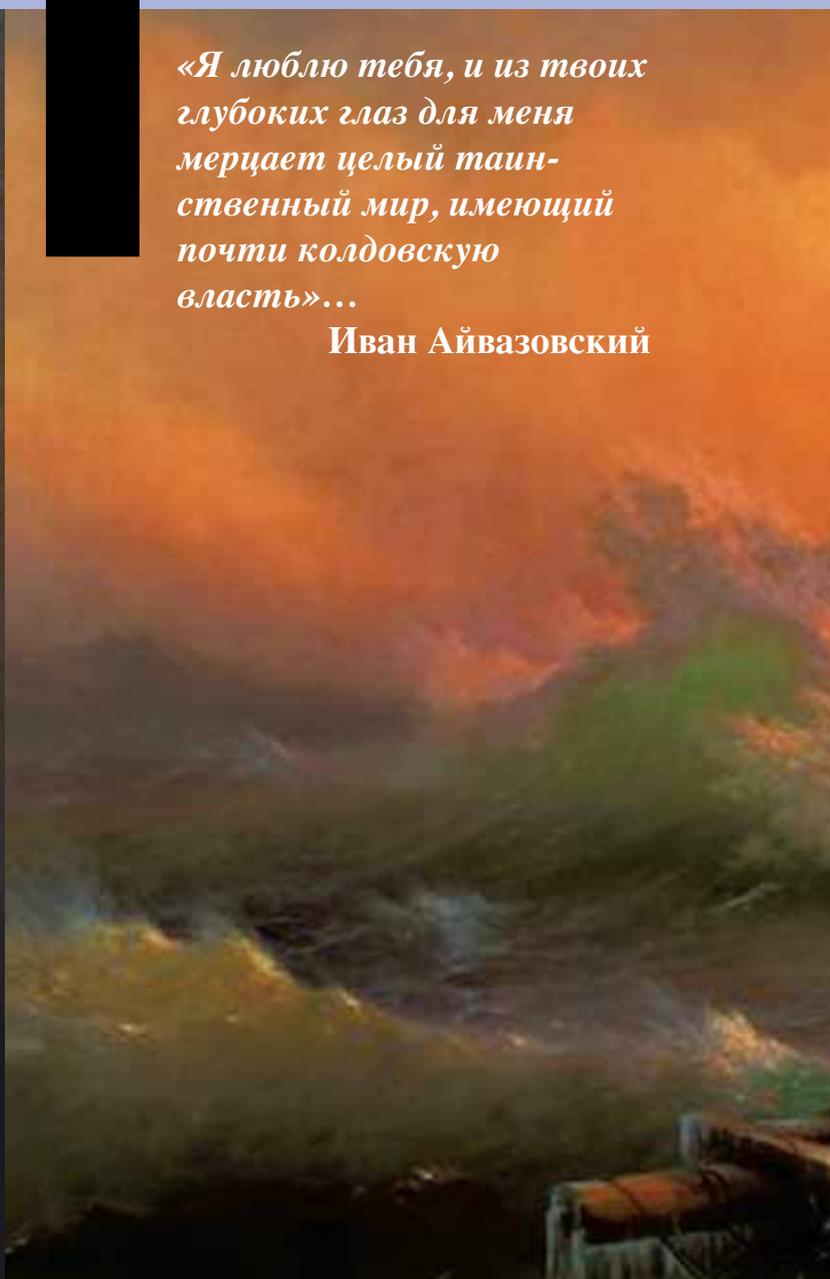
Ирина
Опимах

Царь Моря

*«Я люблю тебя, и из твоих
глубоких глаз для меня
мерцает целый таин-
ственный мир, имеющий
почти колдовскую
власть»...*

Иван Айвазовский

«Пришел ты, маленький человек с берегов Невы в Рим и сразу поднял Хаос в Ватикане», — восхищенно писал Гоголь об Айвазовском и о покупке Папой Римским его картины «Хаос». Этот замечательный художник — один из немногих российских живописцев, приобретших европейскую славу. Он прожил долгую жизнь и успел сделать невероятно много. В истории искусства Айвазовский остался, прежде всего, как великолепный маринист — ну, кто не знает его гениального «Девятого вала»! Однако в его творчестве были и жанровые сцены, и батальные, а еще — удивительные, полные лирики и любви портреты прекрасной, преданной и любящей женщины...

17 июля 1817 года в книге рождений и крещений феодосийской армянской церкви появилась очередная запись: «Родился Ованес, сын Геворга Айвазяна». ...Сам художник так рассказывал о своих предках: «Я родился в городе Феодосии в 1817 году, но настоящая Родина моих близких предков, моего отца была далеко не здесь, не в России. Кто бы мог подумать, что война — этот все истребляющий бич, послужила к тому, что жизнь моя сохранилась, и что я увидел свет и родился именно на берегу любимого мною Черного моря...»

Прожив много лет в Галиции, отец будущего художника Константин Гайвазовский приехал в Феодосию и вскоре женился на молодой красавице армянке Рипсиме. Молодой супруг занялся торговлей, и поначалу дела пошли совсем неплохо. Но в

1812 году Крым накрыла эпидемия чумы, а в таких обстоятельствах никто ничего не покупает. Многие тогда разорялись. Вот и Гайвазовский потерял большую часть своего состояния. До рождения Ованеса у Гайвазовских уже были две дочери и двое сыновей, и если бы Рипсиме не была искусной вышивальщицей, кто знает, смогли ли бы они прокормить детей.

Константин Гайвазовский знал около десятка восточных и европейских языков, много читал, говорят, даже сам писал — и стихи, и прозу. Он понимал, как важно хорошее образование, и страсть к знаниям старался передать своим детям. Все три его сына, несмотря на весьма скромное социальное и материальное положение отца, прожили яркую и интересную жизнь. Старший брат работал в должности начальника феодосийского морского порта, средний стал выдающим-

Слева:
«Волна»

Справа:
*«Хаос.
Сотворение
мира»*

ся армянским религиозным деятелем и просветителем, ну, а младший, Ованес (Иван) — выдающимся живописцем!

Маленький Ованес с детства удивлял своих родителей. Мало того, что сам выучился играть на скрипке, так еще и рисовал, да как! Отец, увидев однажды рисунок вось-

милетнего сына, сделанный углем на белой стене их дома (конечно, это был корабль, плывущий по морю), не стал ругать мальчика, а дал ему бумагу и карандаши.

Жить большому семейству было трудно, и в десять лет Ованеса отправили работать — мальчиком на побегушках в кофейню грека Алек-

«Всемирный потоп»

сандра. Он мыл грязную посуду, носил тарелки с едой, с восторгом слушал рассказы бывалых моряков, а когда попросят — играл на скрипке или рисовал. Однажды в кофейню зашел местный архитектор Яков Христианович Кох. Увидев, как этот ребенок легко изображает на бумаге то военный бриг, то мелкую фелюгу, то просто бурлящее море, он пришел в восторг и предложил учить его рисунку. Кох познакомил Ованеса и с местным градоначальником Александром Ивановичем Казначеевым. Юный художник произвел впечатление и на него: Александр

Иванович подарил юному дарованию первые в его жизни акварельные краски и обещал всяческую поддержку. Он не обманул — взял его с собой, когда переехал в Симферополь, но главное — отправил рисунки юного Ивана Айвазовского (так его теперь называли) в Петербург — с ходатайством о принятии в Академию художеств. И вот уже президент Академии Оленин дает указание о принятии его «казенным пенсионером» — он будет учиться за казенный счет в классе профессора М.Н. Воробьева. Это счастливое событие случилось в 1833 году.

В 1835 году Ивана отправили в летнее плавание по Балтике. Моряки посвятили его в тонкости морского дела, рассказали об устройстве кораблей. Они полюбили юношу за его понимание морской стихии, легкий характер и смелость. Из плавания Айвазовский привез первые свои марины, увидев которые, потрясенный император Николай I воскликнул: «Я куплю все картины, какие он только напишет!»

Начало его творческой жизни было невероятно! Общение с цветом российской культуры — с Пушкиным, Глинкой, Брюлловым, Гоголем... Блестящее окончание курса Академии художеств за пять лет вместо семи, а затем стажировка в Крыму (генерал Раевский, начальник Черноморской береговой линии, приглашает его наблюдать боевые действия флота против турок), встречи с легендарными героями морских сражений адмиралами Корниловым, Лазаревым, Нахимовым... А потом — Италия, где он встретился с братом Саркисом, в монашестве Габриэлом, жившем в монастыре. Именно Габриэл убедил его изменить фамилию на Айвазовский, убрав первую Г — так она больше походила на армянскую.

Картины Айвазовского с изображением моря — то тихого, спокойного, ласкового, то бурного, непредсказуемого, страшного, — пользовались невероятным успехом. Сам Уильям Тернер, признанный мастер морского пейзажа, восхищался его картинами, об одной из которых писал так: «На картине этой я вижу лу-

«*Хождение по водам*» (второй вариант)

ну с ее золотом и серебром, стоящую над морем и в ней отражающуюся... Поверхность моря, на которую легкий ветерок нагоняет трепетную зыбь, кажется полем искорок или множеством металлических блесков на мантии великого царя! Прости меня, великий художник, если я ошибся (приняв картину за действительность), но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел мною. Искусство твое высоко и могущественно, потому что тебя вдохновляет гений!»

Как тут не потерять голову, однако у этого армянского юноши было

Справа:
«*Морское
сражение
при Наварине
2 октября
1827—1846 гг.*»

Слева:
«*Буря
на Ледовитом
океане*»

что-то такое в душе, что помогало с достоинством пережить свой триумф. На склоне лет Айвазовский, вспоминая свою юность, рассказывал: «Рим. Неаполь. Венеция, Париж, Лондон, Амстердам удостоили меня самым лестным поощрением, и внутренне я мог гордиться успехами в чужих краях, предвкушая сочувственный прием на Родине». (Предчувствия его оправ-

дались. Позже Айвазовскому были пожалованы звание Академика живописи и действительного статского советника. Он был избран действительным членом пяти академий, галерея Уффицы заказала ему автопортрет, его адмиральский мундир украшали почетные ордена многих стран. И главное — он стал любимым живописцем Николая I.)

Во время учебы в академии художник первый раз влюбился. Вообще он был хорош собой, с южным темпераментом, к тому же талантлив! Он всегда пользовался успехом у женщин, но эта женщина перевернула его душу...

Осенью 1837 года в Петербурге все только и говорили о балерине, итальянке Марии Тальони, совершенно покорившей русскую публику. И вот однажды, проезжая по одной из петербургских улиц, ее экипаж сбил молодого человека. Он шел, о чем-то глубоко задумавшись, и не замечал ничего вокруг. Этим молодым человеком оказался молодой красавец Айвазовский. Госпожа Тальони довезла его до дома, а на следующий день прислала билет на

свой спектакль. Так начался их роман. А когда она уехала в Европу, он поехал за ней — благо, совет Академии решил отправить молодого талантливого художника в Европу, учиться у классиков. Он писал Венецию, восхищался ее палаццо, каналами, творениями Веронезе, Тьеполо и других старых мастеров и — любил Марию... Они катались на гондолах по узким венецианским каналам и все свободное время проводили вместе. И хотя вдвоем им было очень хорошо, она все-таки не могла забыть, что на 13 лет старше его, к тому же, глубоко предана сцене, а армянин Айвазовский не хотел делить свою женщину ни с кем, даже с искусством. Тальони, умная и дальновидная, понимала, что их роман

«Чесменский бой 24–26 июня 1770 г.»

ни к чему не приведет, и первая решила расстаться. Тот их самый важный и самый горький разговор случился на Вербное воскресенье. С тех пор каждое Вербное воскресенье Айвазовский получал корзину с ландышами, до самой своей смерти не догадываясь, кто посылал ему эти цветы. На прощание Тальони подарила ему розовую балетную ту-

фельку, а он ей — роскошное палаццо. У него уже была возможность делать такие подарки — его картины прекрасно продавались, и даже Папа Римский приобрел его «Хаос», вручив ему золотую медаль. В русских газетах тех лет писали: «В Неаполе так полюбили нашего художника, что дом его целый день наполнен посетителями. Вельможи,

«Вид Петербурга 1888 г.»

поэты, ученые, художники и туристы поочередно ласкают его, угощают и, воспевая в своих стихах, признают в нем гения».

(Последние годы жизни великая танцовщица Тальони провела в своем доме на озере Комо. Умирая, она попросила свою дочь, супругу русского князя Александра Васильевича Трубецкого, каждый год, в Вербное воскресенье, продолжать посылать художнику Айвазовскому ландыши. На ее надгробии (она похоронена на парижском кладбище Пер-Лашез) высечено: «Земля, не дави на нее слишком сильно, ведь она так легко ступала по тебе».)

В 1843 году Айвазовского пригласили выставить свои картины в Лувре. Это был невероятный успех! А потом прошли триумфальные выставки и в других крупнейших городах Европы — в Лондоне и Лиссабоне, Мадриде и Барселоне, Севилье и

Гранаде, на Мальте и Гибралтаре. Оценили его и в Голландии, родине морского пейзажа, — он был принят в члены Амстердамской академии искусств.

В конце 1844 года, покорив все европейские столицы, художник вернулся в Петербург. Здесь его приняли с восторгом и назначили первым живописцем Главного морского штаба. Он стал модным художником и перспективным женихом, его картины покупали все ценители прекрасного, и все хотели брать у него уроки живописи. И вот однажды одна очень важная петербургская дама попросила поучить искусству ее дочерей — с прицелом, что хотя бы одна из них приглянется молодому художнику. Айвазовский с удовольствием посещал этот дом и не спешил уходить — он действительно влюбился, но... в гувернантку девушек англичанку Юлию Гревс. Весь высший свет был

«Лунная ночь. Берег моря»

потрясен, а Айвазовский взял и женился на гувернантке. В письме 1848 года одному из своих друзей он писал: «...я женился как истинный артист, то есть влюбился, как никогда. В две недели все было кончено. Теперь, после восьми месяцев, говорю Вам, что я так счастлив, что не воображал даже половину этого счастья. Лучшие мои картины — те, которые написаны по вдохновению, так как я женился».

Он обвенчался с Юлией в петербургской армянской церкви, а потом увез ее в Феодосию — его боготворили в столице, но, несмотря на это, жить ему хотелось у любимого Черного моря, вдали от столичной суеты, где ничто не мешало творить, воссоздавая на полотне запечатлен-

ные в его памяти образы морской стихии... На окраине города, на самом берегу, он купил участок и построил там дом с мастерской. Дом Айвазовского напоминал настоящую итальянскую виллу — тут были и большие балконы, увитые виноградом, и скульптуры богов, муз и грифонов в нишах, и прекрасный вид на море, и роскошные залы для приема гостей. Здесь ему было хорошо...

В 1850 году он написал свою самую знаменитую картину — «Девятый вал». Огромные волны вот-вот обрушатся на затерянное в океане суденышко, где сражаются со стихией отчаянные моряки. Люди измучены, но — не сдаются, ведь океан когда-то тоже устанет и успокоится. Главное, по поверьям моряков, —

«Наполеон на острове Святой Елены»

пережить девятый вал, самый страшный и губительный... В 1844 году, когда Айвазовский плыл на корабле в Бискайском заливе, ему пришлось попасть в страшную бурю. Тогда все были уверены, что корабль с Айвазовским затонул — уцелеть в такой шторм было практически невозможно. Но корабль выстоял, а в памяти художника навсегда осталась эта встреча с обезумевшей стихией. И вот теперь эти воспоминания выплеснулись на холст.

Огромное полотно — 221x332 см — производило грандиозное впечатление. Император, тут же купивший картину, воскликнул: «Давай договоримся: я — царь земли, а ты — царь моря». Да, он был настоящим пове-

лителем океана, этот Иван Айвазовский!

Он очень любил свой дом в Феодосии, а Юлия там скучала — ей хотелось блистать при дворе, и она изо всех сил тянула мужа в столицу. Она не понимала его, не понимала его творчества. И хотя подарила мужу четырех дочерей, их семейная жизнь не принесла счастья ни ему, ни ей. Устав от капризов жены и непрерывных скандалов, Айвазовский подал прошение о разводе. «Руководствуясь человеческим и христианским долгом, я многие годы терпеливо относился к недостаткам жены, что могут засвидетельствовать не только родные и друзья, но и все знакомые во многих городах России. Пе-

ренесенное ею в 1857 году, по свидетельству столичных врачей, неизлечимое нервное заболевание еще более несносным сделало ее характер. Исчезло спокойствие в моем доме. Почти двадцать лет она клеветала на меня, запятнала мою честь и честь моих родных перед нашими детьми и чужими людьми. И это она делает с той целью, чтобы убить меня не физически, но морально, чтобы незаконно отобрать у меня имение, имущество, оставить без хлеба насущного. Моя жена Юлия, относясь ко мне враждебно, живет в столице за мой счет, часто путешествует в Австрию, Францию, Германию, вовлекая меня в колоссальные расходы». В конце апреля 1877 года Айвазовский обратился в Эчмиадзин с просьбой дать согласие на развод. Месяц спустя Синод удовлетворил его прошение, и развод, наконец-то, состоялся.

Айвазовскому к тому времени исполнилось уже шестьдесят лет... Он уже думал, что так и останется один, но судьба подарила ему новую любовь, осветившую последние годы его жизни. Как-то, когда он ехал в своем экипаже по улицам Феодосии, он увидел похоронную процессию. Хоронили известного в Феодосии купца Саркизова, и за гробом шла очаровательная юная армянка. «Кто это?» — спросил художник. Оказалось — вдова Саркизова Анна, в девичестве — Бурназян. Спустя некоторое время эта юная армянка стала женой Ивана Константиновича. Ему было 65, ей — 25. Но

что такое разница в возрасте, когда встречаются великий художник и прекрасная женщина. Анна была малообразованна, но ее такт, ум, готовность учиться, доброта и, главное, любовь, а она искренне любила Айвазовского, быстро восполнили недостаток образования.

Наконец-то в доме художника становится тепло и уютно. А потом сюда приехала дочь Александра с сыновьями, и Иван Константинович был поистине счастлив: вокруг него — огромное семейство, и все живут в мире и согласии.

В год свадьбы влюбленный Айвазовский написал портрет жены. Она — в национальном армянском платье, на голове — прозрачная легкая косынка. Выразительные темные глаза, восточная грация, мягкая улыбка, женственная фигура — в ее образе присутствует некая загадочность, свойственная восточным красавицам. «Моя душа должна постоянно вбирать красоту, чтобы потом воспроизводить ее на картинах. Я люблю тебя, и из твоих глубоких глаз для меня мерцает целый таинственный мир, имеющий почти колдовскую власть. И когда в тишине мастерской я не могу вспомнить твой взгляд, картина у меня выходит тусклая...», — говорил Анне молодой художник.

Осенью Айвазовский написал Анну еще на одном холсте — «Сбор фруктов в Крыму». Стоя на двухколесной арбе, она собирает виноград. Сидящий в арбе юноша держит корзину и восторженно смотрит

на свою прекрасную госпожу. Все здесь светится — и фигура женщины, и зелень, и цветы. Все пропитано радостью бытия...

В 1883 году Айвазовский повез молодую жену в Грецию. Для Анны это было первое путешествие за границу. Города Древней Эллады произвели на нее неизгладимое впечатление. Она то и дело что-то восторженно говорила мужу, а он записывал ее впечатления в специальный дорожный альбом, иллюстрируя их акварельными картинками.

26 сентября 1887 года в Петербурге отпраздновали 70-летний юбилей художника и 50 лет его творческой жизни. В Большом конференц-зале Императорской академии художеств состоялось торжественное собрание. «Бюллетень Правительственных сообщений» писал: «Вообще торжество и самое чествование художника носили грандиозный, почти небывалый еще у нас в России характер». 1 ноября 30 высших морских офицеров, включая адмиралов, в лучшем ресторане Петербурга организовали банкет в честь Айвазовского. Он появился в мундире офицера Штаба морского флота, и конечно, с красавицей женой.

Отдали должное художнику и его земляки, присвоив ему звание «Почетный гражданин города Феодосия». Что было совершенно заслуженно — художник очень многое делал для родного города. Так, в своем доме открыл картинную галерею, которую позже завещал городу («...Мое искреннее желание, чтобы

здание моей картинной галереи в городе Феодосии со всеми в ней картинами, статуями и другими произведениями искусства, находящимися в этой галерее, составляли полную собственность города Феодосии, и в память обо мне, Айвазовском, завещаю галерею моему родному городу...»). В Феодосии всегда не хватало пресной воды, и однажды Айвазовский обратился к властям: «Не будучи в силах далее оставаться свидетелем страшного бедствия, которое из года в год испытывает от безводья население города, я дарю ему 50.000 ведер в сутки чистой воды из принадлежащего мне Субашского источника». Уже в августе 1888 года вода стала поступать в город. В знак благодарности земляки художника возвели в центре города фонтан-памятник с бронзовой фигурой женщины — в ней все узнавали Анну Айвазовскую. Фонтан был увит лаврами с надписью: «Доброму гению». С помощью художника в Феодосии были построены и другие фонтаны. Один из них, в армянском стиле, заработал в городском саду. Рядом с краником на цепочках висели две серебряные чаши: на одной из них было выгравировано «Иван», на другой — «Анна».

В феврале 1890 года супруги Айвазовские отправились в Одессу, а оттуда — в Париж, где в зале «Дюран-Рюэль» открывалась персональная выставка художника. Когда она закончилась, они поехали в Константинополь, где их принимали армянский патриарх, а затем и простые

Иван Айвазовский с первой женой Юлией и дочерью

Анна Айвазовская (Бурназян) — вторая жена

армяне, жившие в Константинополе. Во здравие их отслужили молебны в армянских церквах. Все это было невероятно важно для художника, всегда помнившего о своем народе. Удивительное дело — его уважали и мусульмане. Султан Абдул-Гамид II наградил Айвазовского орденом «Меджидие» I степени. А еще раньше, в 1874-м, Айвазовский получил высший орден Турции — «Османие» — от султана Абдул-Азиза, для которого он написал более 30 полотен.

А в 1892 году Айвазовский с Анной посетили Америку — 13 октября они прибыли в Нью-Йорк, затем были Вашингтон, Сан-Франциско, Бо-

стон. И везде его выставки имели оглушительный успех. На обратном пути в Европу их пароход попал в шторм. Почти все страдали от морской болезни, но только не супруги Айвазовские — они стояли на палубе и любовались разбушевавшейся стихией. Море было их жизнью...

В феврале 1896 года Айвазовский, получив гонорар в четыре тысячи рублей за купленные государем для Зимнего дворца картины «Черноморская эскадра в тишине» и «Ураган», поехал полечиться в Ниццу. Конечно же, в сопровождении жены. Здесь он и узнал о чудовищной резне армян в Турции. Потря-

сенный, он пишет «Погром армян в Трапезунде», «Армян погружают на корабли», «Турки армян живыми бросают в Мраморное море» и отправляет их в Петербург для сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». Выставки его картин, посвященных трагедии армянского народа, прошли в России, Англии, Франции, вызвав мощную волну протеста против страшных зверств. Вернувшись в Феодосию, художник швырнул в море все свои османские ордена и заявил турецкому консулу, чтобы тот передал своему «кровавому» хозяину: «Если пожелает, пусть он выбросит в море мои картины, их мне не жаль».

Ранней весной 1900 года в Петербурге открылась последняя прижизненная выставка Айвазовского. Тогда же Академия художеств учредила персональные стипендии имени Айвазовского для одаренных молодых людей из Феодосии, желавших стать художниками.

Утром 18 апреля 1900 года Айвазовский, как обычно, пришел в мастерскую. Он по-прежнему много работал. «Восемьдесят два года заставляют меня спешить», — так объяснял он свою неумность в творчестве в письме одному из друзей. Свое новое полотно, «Взрыв турецкого корабля», Айвазовский собирался закончить через пару дней — он всегда работал очень быстро. В полдень он с женой прогулялся по берегу моря. Вернувшись, снова взялся за работу, а потом, удовлетворенный сделанным, прилег вздремнуть. И умер — во сне.

От кровоизлияния в мозг. Умер, как праведник, да он и был настоящим праведником.

Хоронила Айвазовского вся Феодосия, под неумолкаемый звон колоколов. Его в городе очень любили. Воздали ему и воинские почести: начальник местного гарнизона возложил на гроб адмиральскую шпагу. Смерть художника стала страшным ударом для его молодой жены. Он открыл для нее огромный мир, наполнил ее жизнь любовью. Проводив его в последний путь, она дала обет — 25 лет не покидать родного их с Иваном Константиновичем дома, и ни разу его не нарушила.

Когда началась Великая Отечественная война, многие покинули Феодосию. Об Анне Айвазовской все забыли. Чтобы не умереть с голоду, она обменивала оставшиеся у нее украшения на хлеб и крупу. Когда немцев выбили из Крыма, ее забрал жить к себе в Симферополь художник Николай Самокиш.

Анна Айвазовская-Бурназян покинула сей бранный мир 25 июля 1944 года, в возрасте 88 лет. Похоронили ее рядом с мужем — в сквере армянской церкви Святого Саркиса, в которой их венчали.

Сегодня в доме Айвазовского — Национальная галерея его имени. Здесь хранятся, наряду с многочисленными маринами, и портреты его музы — верной и преданной красавицы Анны, подарившей ему настоящее счастье. Она и сегодня не покидает его дом... □

Майя Орлова

ВЕЧНОЕ ИЗУМЛЕНИЕ

ТАЛАНТОМ

Одна из самых колоритных женщин прошлого века, она всегда каким-то непостижимым образом оказывалась в глубокой тени своего изна-

до отмены крепостного права дал вольную своим крестьянам.

Семью, правда, он этим разорил, а сам за чрезмерное вольнодумство

О Наталье Петровне Кончаловской вспоминают всегда... когда речь заходит о семье Михалковых. Верная и заботливая жена знаменитого поэта, умная и строгая мать двух талантливых кинорежиссеров, прекрасная хозяйка, духовная опора семьи.

Все это соответствует действительности, но это — лишь небольшая часть того, что можно сказать о ней — поэте, писательнице, переводчице, члене Союза писателей.

Сибирская энергетика и европейская утонченность, дерзкое свободолюбие и пронесенная через все советские годы глубокая религиозность, творческая многогранность и умение вести и сохранять огромный дом — все это неразрывно переплелось в Наталье Кончаловской, которой в январе этого года исполнилось бы 110 лет

чально знаменитого мужа, а затем — не менее известных детей. В последнее время много пишут о дворянском происхождении Михалковых, но и Наталья Петровна была благородного происхождения. Более того, ее дед, Петр Кончаловский, еще

был сослан в Холмогоры, где, кстати, сделал первый русский перевод «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Он стал издателем, и однажды, издавая Лермонтова, буквально спас от голодной смерти тогда еще мало кому известного

Дед Натальи Петровны — Василий Иванович Суриков с внуками

художника Врубеля, заказав ему иллюстрации к «Демону».

Отец Натальи Петровны был художником, основателем знаменитого объединения художников «Бубновый валет». В 30-х годах ему предложили написать портрет Сталина, но Кончаловский нашел способ увернуться — мол, я реалист, по фотографиям портретов не пишу, пусть позирует. Естественно, позировать вождь не пожелал, правда, фамилию художника запомнил: когда Кончаловский написал портрет уже опального Мейерхольда, его не расстреляли, не посадили, «всего лишь» запретили устраивать персональные выставки.

Живя до революции в Париже вместе со своим тестем — великим русским художником Василием Суриковым, Петр Кончаловский с успехом и выставлялся, и продавался, и вполне мог бы не возвращаться в Россию. Но там оставалась его семья, бросить которую на произвол судьбы он не мог. Оставались и его друзья: в доме, где выросла Наталья Кончаловская, частыми гостями были яркие представители отечественной художественной элиты: С. Прокофьев, В. Софроницкий, А. Толстой, В. Иванов, И. Эренбург, С. Коненков, И. Грабарь, С. Эйзенштейн, И. Москвин, Б. Ливанов и многие другие выдающиеся современники.

Отец — Петр Петрович Кончаловский

Детство Натальи Кончаловской прошло в путешествиях, где она знакомилась с великими произведениями искусства, училась иностранным языкам. Наталья Петровна прекрасно владела французским, английским, испанским, итальянским.

Во время революции 1917 года семья Кончаловских жила в мастерской Петра Петровича на Садовом кольце у Триумфальной площади, в том же подъезде, где жил Булгаков. Здесь бывали Хлебников, Бурлюк. Сюда приходил и Маяковский в своей желтой блузе, с морковкой, торчавшей вместо платка из кармана. Было много трудностей — голод, холод, отсутствие света, отопления, выдача продуктов по карточкам.

Однако, как вспоминает Наталья Петровна, несмотря на сложные бытовые условия, театры и концертные залы были переполнены, страна жила в радостном творческом подъеме.

С самого раннего детства она дышала воздухом искусства, впитывала в себя то, что называется Русской Культурой. Сама Наталья дружила с Федором и Ириной Шаляпинными, детьми великого певца, а по соседству с Кончаловскими жил молодой Рихтер, который однажды играл так вдохновенно, что сломал педаль рояля. Петр Петрович разворчался — мол, у вас, молодой человек, нет чувства меры, а в искусстве это главное.

Даже гимназия Потоцкой, где училась Наталья Кончаловская, находилась в том же доме, где была квартира Рахманинова. Ученицы, сидя на лестнице, часами слушали, как он играет.

Юность была наполнена музыкой, живописью, беседами о литературе, легким флиртом и более серьезными романами. Влюблялись в Кончаловскую часто. Один из ее поклонников, поэт Павел Васильев, написал (и опубликовал!) более чем откровенное посвящение Наталье Кончаловской:

*«Я люблю телесный твой
избыток,
От бровей широких и сердитых.
До ступни, до ногтей люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою».*

Васильев получил от Кончаловской публичный нагоняй, спьяну дал ей пощечину, был в буквальном смысле побит камнями всеми присутствовавшими мужчинами и потом всю ночь до утра стоял около ее дверей на коленях, моля о прощении.

О своей юности Кончаловская вспоминала так:

«В отличие от сверстниц, я не готовилась ни к какой специальности и не подавала никаких надежд, хотя с младенчества обладала отличным слухом, с большой легкостью плела стихи... В домашнем хозяйстве я была расторопна: шить, кроить, вязать, стирать и стряпать я была приучена матерью с детства, воспитанная с детства в строгой дисциплине,

я глубоко выросла в жизнь семьи, для которой духовная культура, искусство, постоянный труд были основой существования».

А в 24 года Наталья... убежала в Америку — через Владивосток и Японию — с чужим мужем, Алексеем Богдановым, коммерсантом и великолепно образованным человеком, обещавшим ей, что сделает блистательную карьеру пианиста.

Богданов получил развод, женился на Кончаловской, добрался с ней до Америки и неудачно дебютировал там как пианист. Постепенно чувства стали угасать, пока Наталья Петровна окончательно его не разлюбила. Она так и не узнала, что на самом деле Богданов был разведчиком, и что брак с «космополиткой» был ему не просто разрешен, а официально рекомендован: Кончаловская, по мнению начальства, была идеальной «крышей», к тому же, его «дебюты» вне сцены оказались куда более удачными.

От этого союза, быстро расторгнутого официально, осталась дочь Екатерина, вместе с которой Кончаловская вернулась в Россию. А Богданов был арестован и расстрелян в 1937 году, что вполне типично для того времени. Нетипичным было то, что не тронули Кончаловскую. Не то, что не тронули — на допрос ни разу не вызвали. Впрочем, за год до этого она снова вышла замуж, а ее второй муж был признанным любимчиком у власти.

Вторым браком Наталья Петровна сочеталась с Сергеем Михалковым, который был на десять лет младше ее. Она поначалу не воспринимала серьезно ухаживаний начинающего поэта, который разъезжал по Москве на велосипеде и ничем не напоминал маститых и вальяжных друзей дома Кончаловских. Но от судьбы не уйдешь...

Мать Натальи, Ольга Васильевна, не слишком благоволила к «несерьезному» жениху. Зато Петр Петрович Кончаловский Михалкова сразу приветил, и, в конце концов, Наталья сдалась. Сергей Михалков впоследствии так вспоминал об их бракосочетании:

«Перед тем как отправиться в ЗАГС, мы зашли в забегаловку, выпили водки, а после регистрации купили четверть белого свирского вина и пошли отмечать событие к нашему другу...»

Сергей Владимирович, несмотря на молодость, был состоявшейся личностью с твердым характером, поэтому сидеть денно и ночью подле супруги, держа ее за руку, не собирался. Надо отдать Наталье Петровне должное — интересы мужа она всегда ставила выше собственных и закрывала глаза на многое ради семьи. Может быть, поэтому этот брак и продержался 52 года.

Так появилась династия Михалковых-Кончаловских.

Поэт-долгожитель, написавший слова трех державных гимнов (1943, 1977, 2001) одной страны — явле-

Мать — Ольга Васильевна Кончаловская с маленькой Натальей

ние феноменальное, достойное упоминания в книге рекордов Гиннеса.

Имя Михалкова не сходило со страниц центральной прессы с 1933 года, когда ему по счастливой случайности удалось пристроить свое лирическое стихотворение «Колыбельная» в «Известия». Стихотворение, в общем-то, ничем не выделялось из ряда многих и многих других:

*«Ты не спишь, подушка смята,
Одеяло на весу...
Носит ветер запах мяты,
Звезды падают в росу.
На березах спят синицы,*

Наталья Петровна Кончаловская в детстве и в юности

*А во ржи перепела...
Почему тебе не спится?
Ты же сонная легла!»*

Но вмешался Его Величество Случай. Вот как рассказывал об этом сам Михалков:

«...Мне нравилась одна высокая, статная девушка с большой русой косой за плечами.

— Хочешь, я посвящу тебе стихи и опубликую их завтра в «Известиях»? — обратился я к ней, зная заранее, что стихи мои уже стоят на полосе очередного номера газеты.

— Попробуй! — улыбнулась моя избранница.

Я поспешил в редакцию, успел заменить название стихотворения и вставил имя девушки в текст стихов. Наутро в "Известиях" вместо "Колыбельной" появилось мое стихотворение «Светлана».

Надо признаться, что моя попытка снискать благосклонность моей избранницы так и не удалась. Но стихи привлекли внимание другого человека, от которого зависела жизнь и смерть миллионов советских людей. Меня пригласили в Центральный комитет партии. Принимал меня ответственный работник ЦК — Сергей Динамов.

— Ваши стихи понравились товарищу Сталину! — сказал он мне после небольшой паузы, внимательно разглядывая сидящего перед ним молодого автора. — Товарищ Сталин поинтересовался условиями вашей жизни. Не надо ли чем помочь?

Дочь Сталина звали Светланой. Мог ли я предполагать такое совпадение?»

После этого стихи Михалкова стали появляться в «Огоньке», «Комсомольской правде», «Вечерней Москве» и даже в «Правде»... Он семимильными шагами приближался к знаковому этапу своего творчества — окрыленный успехом, рискнул сочинить целую поэму для детей. Так родился «Дядя Степа». Первая публикация состоялась в №7 журнала «Пионер» за 1935 год. С тех пор

*Наталья
Петровна
Кончаловская
с дочерью
Екатериной
и сыном Андреем*

тиражи изданий «Дяди Степы» давно перевалили за двадцать миллионов экземпляров.

В 1936 году Сергей Михалков женился на Наталье Кончаловской и удочерил ее дочь Катю.

Сергей Владимирович с огромной благодарностью и уважением вспоминал о своей первой жене, и этот портрет, увиденный глазами любящего человека, очень много дает для понимания образа Натальи Петровны:

«Наталья Кончаловская уже при взгляде на нее поражала воображение — она была мила и очень обаятельна. Все яркое, талантливое, совершенное моя Наташа принимала близко к сердцу.

Что нас всегда сближало, не считая увлечения поэзией, искусством, готовности работать, действовать? Думаю, что чувство юмора. Ни она, ни я не отдавали предпочтения суровости, угрюмости, старались по мере сил видеть в жизни хорошее, а то и забавное. Еще отмечу особо мудрость моей жены и еще поклонюсь ей за это. Чего скрывать, за долгую-долгую нашу совместную жизнь у нас случалось всякое. И ссоры, и размолвки, и пререкания по разным поводам...

Все проходило, но для меня одно оставалось неизменным — чувство глубокого уважения к жене, вечное изумление перед ее талантами и энергией».

Вскоре в семье Михалковых родился сын Андрон, а еще через десять лет — Никита. Ей было тогда

уже за сорок — своего третьего ребенка она буквально вымаливала у иконы Взыскания Погибших в церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке, иконы, которая сохранилась, даже когда церковь горела.

В воспитании детей Наталья Петровна следовала духовной традиции своей семьи: она была глубоко верующим человеком и никогда этого не стеснялась. Дети ходили в церковь, учили молитвы, причащались, исповедовались. Она уважала все, что было сделано своими руками, поэтому обвязывала всех, шила одежду — вплоть до пальто. Сама выпекала хлеб, привозила из-за границы всякие диковинные приспособления для кухни и сада, в доме имелись специальные шприцы для приготовления пирожных, много было собственных рецептов, а о «кончаловке» (водка, настоянная на смородине) ее приготовления и по сей день ходят легенды.

Под «кончаловку» было написано немало сценариев, превратившихся в нашу киноклассику, и ни один Михалков не избежал искушения залезть в закрома и нацедить, втихаря от Натальи Петровны, чудоводки для своих посиделок.

С семи утра в кабинете Натальи Петровны уже стучала пишущая машинка — она работала. Впервые она напечаталась в 1938 году. Начала с переводов Шелли, Браунинга, Вордсворта. Переводила поэзию с английского, французского, украинского, иврита. Ею были переведены стихи многих кабардинских,

балкарских поэтов. Но самый ее крупный перевод — поэма «Мирей» провансальского поэта XIX века Мистрала.

Писала русские тексты к операм Верди, Дебюсси, Массне, Моцарта, Обера.

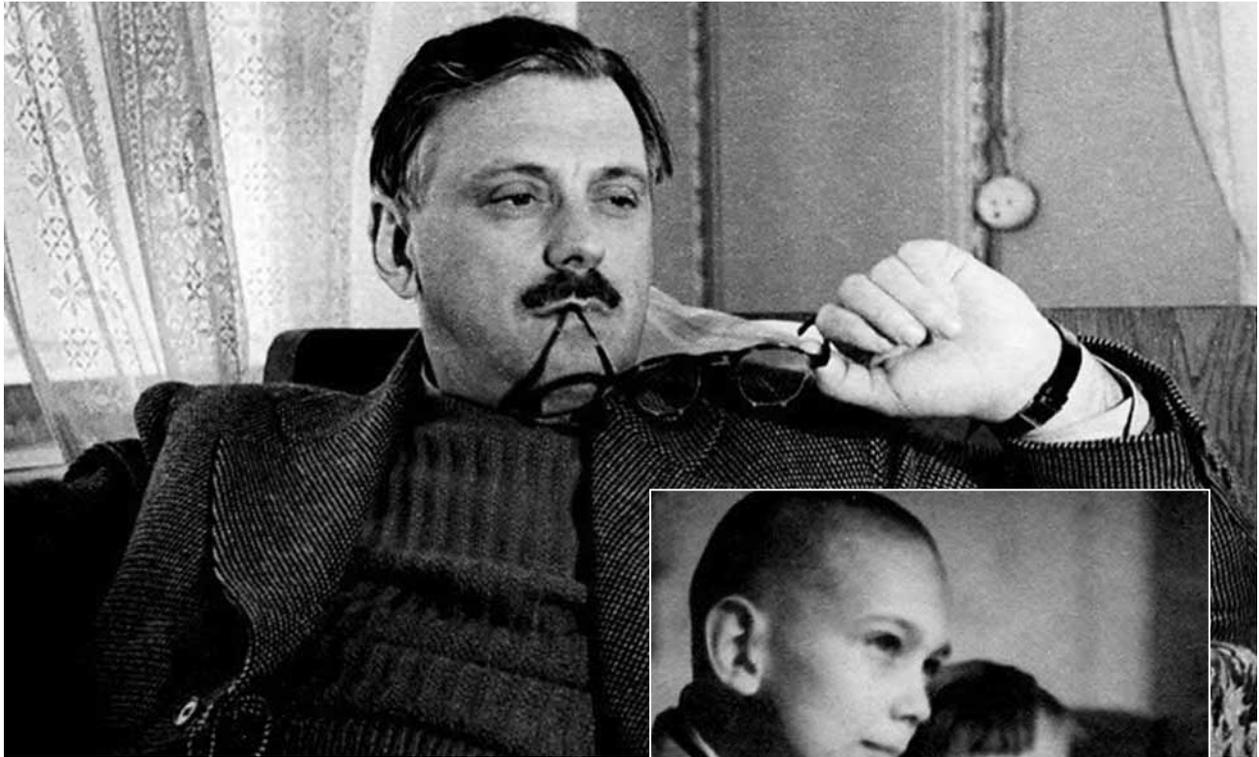
Когда ее избрали членом приемной комиссии Союза писателей, ей пришлось перечитать уйму чужих поэм и стихотворений — и к этой работе она относилась очень серьезно, отдавая ей массу времени и сил.

Она также писала тексты песен для фильмов своих детей, например, всем известная «Где же ты,

мечта...», положенная на музыку Эдуарда Артемьева из картины «Раба любви».

Переводила песни Эдит Пиаф, которой посвятила книгу «Песня, собранная в кулак» и выпустила две пластинки «Поет Эдит Пиаф. Рассказывает Наталья Кончаловская».

Наталья Петровна много ездила по стране с музыкально-литературными концертами-импровизациями, сборы от которых шли в Фонд мира. Посетив мемориал Хатыни, она за несколько дней написала поэму «Хатынская поляна», которую композитор Эмиль Олах поло-

*Сергей Владимирович Михалков —
второй супруг Натальи Петровны*

жил на музыку. Так вышла пластинка с записью поэмы в исполнении автора. За эту работу Кончаловская была удостоена золотой медали «Борцу за мир» Комитета защиты мира.

Она отдала дань и своим дедам в книгах «Сын земли сибирской» (о Сурикове) и «Дар бесценный» (о Сурикове и Кончаловских). Одно из важнейших творческих устремлений писательницы — работа, связанная с пропагандой творчества В.И. Сурикова. Наталья Петровна, наверное, лучший биограф Василия Ивановича. Особенность и уникальность ее работ состоит в том, что она — единственный близкий человек, знавший Василия Ивановича в бытовой, семейной обстановке.

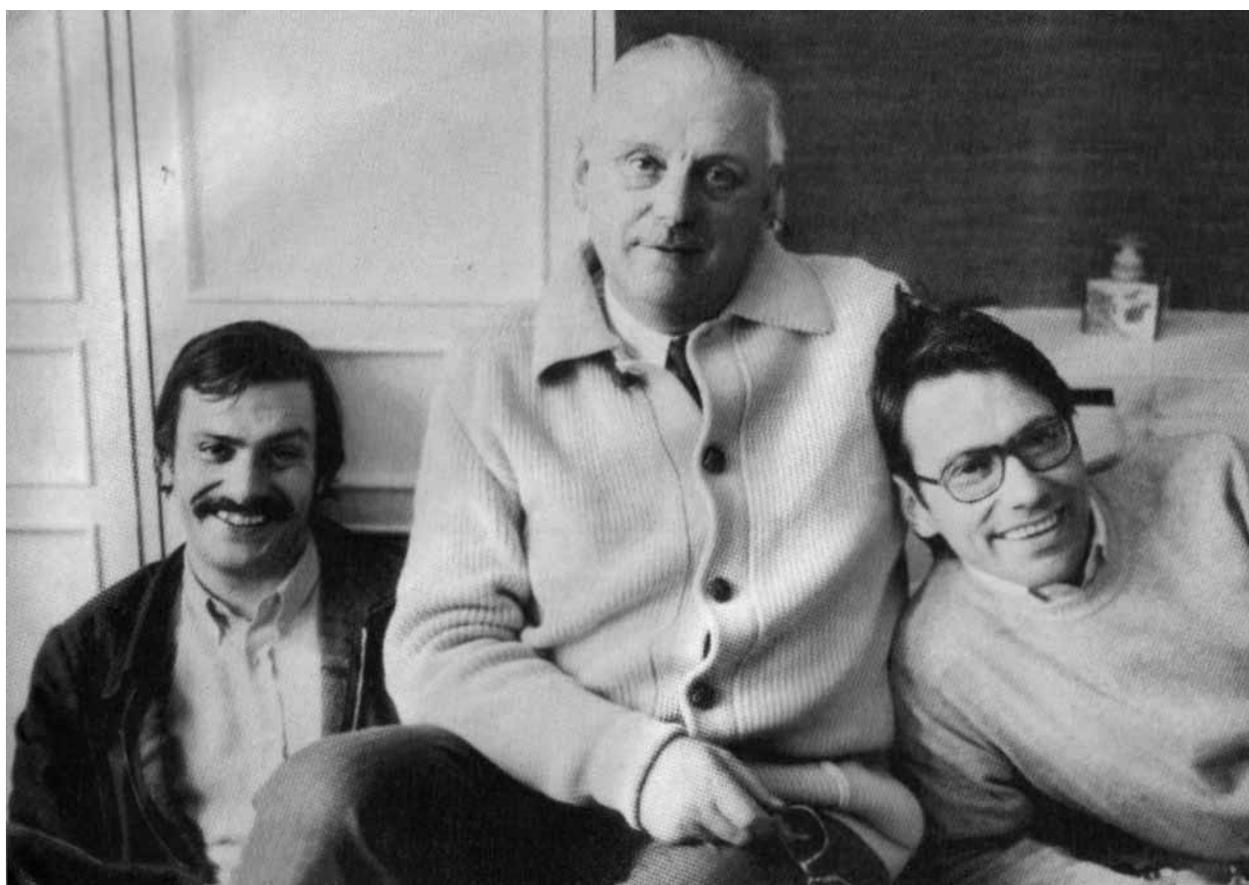

Сыновья Андрей и Никита

Наташа была любимой внучкой деда. Вместе со своими родителями она еще в детстве ездила на родину Василия Ивановича — в Сибирь, и навсегда полюбила эти места. Поэтому не случайно, что в создании музея-усадьбы В.И. Сурикова Наталья Петровна принимала самое активное участие. Благодаря ей и брату, Михаилу Петровичу, усадьба приняла тот вид, который был при деде. Большая часть фонда музея —

*Наталья Петровна и Сергей Владимирович
с сыновьями Андреем и Никитой*

произведения художника, его вещи, фотографии, документы — получена от семьи Кончаловских.

Особое признание пришло к писательнице после выхода в свет книги «Наша древняя столица», над которой она трудилась на протяжении пятнадцати лет.

Помните хотя бы несколько строчек из этой замечательной поэмы?

*«Москва-река, тебе хвала!
В веках ты видела немало.
Когда б ты говорить могла,
Ты многое бы рассказала.
Ты б рассказала нам о том,
Как люди начали селиться,
За тыном — тын, за домом —
дом —*

*Росло на берегу твоём
Начало будущей столицы.
Ты отражала в глади вод
Тот первый Кремль и город новый,
Что строил русский наш народ
Под первую стеной сосновой...
Вот этот первый городок
На перекрестке всех дорог...»*

По этой поэме Андрей Кончаловский поставил театрализованное торжество на Красной площади, посвященное 850-летию Москвы.

А по стихотворной «Нотной азбуке» Натальи Кончаловской до сих пор учат музыке детей:

*«Если нота белая, это нота
целая.*

*Разделим ноту целую
на половинки белые,
палочкой отметив,
чтоб с той не спутать этих.
В каждой ноте-половинке
по две черных четвертинки...»*

Она вообще особенно ярко заявила о себе в поэзии для детей. Ее стихи собраны в книжках «Огород наоборот», «Близнецы», «Что случилось?», «Сосчитай-ка!» и уже упоминавшаяся «Нотная азбука». Кроме того, выходили ее книжки-ширмы, книжки-игрушки, в том числе книга-путешествие по современному Китаю «Чжунго, Нинь Хао!», написанная совместно с Юлианом Семеновым.

Ничего странного в этом соавторстве не было: старшая дочь Екатерина в 1955 году вышла замуж по большой взаимной любви за преподавателя афганского языка, начинающего, никому не известного журналиста Юлиана Ляндреса. В 1960 году он стал членом Союза писателей СССР под именем Юлиана Семенова.

Унаследовав от матери незаурядные литературные способности, Екатерина Семенова много помогала мужу в работе над текстами его произведений. Как правило, он сам просил ее об этом, безоговорочно доверяя вкусу и чувству слова супруги.

Тем не менее, Екатерина Сергеевна — единственный человек из клана Михалковых-Кончаловских, который почти не известен широкой публике.

Последние двадцать лет Наталья Петровна жила на своей даче на Николиной Горе, в Москву приезжала только по необходимости. Она старела легко и красиво, до последних дней не позволяла себе плохо выглядеть, — всегда аккуратно причесана, со вкусом одета. В эти годы была написана биогра-

фическая книга-мемуары «Кладовая памяти».

И даже в последние дни жизни — она находилась в больнице, в реанимации — Кончаловская осталась верна себе... Господь послал ей не смерть, а скорее уход. Она прожила счастливую, страстную, наполненную жизнь, она устала и уходила — спокойно, достойно.

12 октября 1988 года Натальи Петровны Кончаловской не стало.

Патриарх Пимен, хорошо знавший ее, совершил отпевание в Свято-Даниловом монастыре, прихожанкой которого она была. Огром-

ный Троицкий собор был переполнен. Здесь присутствовали все Михалковы: муж, сыновья, дочь, внуки. Потом — панихида на Новодевичьем кладбище, рядом с могилой отца Натальи Петровны, художника Петра Кончаловского, и матери — Ольги Васильевны.

Так много сделано, так много талантливых произведений написано и опубликовано! И, к сожалению, так быстро забыто... Хотя эта женщина достойна того, чтобы о ней помнили, и не только дети, внуки и правнуки... Поправьте меня, если я ошибаюсь. □

Александр Аннин

Загадка
утраченной

СВЯТЫНИ

4 ноября — день Казанской иконы Божией Матери

В 1904 году в Казани совершилось самое дерзкое антицерковное злодеяние: из Благовещенского собора Богородицкого женского монастыря похитили величайшую святыню земли Русской — Казанскую икону Божией Матери. Произошло это (как говорят верующие, «по Божьему поущению да бесовскому наущению») в ночь на Петров день, перед празднованием 325 лет со дня чудесного явления образа Божией Матери в городе Казани. Великое торжество, на которое собирались десятки тысяч верующих, было отменено властями.

Испокон веков считалось, что если Смоленская икона защищает Святую Русь от Запада, то Казанская — от Востока. И, как известно, сразу же после ее исчезновения начались тяжелые поражения русской армии и флота в войне с Японией... Мистические прогнозы о «последних временах» будоражили и угнетали русское общество. Приближался страшный для России 1905 год, а за ним...

Икона «Божией Матери Казанская». На нижнем поле иконы с лицевой стороны сделаны две надписи. Первая гласит: «Сей пречистый образ поновлял Михаил Малютин». Вторая: «а сего 1754 года — паки сей святой образ поновляла госпожа баронесса Прасковья Ивановна Строганова».

Надписи воспроизводят аналогичные с подлинника иконы Казанской Богоматери. Зафиксированная икона-список, копирующая чудотворный подлинник после его поновления. Надпись на обороте гласит: «Сия Икона Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы (именуемой Казанскою) подлинная копия съ Иконы, находящейся въ Казанскомъ Соборе. По окроплении ея святою водою на престоле Церкви Московского Митрополита и по изнесении Ея среди Храма, освящена молебнымъ пениемъ самимъ Высокопреосвященнейшимъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ Августа 3 дня 1855 года, для отправления в городъ Севастополь храбрымъ воинамъ Российскимъ».

Так чего же лишилась православная Русь в ту роковую ночь перед праздником Петра и Павла? История Казанского образа Пресвятой Богородицы уходит своими корнями в эпоху царствования Иоанна Грозного. Предание гласит, что в те годы в сотне верст от Казани ютился мужской скит (небольшой и донельзя строгий монастырь). Среди иноков был и некий отрок, который обладал великим

даром написания икон и фресок. Увы, случаи, когда учителя тяжело завидовали своим более талантливым ученикам, бывали во все времена, даже в монашеской среде: юному богомазу строжайше запретили создавать святые образа.

Однако, согласно легенде, инок нарушил зарок и тайно написал небольшую икону Божией Матери — лучшее, что он сотворил за свою

короткую жизнь. Чтобы избежать наказания (а за ослушание грозили ему сырым подвалом в скиту, да пожизненно!), юноша под каким-то предлогом отправился в Казань, обернув икону в пропитанную воском материю. На пустыре близ казанской церкви святого Николы он и закопал сей образ... А через годы здесь построил дом отставной стрелец, где и поселился «со чадами и домочадцами». Инок же, чье имя нам предание не оставило, по возвращении в скит был-таки посажен до самой смерти в подвал — хоть и с запозданием, но донесли настоятелю, что по ночам отрок усердно трудился над какой-то иконой... Стало быть, нарушил запрет!

А дальше? Дальше — уже не легенда, а события исторические. В самом начале лета 1579 года разразился в Казани истребительный пожар, сгорел и дом стрельца. Жили по знакомым, горе мыкали... Воин-ветеран вскоре умер. А в июле того же года десятилетней дочке покойного стрельца Матроне во сне трижды являлась Пречистая Дева Мария и повелевала откопать на месте их сгоревшего дома Свою икону. 8 (21) июля 1579-го Матрона вместе с матерью пошла на пепелище, где ими и был обретен небольшой по размеру, неповрежденный огнем образ Богородицы. Священник ближайшего храма объявил крестный ход и перенес икону в свою церковь.

То был скромный 50-летний отец Николай, тоже отставной стрелец,

будущий Патриарх Московский и всея Руси — святитель Гермоген, который возглавит в Смутное время общенародную борьбу с поляками-захватчиками. Так с самого начала переплелись судьбы России и чудотворного Казанского образа...

От явленной православному люду иконы стали происходить невиданные чудеса: как говорится в летописи, приложившись к ней, исцелялись безнадежно больные. Копию (список) образа отправили Иоанну Грозному, и царь повелел строить по всей Руси храмы в честь Казанской иконы Божией Матери. На месте явления образа в несколько лет возвели женский Богородицкий монастырь, где и приняли постриг Матрона и ее мать-вдова. Уже в юном возрасте Матрона стала первой настоятельницей новопостроенного монастыря.

В 1612 году, в Смутное время, список чудотворного образа приносили из Казани в Москву (через Ярославль) вместе с казанским ополчением в стан князя Дмитрия Пожарского — по распоряжению патриарха Гермогена (в том же году принявшего в Кремле мученическую смерть от иноземных захватчиков и причисленного впоследствии к лику святых). Старец-патриарх умер от голода в подземелье, когда ополченцы с Казанской иконой впереди и во главе с Пожарским уже обложили Кремль. 22 октября 1612 года этот список находился у Дмитрия Пожарского во время последнего сражения с поляками. Князь, как известно,

одержал верх, и спустя год царь Михаил Федорович объявил Казанскую икону Богородицы покровительницей Дома Романовых, повелев чувствовать чудотворный образ дважды — 8 (21) июля, в день его обретения девочкой Матроной, и 22 октября (4 ноября по н. ст.), в день победы русского оружия над польскими интервентами. Ныне этот второй праздник — «осенняя Казанская» — объявлен Днем национального примирения.

Однако мистика мистикой, а криминалистика — криминалистикой.

Из материалов утреннего осмотра места происшествия местной полицией: «В ночь на 29 июня 1904 года в Богородицком монастыре Казани было совершено дерзкое и неслыханное святотатство: из Благовещенского собора пропала явленная в 1579 году Казанская чудотворная икона Божией Матери и чудотворная икона Спаса Неукротимого, обе в драгоценных золотых ризах, украшенных жемчугом, бриллиантами и камнями. Стоимость риз оценивалась не менее чем в 100 тысяч золотых рублей. Не доставало также 365 рублей из свечного ящика».

Обе иконы помещались в ковчегах главного иконостаса. На иконе Божией Матери было две ризы: первая, червонного золота, богато украшенная бриллиантами и другими драгоценными камнями, являлась даром царя Иоанна Грозного. А в 1767 году Екатерина II во время визита в Ка-

зань укрепила над головой Богородицы бриллиантовую корону. С тех пор местные купцы затеяли нечто вроде соревнования по украшению иконы. Так появилась вторая риза — с обилием жемчугов и яхонтов.

Из первых показаний монахинь выяснилось следующее. Момент для кражи преступники выбрали очень подходящий. С 25 по 28 июня в монастыре находилась принесенная в город для поклонения Смоленская икона Божией Матери. (Восток сошелся с Западом!) Каждый день совершались длительные праздничные богослужения.

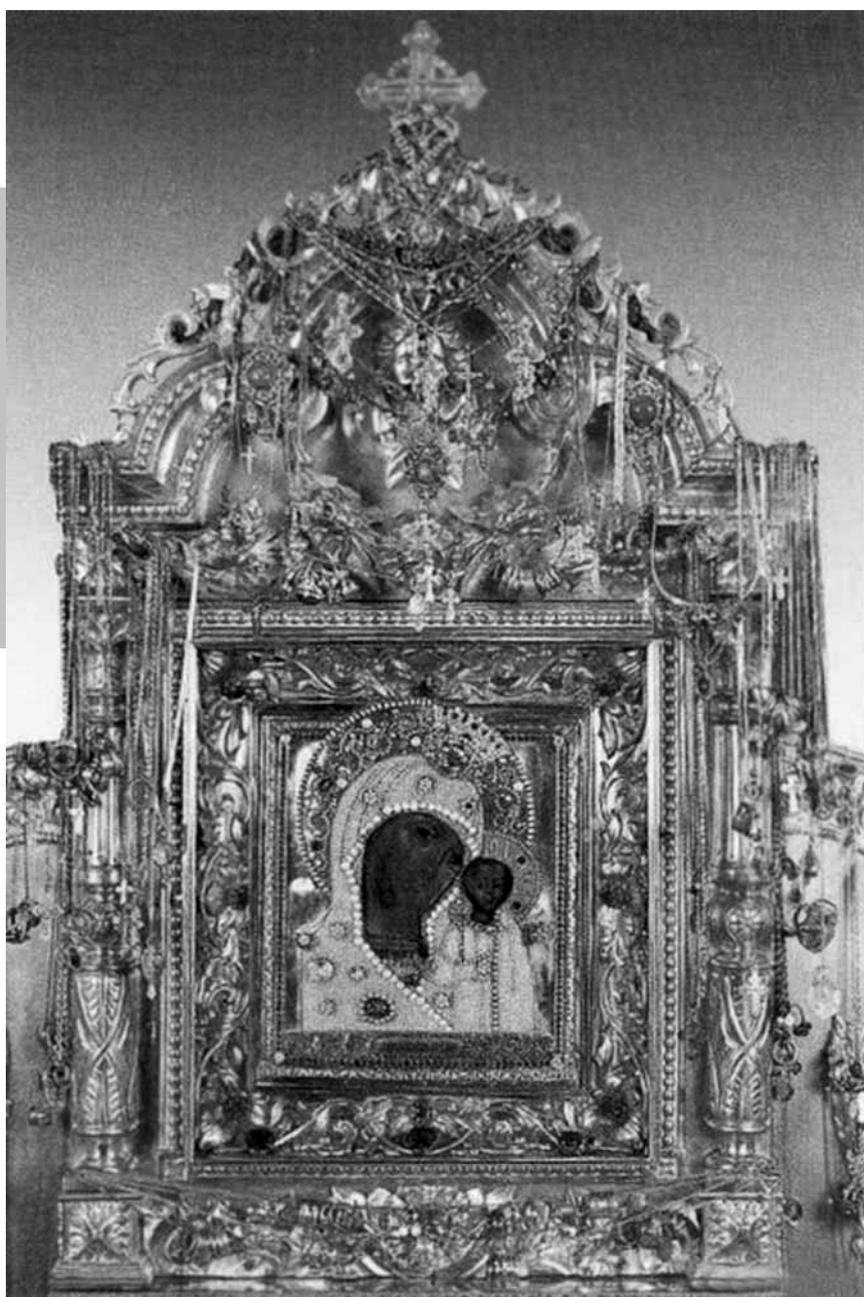
28 июня, накануне дня Петра и Павла, Смоленская икона покинула Богородицкий монастырь. После всеобщей насельницы обители (монахини, послушницы и трудницы), страшно утомленные, отошли ко сну. В начале третьего по полуночи послушница Татьяна Кривошеева, выйдя во двор, услышала приглушенные крики: «Караул!», доносящиеся со стороны колокольни. Татьяна разбудила нескольких работников, спящих на сеновале, и двух послушниц. Кричал, как оказалось, сторож монастыря Федор Захаров. Вскоре он был обнаружен запертым в подвале собора и освобожден. А при осмотре полицией собора было обнаружено исчезновение чудотворного Казанского образа Божией Матери и иконы Спасителя.

Страшное злодеяние привело верующих людей в неопишное горе и ужас. С сердечной скорбью и со

слезами на глазах приходили православные жители в монастырь, из которого была украдена святыня, так прославившая обитель...

Город день ото дня наполнялся самыми невероятными слухами. От государя императора на имя казанского губернатора (тайного советника Петра Алексеевича Полторацкого) якобы была получена телеграмма, в кото-

рой предписывалось, во что бы то ни стало, разыскать как виновных, так и все похищенное из монастыря, с предупреждением, что в противном случае чины полиции будут уволены от занимаемых должностей. Из Москвы примчался легендарный детектив того времени граф Николай Соколов (в 1918 году именно он по заданию Колчака будет расследовать обстоятельства гибели царской семьи).

Среди церковнослужителей и монахинь распространилось мнение, что похищение было осуществлено при содействии уволенного из монастыря бывшего дьякона Григория Рождественского и монастырского караульщика Федора Захарова, которому обещано было преступниками 100 рублей, другие же утверждали, что это дело рук секты поморцев. Многие считали, что настоятельница обители монахиня Маргарита нерадиво относится к своим обязанностям, и монастырь плохо охраняется.

хиней Варварой, которая длительное время заведовала золотошвейной мастерской монастыря, за предметы, снятые с похищенной иконы Божией Матери.

Допрошенный на следствии (пока еще в качестве свидетеля) монастырский сторож Федор Захаров утверждал, что в час ночи на Петров день (29 июня по старому стилю) он пошел с монастырского двора в сторожку, но, подходя к колокольне, услышал шорохи у двери собора. Едва он успел вскрикнуть, как был окружен вооруженными

Список Казанской иконы Божией Матери. Москва, Богоявленский кафедральный собор.

Список с чудотворной Казанской иконы Божией Матери, находившийся в русском ополчении, перед которым в 1612 году молились патриоты Минин и Пожарский, был поставлен в 1636 году в Московском Казанском соборе. Сейчас этот святой образ находится в Богоявленском Патриаршем соборе. Известны также в Москве чтимые списки Казанской иконы Божией Матери: в Кремлевском Вознесенском монастыре (1701), в Симоновом монастыре (XIX), в Высоко-Петровском монастыре (1849), в Христорождественской церкви на Поварской улице, в церкви Казанской Божией Матери у Калужских ворот и в Введенском храме.

В Казань согнали лучших сыщиков России, стянули огромные силы полиции и жандармерии. К чести полиции, она достаточно быстро вышла на след грабителей.

Полицейская хроника тех дней подробно описывает все детали.

При осмотре примыкающего к монастырю сада в кустах акации были найдены «два кусочка шелковой ленты, десять жемчужин и металлический брелок», признанные священником Нефедьевым и мона-

револьвером и ножами мужчинами. Преступники столкнули его в подвал и закрыли дверь. Спустя некоторое время через отдушину сторож увидел проходившую к игуменскому корпусу послушницу Татьяну и только тогда решился закричать.

В полиции о Захарове получили отзыв как о пустом человеке и пьянице. Даже из монастыря как-то раз его выгнали за «употребление», но затем вновь взяли. Из жалости, мол. Поручить охрану такому человеку

было очевидной беспечностью, а при тогдашних событиях — необъяснимой: ведь, как уже говорилось, в соборе Богородицкого монастыря, помимо Казанской, «гостила» Смоленская икона Божией Матери!

В общем, первоначальные розыски не дали четких указаний на лиц, свершивших святотатство. Но смотритель Александровского ремесленного училища Владимир Вольман помаялся-помаялся... да и пошел в полицию. Он заявил: золотых дел мастер Николай Максимов заказал в мастерской Александровского училища усиленные щипцы — «разжим для растяжения», и предположил, что этими щипцами можно было взломать замки при совершении кражи из монастыря. А для растяжки золотых колец (так, мол, Максимов объяснил свой заказ) щипцы эти вовсе непригодны... В тот же день ювелира Максимова доставили в полицию. Поначалу он отрицал факт заказа щипцов, но, уличенный Вольманом и его помощником Андреевым, сознался. Сказал, что сделал это по поручению своего давнего клиента Федора Чайкина, который пригрозил Максиму смертью, если он его выдаст.

В ночь с 3 на 4 июля в квартире, которую снимал Чайкин, казанским полицмейстером П. Панфиловым был произведен обыск, но ничего из похищенного не нашли. Сам же Чайкин за несколько часов до обыска вместе с сожительницей Прасковьей Кучеровой покинул город, уплыв вверх по Волге на пароходе

«Ниагара» в сторону Нижнего Новгорода, где вскоре они и были арестованы. На первом своем допросе Чайкин вел себя грубо и вызывающе. На вопрос о личности ответил: «Не знаю, фамилий у меня много — всех не припомню». На вопрос, какой придерживается веры, бросил презрительно: «Какой хотите».

В то же время граф Николай Соколов выяснил, что ювелир Максимов второго июля занимался продажей жемчуга, очень похожего на украденный с ризы. Это заставило произвести повторный, более тщательный (аж четырехдневный!) обыск в квартире подозреваемого Чайкина. В результате долгих и упорных поисков «удалось обнаружить спрятанные на кухне, на поду русской печи и в других местах 205 зерен жемчуга, 26 обломков серебряных украшений с камнями, 72 золотых и 63 серебряных обрезков от ризы, пластинку с надписью «Спас Нерукотворный» (в народе икону именовали Спас Нукротимый — *Авт.*). При осмотре преддиванного стола, стоявшего в зале, было замечено отверстие, выдолбленное в одной из его ножек, где оказалось 6 ниток жемчуга, 246 жемчужин, 439 разноцветных камней, несколько серебряных гаек и обломков украшений и проволока; в чулане заднего крыльца квартиры найдены еще 3 жемчужины и серебряная проволока, в железной печи — 17 петель, 4 обгорелые жемчужины, кусочки слюды, 2 гвоздика, загрузочка с позолотой и обгорелые доски...»

**Казанская (Вышенская)
чудотворная икона
Божией Матери**

Нашли далеко не все. Спрашивали у Чайкина: «Где недостающее?» «Ищите, — отвечал святотатец. — А может, я еще и сам найду. Не все же мне быть на каторге».

Кроме того, в квартире Чайкина были найдены плавильная лампа, роговые весы и черновик телеграммы следующего содержания: «Город Обоянь, Долженская волость, Ананий Комов, выезжай немедленно в Казань. Федор».

Комова разыскали в Курской губернии и арестовали. Это был известный карточный шулер и вор-карманник.

С 25 по 29 ноября 1904 года в Казанском окружном суде состоялось слушание дела о похищении церковных ценностей из Благовещенского собора женского Богородицкого монастыря. Было определено проводить заседания суда с 10 до 24 часов (!).

Из судебного отчета: «По материалам следствия были допрошены и привлечены к ответственности шесть человек: крестьянин села Жеребца Жеребцовской волости Александровского уезда, Екатеринославской губернии, профессиональный похититель икон Варфоломей Андреевич Стоян, он же Федор Иванович Чай-

Казанская
икона
Божией
Матери,
ок. 1870.

кин, 28 лет; крестьянин села Долженкова Долженковской волости Обоянского уезда Курской губернии, карманный вор Ананий Тарасович Комов, 30 лет; мещанин г. Казани, монастырский караульщик Федор Захаров, 69 лет; запасной младший унтер-офицер из казанских цеховых, ювелир Николай Семенович Максимов, 31 года; мещанка г. Мариуполя Екатеринославской губернии, сожительница Стояна-Чайкина Прасковья Константиновна Кучеро-

ва, 25 лет; мещанка г. Ногайска Таврической губернии Елена Ивановна Шиллинг, 49 лет». Обе женщины обвинялись только в сокрытии преступления.

В ходе судебного процесса виновность Стояна-Чайкина и Комова в похищении ценностей из собора была признана доказанной. Вместе с тем, присяжные не нашли веских аргументов в пользу участия в преступлении ювелира Максимова. Суд признал его виновным лишь в укрывательстве и

сбыте краденого. Присяжные сочли неубедительными данные в пользу виновности церковного сторожа Захарова. Это явилось следствием блестящей речи его адвоката Лаврского, а также благодаря заслугам Захарова в Крымскую войну.

Кто же такой на самом деле Федор Чайкин, организатор и руководитель святотатства, чье имя гремело на всю империю?

У Варфоломея Стояна было несколько паспортов на различные фамилии, в том числе и на Федора Чайкина, по которому он и проживал в Казани. Поэтому судебный процесс, по определению газетчиков, остался в истории как «Дело Чайкина». Это был не только профессиональный похититель икон, но, несмотря на свои молодые годы, и закоренелый бандит (на допросах уточнял, что он, дескать, не бандит, а социал-демократ, и кражу совершил из идеологических, антирелигиозных побуждений).

На суде преступники юлили, переваливали вину друг на друга, нарочито путались в показаниях. Но... И Стоян-Чайкин, и другие обвиняемые, то ли из страха перед Божией карой, то ли по каким-то иным соображениям, упорно хранили молчание о самих иконах. Они не подтвердили свои прежние показания о сожжении образов Спаса и Богородицы Казанской.

«Спрошенная как при дознании, так и на следствии, проживавшая в одной квартире с Кучеровой дочь ее

Евгения (ей в ту пору было 9 лет) показала: накануне Петрова дня, поздно вечером, Чайкин ушел из дома вместе с Ананием Комовым, приехавшим за несколько дней перед тем в Казань, причем каждый из них взял с собою шпалеру (револьвер); а после того, проснувшись на рассвете, она увидела, что Чайкин рубит «секачом» (большим ножом) икону Спасителя, а Комов топором — икону Казанской Божией Матери. Разрубленные иконы были положены в железную печь, после чего бабушка (Елена Шиллинг) зажгла иконы... она видела, как Чайкин и Комов резали похищенные золотые ризы ножницами, а мать ее срезала жемчуг...»

Девочка также рассказала, что за несколько дней до этого они вместе с Комовым ходили в город, где повстречали сторожа монастыря Захарова и по-дружески поздоровались с ним.

Сам Чайкин, чтобы перевалить вину на Максимова, свидетельствовал, «что вечером 28 июня он был дома, лег спать часов в 8-9 и ночью никуда не ходил; на второй или третий день после Петрова дня он купил за 750 рублей у Максимова, пришедшего к нему на квартиру, две ризы с икон Спасителя и Казанской Божией Матери, зная, что они похищены в Казанском монастыре. Ризы были куплены изрезанными, и он скрыл их в печи, а камни и жемчуг спрятал в ножку стола...»

Максимов же утверждал: «После кражи из монастыря Чайкин на мои

вопросы о судьбе икон сказал: «Я порубил, побросал в печку, мать (тещу) заставил сжечь; она жгла и плакала — мамаша у нас плаксивая». Как показало следствие, тогда же Максимов по просьбе Чайкина продемонстрировал, как расплавляется золото, и получил от него жемчуг, который Максимов и продал 2 июля.

В железной печи на квартире Чайкина были найдены не только обгорелые жемчужины, кусочки слюды, гвоздики и петельки с риз, но и заgroundовка с позолотой, и обугленные дощечки, что формально доказывает уничтожение не только риз и окладов, но и самих икон.

... Еще до суда никто из адвокатов не брался, то есть просто не желал защищать Чайкина, хотя это и сулило известность, карьерные выгоды. Принудительным порядком, в качестве бесплатного государственного защитника Федора Чайкина был назначен адвокат Георгий Тельберг. Газеты писали, что Тельберг защищал святотатца по методу «а ля Горький»: мол, в том, что Чайкин стал вором и безбожником, виноват не он, а общество, у него не было другого выбора в жизни, кроме как стать преступником, стало быть, и судить его строго нельзя.

Несчастный адвокат проклял тот день, когда ступил на адвокатскую стезю. Многие друзья просто перестали с ним общаться! Но, тем не менее, Тельберг честно выполнил свой профессиональный долг.

Вина почти всех подсудимых была доказана, и они были приговорены к различным срокам заключения: Варфоломей Андреевич Стоян (Федор Чайкин) — к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на 12 лет, Ананий Тарасович Комов — к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на 10 лет, ювелир Николай Семенович Максимов — к лишению прав и преимуществ и воинского звания и к исправительным работам на 2 года и 8 месяцев, сожительница Чайкина Прасковья Константиновна Кучерова и ее мать Елена Ивановна Шиллинг — к тюремному заключению на 5 месяцев и 10 дней каждая. Церковный сторож Федор Захаров был оправдан. Приговор огласили 29 ноября.

Лишь благодаря пламенным речам Георгия Тельберга Чайкина осудили «всего» на 12 лет каторги в сибирских рудниках. Через полтора года он бежал, а еще через год был пойман в момент ограбления церкви в Ярославле, посажен в кутузку и, как объявили в народе, застрелен охранниками при попытке к бегству. Однако на самом деле Чайкина просто спасли от людского гнева, пожизненно заточив в шлиссельбургскую крепость. Через несколько лет преступник начал проявлять признаки умопомешательства, а когда незадолго до революции умирал, то наотрез отказался от исповеди. Но и на смертном одре полубезумный Чайкин упрямо твердил, что не сжигал Казанскую икону...

...После оглашения приговора, как свидетельствует пресса, «публика вышла из зала суда в подавленном состоянии». Действительно, ответ на самый главный, самый волнующий вопрос: «Где икона?» — так и не был найден.

Окончательно убедить графа Соколова на предварительном следствии Чайкин не сумел — а преступник поначалу заявлял, что, дескать, сжег Казанскую икону в печи, чтоб доказать, что никакая она не чудотворная. И ведь в печке действительно нашли обугленные доски, по размеру соответствовавшие похищенному образу. Но как Соколов, так и Тельберг были убеждены, что Чайкин либо спрятал, либо передал святыню сообщнику. А размеры сожженной иконы совпадали не только с параметрами чудотворной Казанской, но и образа Спаса Неукротимого, который, по мнению Соколова, и был похищен для того, чтобы ввести следствие в заблуждение.

Итак, Чайкина и его сообщников осудили только за похищение церковного золота и драгоценностей. А поиски самой чудотворной иконы продолжались (и продолжают по сей день!).

В Шлиссельбургском каземате с Чайкина не спускали глаз: а вдруг раскается? Он был замкнут и необщителен. Однако «политические», содержащиеся в Шлиссельбургской крепости в одно время с Чайкиным, неизменно выказывали ему

свое уважение: во время прогулок во дворике почтительно кланялись вору — «клюквеннику» (так в уголовном мире издавна именуют тех, кто специализируется на кражах из церкви). И убийцы Петра Столыпина, и Георгий Орджоникидзе осознавали, что никто из них не смог нанести столь сокрушительный удар по империи, символом которой было триединство: «Вера. Царь. Отечество». А необразованный вор Чайкин это сумел, когда лишил православную Русь ее главной святыни...

В 1912 году Чайкина допрашивал в его камере жандармский подполковник Михаил Прогнаевский. Он был убежден: не мог профессиональный грабитель своими руками уничтожить то, что могло и должно было принести ему самые большие деньги...

Чайкина Прогнаевский разговаривать не сумел. «Навечный арестант» подробно поведал чиновному жандарму, как он вынул в церкви из алтарного иконостаса образы Божьей Матери и Спасителя и передал икону Спасителя стоявшему настороже у двери Комову, а икону Божьей Матери спрятал у себя на животе под поясом. Он был в пиджаке — не видать, что несет за пазухой... Домой они с Комовым шли разными путями.

Прогнаевский уехал из Шлиссельбурга ни с чем. Но следствие все равно продолжалось...

Великого сыщика графа Соколова заинтересовала история списка с Казанской иконы, который в 1612

году был передан князю Дмитрию Пожарскому в Ярославле. После молебна перед этим образом ополчение штурмом взяло Кремль и Новодевичий монастырь, освободив Москву от поляков. Как писал в те дни военачальник и литератор князь С.И. Шаховской, «по совершении ж дела сего воеводы и властители вкупе ж и весь народ московский воздаша хвалу Богу и Пречистыя Его Матери, и пред чудотворною иконою

икона Пожарского находилась в Казанском соборе на Красной площади и была богато украшена.

И вот в начале XX века народ был взбудоражен появлением в газетах версии, что «список Пожарского» — не список вовсе, а подлинник чудотворной иконы, обретенной на пожарище (суеверные люди придавали мистический смысл созвучию фамилии полководца и месту явления образа). Да, трудно было русскому че-

Казанская (Чимеевская) чудотворная икона Божией Матери.

Икона явилась в XVIII веке в Чимеевской слободе, расположенной в 90 верстах от города Курган. По свидетельству очевидцев, икона приплыла по реке Нияп, притоку Тобола. Второе чудесное обретение произошло после того, как в 1770 году полностью сгорел первый храм. После пожара на пепелище обнаружили лишь Чимеевский образ Божией Матери. Следы ожогов и сейчас видны на правой щеке Божией Матери. В 1937 году с Чимеевской церкви в честь явления Казанской иконы Божией Матери сбросили колокола, храм разорили. Все, кто участвовал в варварстве, вскоре погибли безвременной смертью, верующие же люди по-прежнему шли в храм и молились перед закрытыми дверями. В 1947 году богослужения в Чимеевском храме были восстановлены и не прекращаются до сегодняшнего дня. Летопись храма содержит десятки записей, свидетельствующих о чудесных исцелениях тех, кто с верой обращается за помощью к Богородице и молится перед Ее образом.

молебное пение возсылаху и уставиша праздник торжественный праздновати о такой дивной победе».

О чем тут говорит Шаховской — о явленной в Казани иконе или все-таки о ярославской копии («списке Пожарского», как его именуют искусствоведы)? Известно, что Пожарский свято хранил сей образ в своей домово́й церкви в Москве, затем перевез его в Зарайск, куда князя определили воеводой после его неудачной попытки взойти на престол в 1613 году... Впоследствии

людеку примириться с утратой святыни, легче было думать, что украдена копия...

Не так давно автор этих строк обратился за разъяснениями к Сергею Королеву, председателю Московского городского отделения ВООПиК. Ученый, посвятивший себя поискам похищенной в 1904 году Казанской иконы, полностью опроверг «утешительную» версию. «Я исследовал исторические материалы, — сказал Королев, — и установил, что Пожарский совершенно

точно взял икону не из Казани, а именно из монастыря в Ярославле, когда пришел туда с ополчением».

Впоследствии многие искусствоведы, историки и деятели Церкви пытались объявить «подлинной Казанской иконой» тот образ, который в 1710 году был помещен в Казанском соборе Санкт-Петербурга (спустя век перед этой иконой молился Михаил Кутузов, отправляясь на войну с

Наполеоном). Версия была довольно запутанной: дескать, во время смуты 1612 года чудотворная икона Богородицы была привезена из Казани в Москву, а через сто лет царица Параскева, вдова царя Иоанна Алексеевича, перенесла образ в Санкт-Петербург. Но «питерская» икона, которая в настоящее время находится в Князь-Владимирском соборе, в несколько раз больше изначального

Казанский женский Богородицкий монастырь, возведенный на месте явления первоначального образа. Из Благовещенского собора этого монастыря и был похищен образ

образа, явившегося в 1579 году девочке Матроне и ее матери.

По словам Надежды Бекеневой, почти полвека проработавшей в отделе древнерусского искусства Третьяковской галереи, у нее нет сколько-нибудь достоверных сведений о местонахождении похищенной в 1904 году святыни. Списанием, а вовсе не подлинником, оказалась Казанская икона, хранившаяся в папских покоях Ватикана, которую покойный Папа Римский Иоанн Павел II искренне (?) почитал как «явленную Пресвятой Девой святыню». Эта икона-списание и была, в конце концов, возвращена папским престолом в Казань, в Благовещенский собор.

«По другим данным, — сказала Бекенева, — следы подлинной Казанской иконы затерялись в США».

Неожиданно история получила свое продолжение в 1994 году, когда президент США Билл Клинтон при-

ехал с визитом в Москву. Вот что рассказал мне незадолго до своей трагической кончины настоятель восстановленного Казанского собора на Красной площади протоиерей Аркадий Станько: «Мне сообщили, что Клинтон и его сопровождающие посетят наш собор. Вскоре они появились. Клинтон осматривал убранство, спрашивал, как звучит его имя по-русски. Я ответил: «Василий», и показал ему икону Василия Блаженного. Баптист Клинтон поставил свечи перед иконой и «на канун» — за упокой своей матери... У него тогда мать умерла, совсем недавно... Мы с ним даже сфотографировались на память — по его желанию. Тут на меня дерзновение нашло, и, пользуясь случаем, я, на свой страх и риск, попросил его навести справки у себя в Америке: не там ли похищенная в 1904 году Казанская икона? Он обещал».

О своем обещании Клинтон не забыл. ФБР действительно провело

дознание о судьбе русской святыни. Выяснилось, что «некая весьма ценная и древняя Казанская икона» в самом деле какое-то время находилась в США, а в шестидесятые годы была продана с аукциона Фатимскому монастырю в Португалии.

Некоторые подтверждения этой версии я обнаружил, изучая русскую эмигрантскую литературу, посвященную вывезенным из России святыням. Так, в своих воспоминаниях, изданных в Штатах в 80-е годы, русская эмигрантка первой волны М.А.Стахович пишет о том, как в 1980 году католический священник из монастыря на горе Фатима в Португалии поведал ей, что «русскую святыню — икону Казанской Божией Матери, монастырь в 60-е годы купил в Америке».

Ситуацию несколько проясняет (а, быть может, наоборот — запутывает) Стефан Ляшевский, издавший в США «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». Оказывается, специально для Казанского храма в Дивеево в середине 19 века был получен из Казани «вернейший список с чудотворной и явленной» иконы. После разгона Дивеевской обители в 1927 году эта копия хранилась у иеромонаха Серафима (Смыкова). В 1943 году он бежал вместе с немцами из Краснодара, где до того был в затворе, за границу. Дальнейшая судьба его неизвестна, но якобы именно эта икона, вывезенная иеромонахом, в 60-е годы появилась на торгах в США. Ее первоначально оценили в полмиллиона дол-

ларов — из-за золотой ризы, украшенной драгоценными камнями. Русские эмигранты пытались собрать средства для выкупа святыни, но не успели: за три миллиона долларов икона ушла в Фатимский монастырь, где особо почитается.

Сергей Королев говорил мне по этому поводу: «В московских следственных архивах за 1918 год значится дело о пропаже из Казанского собора на Красной площади особо чтимой и богато украшенной иконы. Речь идет о «списке Пожарского». Сохранились фотографии иконы. Есть у меня и снимки Казанской иконы, проданной в 60-е годы на торгах в Америке. Они идентичны. Итак, Фатимский образ Богородицы и «список Пожарского» — это суть одно и то же. Думаю, что в 1918 году образ был не похищен злоумышленниками, а, с ведома высшего духовенства, переправлен за границу, чтобы не подвергать икону опасности надругательства. Скорее всего, она-то и попала в Португалию. — И добавил обреченно: Спустя больше века после похищения почти не осталось надежды на то, что где-то существует подлинная Казанская».

Но для верующего человека любая икона Богородицы, даже та, что находится в его доме, — чудотворная. И нет на Руси храма, где бы не было Казанской иконы Божией Матери. Всюду перед священным ликом Богородицы пылают россыпи свечей, и люди благоговейно прикладываются к образу Небесной Утешительницы и Заступницы Усердной. □

Михаил Булгаков

НЕДЕЛЯ

просвещения

Заходит к нам в роту вечером наш военком и говорит мне:

— Сидоров!

А я ему:

— Я!

Посмотрел он на меня проницательно и спрашивает:

— Ты, — говорит, — что?

— Я, — говорю, — ничего...

— Ты, — говорит, — неграмотный?

Я ему, конечно:

— Так точно, товарищ военком, неграмотный.

Тут он на меня посмотрел еще раз и говорит:

— Ну, коли ты неграмотный, так я тебя сегодня вечером отправлю на «Травиату»!

— Помилуйте, — говорю, — за что же? Что я неграмотный, так мы этому не причинны. Не учили нас при старом режиме.

А он отвечает:

— Дурак! Чего испугался? Это тебе не в наказание, а для пользы. Там тебя просвещать будут, спектакль посмотришь, вот тебе и удовольствие.

А мы как раз с Пантелеевым из нашей роты нацелились в этот вечер в цирк пойти.

Я и говорю:

— А нельзя ли мне, товарищ военком, в цирк увольниться вместо театра?

А он прищурил глаз и спрашивает:

— В цирк?.. Это зачем же такое?

— Да, — говорю, — уж больно занятно... Ученого слона выводить будут, и опять же рыжие, французская борьба...

— Я тебе, — помахал пальцем военком, — покажу слона! Несознательный элемент! Рыжие... рыжие! Сам ты рыжая деревенщина! Слоны-то ученые, а вот вы, горе мое, неученые! Какая тебе польза от цирка? А? А в театре тебя просвещать будут... Мило, хорошо... Ну, одним словом, некогда мне с тобой долго разговаривать... Получай билет, и марш!

Делать нечего — взял я билетик. Пантелеев, он тоже неграмотный, получил билет, и отправились мы. Купили три стакана семечек и приходим в «Первый советский театр».

Видим, у загородки, где впускают народ, — столпотворение вавилонское. Валом лезут в театр. И среди наших неграмотных есть и грамотные, и все больше барышни. Одна было и сунулась к контролеру, показывает билет, а тот ее и спрашивает:

— Позвольте, — говорит, — товарищ мадам, вы грамотная?

А та сдуру обиделась:

— Станный вопрос! Конечно, грамотная. Я в гимназии училась!

— А, — говорит контролер, — в гимназии. Очень приятно. В таком случае позвольте вам пожелать до свидания!

И забрал у нее билет.

— На каком основании! — кричит барышня. — Как же так?

— А так, — говорит, — очень просто, потому пускаем только неграмотных.

— Но я тоже хочу послушать оперу или концерт.

— Ну, если вы хотите, так пожалуйста в Кавсоюз. Туда всех ваших грамотных собрали — доктора там, фершала, профессора. Сидят и чай с папатокою пьют, потому им сахара не дают, а товарищ Куликовский им романсы поет.

Так и ушла барышня.

Ну, а нас с Пантелеевым пропустили беспрепятственно и прямо провели в партер и посадили во второй ряд.

Сидим.

Представление еще не начиналось, и потому от скуки по стаканчику семечек сжевали. Посидели мы так часика полтора, наконец, стемнело в театре.

Смотрю, лезет на главное место огороженное какой-то. В шапочке котиковой и в пальто. Усы, бородка с проседью и из себя строгий такой. Влез, сел и первым делом на себя пенсне надел.

Я и спрашиваю Пантелеева (он хоть и неграмотный, но все знает):

— Это кто же такой будет?

А он отвечает:

— Это дери, — говорит, — жер. Он тут у них самый главный. Серьезный господин!

— Что ж, — спрашиваю, — почему это его напоказ сажают за загородку?

— А потому, — отвечает, — что он тут у них самый грамотный в опере. Вот его для примеру нам, значит, и выставляют.

— Так почему ж его задом к нам посадили?

— А так ему удобнее оркестром хороводить...

А дирижер этот самый развернул перед собой какую-то книгу, посмотрел в нее и махнул белым прутиком, и сейчас же под полом заиграли на скрипках. Жалобно, тоненько, ну, прямо плакать хочется.

А дирижер этот действительно в грамоте оказался не последний человек, потому два дела сразу делает — и книжку читает, и прутом размахивает. А оркестр нажаривает. Дальше — больше! За скрипками на дудках, а за дудками на барабане. Гром пошел по всему театру. А потом как рявкнет с правой стороны... Я глянул в оркестр и кричу:

— Пантелеев, а ведь это, побей меня бог, Ломбард, который у нас на пайке в полку!

А он тоже заглянул и говорит:

— Он самый и есть! Окромя его, некому так здорово врезать на тромболе!

Ну, я обрадовался и кричу:

— Bravo, бис, Ломбард!

Но только, откуда ни возмись, милиционер и сразу ко мне:

— Прошу вас, товарищ, тишины не нарушать!

Ну, замолчали мы.

А тем временем занавес раздвинулась, и видим мы на сцене — дым ко-ромыслом! Которые в пиджаках кавалеры, а которые дамы в платьях танцуют, поют. Ну, конечно, и выпивка тут же, и в девятку то же самое.

Одним словом, старый режим!

Ну, тут, значит, среди прочих Альфред. Тоже пьет, закусывает.

И оказывается, братец ты мой, влюблен он в эту самую Травиату. Но только на словах этого не объясняет, а все пением, пением. Ну, и она ему тоже в ответ.

И выходит так, что не миновать ему жениться на ней, но только есть у этого самого Альфреда папаша по фамилии Любченко. И вдруг, откуда ни возмись, во втором действии он и шасть на сцену.

Роста небольшого, но представительный такой, волосы седые, и голос крепкий, густой — беривтон.

И сейчас же и запел Альфреду:

— Ты что ж, такой-сякой, забыл край милый свой?

Ну, пел, пел ему и расстроил всю эту Альфредову махинацию, к черту. Напился с горя Альфред в третьем действии, и устрой он, братцы вы мои, скандал здоровеннейший — этой Травиате своей. Обругал ее на чем свет стоит, при всех.

Поет:

— Ты и такая, и этакая, и вообще не желаю больше с тобой дела иметь.

Ну, та, конечно, в слезы, шум, скандал!

И заболей она с горя в четвертом действии чахоткой. Послали, конечно, за доктором.

Приходит доктор.

Ну, вижу я, хоть он и в сюртуке, а по всем признакам наш брат — пролетарий. Волосы длинные, и голос здоровый, как из бочки.

Подошел к Травиате и запел:

— Будьте, — говорит, — покойны, болезнь ваша опасная, и непременно вы помрете!

И даже рецепта никакого не прописал, а прямо попрощался и вышел.

Ну, видит Травиата, делать нечего — надо помирать.

Тут пришли и Альфред с Любченко, просят ее не помирать. Любченко уж согласие свое на свадьбу дает. Но ничего не выходит!

— Извините, — говорит Травиата, — не могу, должна помереть.

И действительно, попели они еще втроем, и померла Травиата.

А дирижер книгу закрыл, пенсне снял и ушел. И все разошлись. Только и всего.

Ну, думаю, слава богу, просветились, и будет с нас! Скучная история!

И говорю я Пантелееву:

— Ну, Пантелеев, айда завтра в цирк!

Лег спать, и все мне снится, что Травиата поет, а Ломбард на своем тромбоне крикает.

Ну-с, прихожу на другой день к военному и говорю:

— Позвольте мне, товарищ военком, сегодня вечером в цирк увольниться...

А он как рыкнет:

— Все еще, — говорит, — у тебя слоны на уме! Никаких цирков! Нет, брат, пойдешь ты сегодня в Совпроф на концерт. Там вам товарищ Блох со своим оркестром Вторую рапсодию играть будет.

Так я и сел, думаю: «Вот тебе и слоны!»

— Это что же, — спрашиваю, — опять Ломбард на тромбоне нажаривать будет?

— Обязательно, — говорит военком.

Оказия, прости господи, куда я, туда и он со своим тромбоном!

Взглянул я и спрашиваю:

— Ну, а завтра можно?

— И завтра, — говорит, — нельзя. Завтра я вас всех в драму пошлю.

— А послезавтра?

— А послезавтра опять в оперу!

И вообще, говорит, довольно вам по циркам шляться. Настала неделя просвещения.

Осатанел я от его слов! Думаю: этак пропадешь совсем. И спрашиваю:

— Это что ж, всю нашу роту гонять так будут?

— Зачем, — говорит, — всех! Грамотных не будут. Грамотный и без Второй рапсодии хорош! Это только вас, чертей неграмотных. А грамотный пусть идет на все четыре стороны!

Ушел я от него и задумался. Вижу, дело табак! Раз ты неграмотный, выходит, должен лишиться всякого удовольствия...

Думал, думал и придумал.

Пошел к военкому и говорю:

— Позвольте заявить!

— Заявляй!

— Дозвольте мне в школу грамоты.

Улыбнулся военком и говорит:

— Молодец! — и записал меня в школу.

Ну, походил я в нее, и что вы думаете, выучили-таки!

И теперь мне черт не брат, потому как я грамотный! □

ДЛИННЫЕ ТЕНИ

ПРЕЖОВ

Дым стоял столбом, пахло порохом, грохот выстрелов заглушал крики. Конница носилась взад-вперёд, а когда из домов выбегали люди, всадники замахивались саблями и обрушивали их на головы, не разбирая, кто перед ними: мужчина, старик или малое дитя.

Сколько же их, убитых!

Даже во сне запах крови терзал солдата, и он в недоумении оглядывал мирный и цветущий когда-то город. И эти детские тела — они что, тоже разбойники и предатели? Да, Светлейший сказал — стало быть, так и есть. Но солдат был не в силах смотреть на мёртвых детей, затоптанных и растерзанных лошадиными копытами.

Опять этот сон! Он мучит его много лет, и будет мучить до самой смерти. Скольких приходилось убивать ему за все годы? Многих, но все они были врагами: России, государя, а, следовательно, и его. Но не в тот раз — тогда были свои, подданные батюшки Петра Алексеевича, как и он сам. Но сказано — предатели и злодеи, смерти достойные. А их семьи, чада?..

Его разбудил грохот в сенях — упало полено, раздалось чье-то бормотание, потом топот ног, удаляющийся в сторону кухни. Еще очень рано — даже не рассвело, но хорошо, что он очнулся от кошмара и оказался не ТАМ, а в великолепном дворце, в своем тихом закутке.

Степан Иванович Крайнов, бывший денщик светлейшего князя Меншикова, поднялся и растолкал мальчишку Васятку, сладко сопевшего на лавке у двери. Его недавно взяли для черной работы на кухне и поселили на время у Крайнова, а за это парень оказывал ему мелкие услуги.

ДЛИННЫЕ ТЕНИ ГРЕХОВ

— Воды принеси, лоботряс, да смотри, чтоб без ледяной корки, — буркнул Степан, но беззлобно, сердчая не на Васятку, а на проклятый сон.

Мальчишка поплелся, потирая кулачками глаза.

Нижний этаж княжеского дворца оживал — у прислуги работы невпроворот. Что ж, новый день — новые заботы. Только какие могут быть заботы у бывшего солдата? Не жизнь, а, право слово, мед — с мальцом гулять, о сражениях былых ему рассказывать, чтобы, значит, понимал, чей он сын есть. А так, сиди себе на печи, да жуй калачи, спасибо князю, отцу родному.

Приведя себя в порядок, Степан пошел на поварню, оттуда уже плыло облако тепла и аромата свежесдобитого хлеба...

Кухарка Глафира вела степенную беседу с лакеем князя Харитоном. Тот любил поважничать, но Степана побаивался. Старый солдат молодца не слишком жаловал, но несколько месяцев назад князь надумал устроить помолвку дочери Степана Катюши со своим лакеем. Против воли Александра Даниловича Степан, понятно, пойти не мог, поэтому Харитону от будущего тестя теперь все чаще доставалось.

— Ох, батюшки, только сейчас прилег! — прижала Глафира ладонь к щеке.

— Кто прилег? — спросил Степан.

Заслышав его хриплый голос, Харитон вскочил с лавки. Боится, щенок, это правильно — зятем больше почитать станет.

— Сам, — доложил лакей. — Всю ночь дома не было. А пришел, у-у-у, глаза красные, зло-о-ой...

— Дела государственные решал! Не тебе, шалопутному, о князе рассуждать...

Харитон вздохнул, прикусив язык, — как ни старался он, а все же Степан Иванович недоволен женихом единственной дочери, хотя и не такая уж плохая партия для девки, иные бы и рады были...

В людской раздался бас начальника княжеской стражи — тот за что-то отчитывал подчиненных.

— Вон пошли, мер-р-рзавцы! Прочь с глаз моих!

Гвардейцы обиженно загудели, протопали через двор в казарму. Это означало, что ночную смену оставили без положенного завтрака.

— Ой, что же это делается, я же молодцам-то наготовила! — вздохнула сердобольная кухарка.

Степан выглянул в людскую и спросил, что случилось. Начальник стражи соизволил объяснить: караул где-то нашел выпивку, но не признаются — где, да еще и отнекиваются, стоят на том, что не пили.

— А с чего же ты решил, что они пьяные? — удивился Степан.

Капитан уважал старого солдата, не единожды сживал с ним за одним столом, а потому рассказал, хотя другой любопытствующий наверняка не удостоился бы ответа.

— Так они... такие-рассякие, дрыхли вповалку в караульной, когда их сменять пришли. Растолкали, а они лыка не вяжут. И придумали же отговорку, что бес их, дескать, попутал...

— И то верно — ведь попутал, — вспомнив собственную молодость, усмехнулся Степан.

Но начальник стражи шутку не оценил:

— Они, вишь, говорят, что самый настоящий бес и приходил к ним ночью. Нет, мои ребята до такого сами бы не додумались, это их кто-то надумил байку мне поведать — авось, и поверю! Ничего, выпороть прикажу, сразу скажут, где раздобыли славное винцо! — с этой нешуточной угрозой бравый офицер удалился вслед за «своими ребятами».

И вроде бы ничего страшного: парни покуролесили, непорядок, конечно, но с кем не бывает? А Степан вдруг поежился, будто мороз пробрал до костей, хотя тепло от печей в кухне уже прогрело людскую. Дурной сон продолжал беспокоить, и какая-то тяжесть легла на сердце.

Когда прислуга заполнила людскую и потянулась в кухню: пока сам князь, да семья еще почивать изволили, можно поесть, Степан встряхнулся, поднялся со скамьи, и княжеская челядь почтительно расступилась, пропуская его вперед.

В предрассветных сумерках по каналу, скованному льдом, шел человек, присматриваясь к ближайшему берегу. В холодном воздухе проступали очертания небольшого каменного строения. Прохожий остановился и, сняв рукавицы, подышал на замерзшие руки, постучал голенищем сапога о другую ногу.

— Стой, кто тут? — раздался суровый окрик, и около небольшого здания, которое было целью прохожего, выросла здоровая фигура гвардейца.

— Тьфу, напугал ты меня, мил человек, в темноте чего только не привидится!

— Не шути, паря! Дале ходу нет, стрелять буду. — Судя по голосу, стражник действительно шутить не собирался.

— Да постой ты! Я бедный торговец, по своим делам спешу. Заплутал, видать, откуда простому человеку знать, куда можно идти, а куда — нет.

— Ну, так и ступай себе дальше, коль ты честный торговец, а то далеко ли до греха?

— А что тут за место такое, что обычному человеку и пройти нельзя? Уж прости меня, разве в столице пути-дороги не для всех открыты?

— Место здесь самое что ни на есть важное — сам император для себя дом выстроил! — в голосе стражника прозвучала гордость.

Торговец робко подошел поближе, срывая с головы шапку.

— Ух, ты! Никогда бы не подумал, что сам Петр Алексеевич в таком простом доме проживает!

— Это пока зимний дворец не перестроили. Но вот что, добрый молодец, хоть дом и простой, а охраняем мы его как положено. Так что иди подобру-поздорову, пока я и впрямь не рассердился. Пальну ведь — служба у меня такая!

— Не сердчай, мил человек, ухожу я. Дай тебе Бог здоровья! — сверкнув белозубой улыбкой, отвесил заплутавшийся торговец низкий поклон.

— И тебе не хворать, — пробасил вслед удаляющейся фигуре стражник.

Отойдя к другой стороне канала, торговец оглянулся еще раз и бодро зашагал в сторону Невы. Лицо его стало строгим, от добродушной улыбки не осталось и следа.

«Лады, сударь любезный, здесь подхода нет, так мы другой путь найдем. Найдем, не сомневайся!»

От шепота из губ его вырвался легкий пар и моментально развеялся — будто и не было ничего, только снег весело поскрипывал, вступив в тайный сговор с ранним прохожим.

Челядь во дворце князя кормили так сытно, как мало где на белом свете, и люди счастье свое понимали. Глафира же делилась сведениями, что на нынешний день велела приготовить повару Гийому княгиня. Слушали — дивились, завидовали лакеям, которые за столом прислуживают — узрят чудеса этакие!

После трапезы все разошлись по своим делам — у дворецкого Ван Келлера с бездельниками разговор короткий. Остались лишь избранные, можно было себя побаловать вчерашним калачом с чайком. Князь с семейством весьма почитал сей напиток, и верным слугам доставались остатки заварки с ужина.

— Нашлась салфетка-то камчатая, — все повернулись на низкий певучий голос, — барышни для куклы покрывало сделали.

— Садись с нами, Аннушка, откушай чаю, — пригласила Глафира вошедшую женщину.

А за спиной кастелянши Анны, скромно потупившись, стояла Катюша Крайнова. Глаза Степана засветились при появлении дочери, и Анне досталась немалая доля тепла, на проявление коего старый солдат был скуповат.

Анна и Катюша присели за общий стол для прислуги. Лакей Харитон, поскольку князь отошел ко сну, позволил себе остаться и сейчас ловил взгляд нареченной, прикрывшись рукой от ее сурового батюшки.

Степан заметил маневры молодца, но только крякнул и почтительно обратился к княжеской кастелянше:

— А скажите, Анна Николаевна, довольны ли вы Катериной?

— Весьма, — сдержанно ответила та, хотела что-то добавить, но передумала, поведя строго очерченной бровью в сторону Харитона.

Тут внимание привлекла к себе Глафира — наклонившись над столом, она почти прошептала:

— Ох, дорогие, не знаю, что делать — боюсь я черта нашего голландского.

— Что случилось? — насторожился Степан.

Анна и Харитон тоже не остались безучастны к вздохам кухарки.

— Так ведь стражу-то ночную сегодня велено оставить без трапезы, уж не знаю, в чем парни виноваты...

— Дело говори, Глафира! — нахмурился Степан.

— Да заглянула я в кладовую, чтобы, значит, продукты перечесать, а там не хватает... Пирог пропал, крендель...

— А что гадать? — важно повел плечами Харитон. — Мальчишка таскает еду. Ты, Глафира, лучше господину мажордому скажи, а то сам узнает — всем худо будет.

— Тебя кто спрашивал? Твое дело — сторона, — шикнула на лакея Анна.

— Неладно, если в доме кто-то ворует, — покачал головой Степан. — Князь поставил Ван Келлера за главного — пусть порядок наведет.

— А если это стражники? Пробрались потихоньку в кладовую или попросили кого. — Кастелянша махнула рукой, дескать, не стоит отвлекать мажордома от более важных дел.

— Ага, могли, могли, и кто бы их осудил? — тут же поддержала ее Глафира. — Уж не я, право слово. Признаться, я на Васятку подумала, да больно много пропало — почитай, целый пирог.

— Я поговорю с ним, а вы все пока молчите, не говорите Ван Келлеру... Да и никому другому. — Анна пристально посмотрела на Катю Крайнову, и та покорно кивнула, опустив глаза. — А ты, Харитон, если хоть слово кому — пожалеешь у меня! — Она бросила презрительный взгляд на княжеского лакея, и тот, поежившись, будто от холода, буркнул:

— Да что я? Как порешите, так и я.

Степан хотел было вмешаться: по его мнению, мальчонка Васятка ли, молодцы-гвардейцы ли, а худое дело, оно такое и есть. Но решительность Анны и ее суровость произвели на него впечатление. Он кивнул в знак согласия, но про себя решил все же побалакать с начальником стражи: пусть проверит своих подчиненных. Если это они брали еду супротив запрета, то мажордому Ван Келлеру и вмешиваться не надо будет — то не его епархия. Признаться, большая часть прислуги, да и сам Степан Крайнов не слишком жаловали голландского домоправителя.

В кухню вошла, сняв валенки в дверях, девка Фрося — кухонная работница, ее морковного цвета волосы полыхнули факелом. Молча взялась драить чугунок, размахивая от усердия подолом.

— Ну-ну, подальше отойди, — отстраняясь, брезгливо поежился Харитон.

— А че? — вскинула белесые бровки девка. — Тоже мне, боярин шелудивый!

— Сама шелудивая, дура! Заразу выведи, потом к честным людям приближайся!

— Не помогает средство-то? — сочувственно повернулась к Фросе кухарка. Та помотала из стороны в сторону тощей косицей. — Да оно и понятно, иноземная пудра разве кому поможет! А Перпетуя с Аннушкой обещались для тебя мазилку сделать...

— Тама у ворот дяденька коробейник просится. — Васятка возник, как чертик из табакерки, и, глотая слюну, воззрился на остатки еды на столе. — Сказывает, товар хороший...

— Нечего во двор пускать незнамо кого, чай, не простой дом у нас, — буркнул Степан.

— Погодите, Степан Иванович, — махнула рукой Глафира, — вы-то в город выходите, почитай, каждый день, а нам нешто и побаловать себя нельзя? Тепереча до Масленицы в лавки не попадем.

— И то правда, мне вот гребень новый нужен... — поддержала кухарку кастелянша.

— Ладно, но я со стервеца глаз не спущу, чтобы в хоромы ни ногой! Да стражнику скажи, Васятка, пусть в людскую его ведет!

Вместе с коробейником через черный ход в людскую ворвался запах мороза и ветра с Невы, загадочные ароматы большого мира, сразу стало тесно и шумно.

— А вот для красавиц всякие радости! Для девушек-душенек, для молодух-прелестниц, для бабонек-затейниц! — с порога завел ухарь.

— Цыть, ты, ирод! — оборвал его Степан, закрывший собой проход к парадной лестнице. — Чего разорался?

Молодец сорвал шапку с головы и потрянул буйными кудрями:

— Прощения прошу, боярин, буду тише мыши на полатях. Звать-величать меня Акимом Зотовым.

Он снял с шеи короб и поставил на лавку, предлагая рассмотреть товар. Женщины, забыв обо всем на свете, бросились копаться в нем, к страшному неудовольствию Крайнова.

— Ты, красавица, пользуешься помадой? — ласково спросил парень у Катюши.

— Нет, один раз только княгиня меня украсила... в шутку, — робко ответила девушка.

— Ну, у княгини-то помада, небось, французская? А у меня простая, наша, для русских девушек. — Аким осторожно помазал палец и поднес его к и без того румяным губам Кати.

— Нам это ни к чему! — Харитон дернул за руку невесту и оттеснил ее от молодца.

Тот понимающе усмехнулся и перенес внимание на Анну:

— А для тебя, милая, платочки имеются, чтобы перед супругом нарядной показаться.

— Вдовая я, — тихо ответила Анна, подняв взгляд от всевозможных гребней.

— Ну, с такой-то красотой это ненадолго, — пропел молодец, жадным взглядом охватывая статную фигуру кастелянши, — в самом соку бабонька! Из Малороссии, что ли, будешь? С какого места-то?

— Из Чернигова, — ответила кастелянша и, скромно улыбнувшись, расплатилась за гребень.

Сам не зная почему, Степан начал злиться и на прохиндея, и на баб, у которых в голове одни финтифлюшки. Но тут вмешалась Глафира — в ее почтенном возрасте уже меньше интересуются украшениями, а больше ценят дружескую беседу.

— А скажи-ка, мил человек, что там, на свете белом делается? — спросила она, протягивая торговцу Акиму кружку разогретого молока.

Тот принял дар с благодарностью и присел рядом со своим лотком, осторожно косясь на Крайнова:

— Да разные слухи по городу разлетаются. Вот слышал, дела царевича совсем плохи... Вернулся он в Россию да сидит, сказывают, под домашним арестом... А может, и не сидит... И допрашивает его сам царь... А что далее будет — Господу нашему одному и ведомо.

— Ох, нешто сына своего не пожалеет! — вскрикнула добросердечная Глафира.

— Ну, идите себе, дел у вас, что ли, нету, нечего уши развешивать! — Степан указал дочери в сторону кухни, а лакея подтолкнул к парадной лестнице, Харитон и Катюша послушались, но остальные не двинулись с места.

— А правду говорят, что ампирактор по ночам вороном оборачивается и тем, кто затемно домой не успел, глаза выклевыват? — выдохнула Фрося.

— Тьфу, дура! — рассердился Степан и отвесил девке подзатыльник.

Та негромко завывала, привычно стараясь вызвать жалость у Глафиры.

— Нельзя, девушка, глупости болтать! — покачал головой Аким. — Темнота ты деревенская! Император день и ночь о нашем благе думает, ты вот, поди, и не знаешь, что царевич злоумышлял против отца своего, стало быть, против всей Руси?

— Но пойти против своей плоти и крови, сына родного! Возможно ли? — вмешалась Анна. — Да правда ли это?

— Так ведь ОН не простой человек, как мы с вами, ЕГО рукой водит... — Торговец замолчал и внезапно рассмеялся: — Да что это я! В такой дом пришел, уж вы-то больше меня знаете!

— Мы, человек хороший, ничего не знаем про то, про что знать простому люду не положено, — ответил за всех Степан. — И тебе бы языком надо поменьше трепать.

— Наш Степан Иванович был денщиком самого светлейшего князя, уж в стольких походах да битвах с ним побывал! — похвалилась кухарка Глафира.

— А-а-а, — протянул торговец, — куда уж мне тогда! Вы-то повидали мир, сударь мой. И где же воевали?

Крайнов не удержался — было у старого солдата слабое место:

— Так всюду, паря. И в Нотебурге, и под Калишем, и под Лесной, знамо дело, под Полтавой, опосля в Польше, в Курляндии... Когда Александр Данилович Шлиппенбаха пленил, рядом с ним, отцом нашим, стоял... Да, удостоился великой чести... — Мыслями своими унесся солдат в былые дни, когда каждый день был наполнен опасностями, а жизнь любого, от самого царя до последнего ординарца, не стоила и полушки.

— Честь вам и уважение, Степан Иванович, — серьезно проговорил Аким, — вы-то свой долг выполнили... И самого царя видели?

— Да вот как тебя сейчас! И разговаривать Петр Алексеевич со мной неоднократно изволил. Эх, да что там! Времечко славное было.

— И царевича видели? — дружно воззрились все на Степана.

— Врать не стану, не сподобился с Алексеем Петровичем встречаться, а вот с сынком его доводилось, жаль мальчонку — без матушки...

— А царевича не жаль? — Аким посмотрел Степану прямо в глаза.

Тот выдержал его взгляд и ответил:

— Нам не положено о таких вещах рассуждать, на то люди поумней нас имеются. Ладно, хватит баклуши бить, а то господин Ван Келлер точно покажет нам, где раки зимуют.

Все поднялись и засобирались, Аким повесил на шею короб. И не успел Степан слова сказать, как понял, что знакомству с торговцем суждено продолжиться.

— Ты приходи еще, Акимушка, — ласково пригласила его Глафира, — так сразу стражникам и говори, чтоб с кухни кого позвали за тобой...

— Спасибо вам, добрые люди, зайду непременно, и товар принесу наилучший и по самой низкой цене. — И Аким Зотов отвесил общий поклон.

— Эх, день да ночь — сутки прочь! — сладко потянулась Глафира, навалившись на прогретую от печи стену. — Поставь-ка, Фрося, нам самоварчику!

Дела все переделаны, можно и посидеть рядком, а там и на «боковую». Князь с княгиней и любезной невесткой Варварой Михайловной отбыли к императрице, деток няньки с мамками уложили почивать. Степан рассказал четырехлетнему Сашеньке на сон грядущий историю о том, как его славный батюшка с крестным, царем Петром Алексеевичем, шведа побили, и тоже потянулся в «черную» кухню, самому себе не признаваясь, что влечет его туда бледное лицо и жгучие очи кастелянши.

Пользуясь отсутствием всей княжеской семьи, к прислуге присоединился и повар Гийом — не в пример суровому Ван Келлеру, француз охоч был до общения с княжеской челядью, за что и к нему относились дружески и подсмеивались добродушно, без злобы.

— Васятка, паршивец, опять в кладовую нос совал? — Глафира схватила мальчишку за ухо, и, хотя не слишком сильно, рванула.

— Да не ходил я туда, хотите — побожусь! — заверещал обиженный Васятка. — Вот вам крест, ничего не брал!

— Я те побожусь! — шлепнула его по затылку кухарка, — остатки пирога кто стащил, а?

— А крысы! Не брал я вашего пирога!

Из господских покоев спустилась вниз приживалка Перпетуя, которую часто называли «Блаженной», а она не возражала. Перпетуя еще в доме боярина Арсеньева ходила за его дочками. После того, как старшая, Дарья Михайловна, вышла замуж за Меншикова, а младшая, Варвара, поселилась у сестры, Перпетуя последовала за барышнями, да так и осталась при них, видать, до конца жизни. Перед челядью хитрая тетка придавала себе вес, позволяла высокомерное обращение, но многие подозревали, что терпят ее в доме и сам князь, и члены его семейства, скорее, как шутиху, вровень с карлицами. Может, и было Перпетуе то обидно, но сытая жизнь оказалась дороже гордости. Александр Данилович в хорошем настроении любил вести с приживалкой шуточные споры на разные темы и хохотал так, что стены дрожали, слушая ее карканье о безбожных временах и скором конце света.

— По ночам в кладовой черти шуруют, — перекрестилась Перпетуя, — сама слышала. Вот утащат тебя в ад, а все по алчности твоей утробы не насытной! — помахала она клюкой в сторону Васятки.

— Да ты сама на черта похожа, тебя в темноте испугаться можно! — фыркнул лакей Харитон.

— Черти — не черти, а таскать еду никому не позволено, с меня спрос будет, а стражники с ночи, ох, какие голодные приходят! — Кухарка еще раз дернула парня за ухо.

— Оставь его, Глаша! — Анна вырвала мальчишку из натруженных рук. — Фроське все прощается, а парнишку поедом ешь!

— Фроська никогда еду не воровала! — бросилась кухарка на защиту своей протезе.

— А ей и не надо, ты же ее подкармливаешь, вон, девка скоро в дверь боком проходить будет. — Кастелянша бросила неодобрительный взгляд на Фросю и, повернув к себе Васятку, ласково спросила: — Ты все время есть хочешь, да?

Мальчик кивнул и шмыгнул носом.

— Обещай, что не будешь таскать еду из кладовой. Нехорошо это, нельзя. Лучше у меня попроси, обещаешь?

— Как прикажите, Анна Николаевна, — опустив голову, лукаво блеснул глазками Васятка.

— О-о-о, я тоже постоянно думал о еде, когда был такой, — улыбнулся повар Гийом, — потому и вертелся на кухне. Мадам Анна, вы очень добры.

— Нет никакой доброты, мир жесток и равнодушен, и мальчик уже слишком хорошо это знает, — пожала плечами кастелянша.

— О, нет, прекрасная мадам, — возразил француз, — я так не думаю, и вы свои же слова... как это...о-про-вер-жите?

— Да? Тогда спросите Степана Ивановича, — процедила Анна, — он вам расскажет и о доброте, и о милосердии...Сколько смертей вы видели, а?

— Так ведь война — она война и есть, там кругом смерть, — растерялся Крайнов не столько от вопроса, сколько от сверкавших глаз кастелянши.

Анна служила во дворце князя уже четвертый год, и Степан редко видел ее такой оживленной.

— А зачем же вы каждый божий день Сашеньке о баталиях да об осадах рассказываете? Зачем маленькому-то к жестокостям привыкать?

— А как же? — не понял бывший денщик. — Виктории наши чтоб знал, помнил, чей он сын есть...

— Так вот все и рассказываете? — прищурилась кастелянша.

— Нет, вы правы, Анна Николаевна, не надобно мальчонке знать...кое о чем, не надобно... — отвел глаза Степан.

— Толкуете вы о том, что мне не ведомо, а я бы послушал о былых сражениях — не малое дитя, не усташусь, — весьма заинтересовавшись, произнес Гийом.

— Мне, сударь, недосуг с вами лясы точить, все уж вам сказывал, — бросил на него хмурый взгляд Степан. — Да и забывать уже кое-что стал... А иное и рад бы забыть...

— А-а-а, — махнула рукой Анна, а другой привела в порядок вихры Васятки, — что с вами говорить!

После трапезы стали расходиться, и Анна осторожно отозвала Крайнова в сторону.

— Степан Иванович, право же, поговорите с князем насчет Катерины, а пуще того, с княгиней, — горячо прошептала она.

— Да что же не так с дочкой? — испугался бывший денщик.

— Насчет помолвки ее с этим... — Анна мотнула головой, украшенной черной косой, в сторону Харитона: — Ведь нехорошо-то как ... помолвка, для потехи господ.

— Ах, сударыня, воля барина нашего, она завсегда воля. А княгиня приданое обещала хорошее, она добрая, матушка, не обидит Катюшу мою.

— Вы притворяетесь, что не понимаете? — рассердилась кастелянша. — Разве такие дела решаются во время попойки, в праздной суете? Жениха девушке надо выбирать, как положено, чай, не бусы ей покупаете! Грех это — вот вам слово мое, Степан Иванович! И еще... Нет, я не верю, что вы ничего не знаете!

— Оно, конечно, за Харитона я бы Катюшу ни в жизнь бы не просватал, — почесал затылок Степан, — да ведь мы от Александра Даниловича, кроме добра, ничего не видали. Уж каких только лекарей он для Алены моей не вызывал! Знаете, небось, что мне-то и жениться нельзя было — срок службы не вышел, и Катюша во грехе родилась. Так в пятом годе князь мне бумагу выправил, повенчали нас, а дочка теперь может людям в глаза смело смотреть — нет на ней пятна! Как же я после такого да против воли его пойду?

Анна внимательно выслушала бывшего солдата. Казалось, она утвердилась в какой-то своей мысли, но непонятно было, согласилась ли со Степаном или осталась при своем мнении. Медленно покачала головой и пошла к своей каморке.

Крайнов смотрел вслед кастелянше, пока от тусклого света свечи не защипало в глазах.

Из калитки при княжеском саду выскользнула женщина. Стражник равнодушно посмотрел ей вслед. Ему приказано бабу пропускать, а куда та шастает на ночь глядя — не его ума дело.

Мало кто без надобности разгуливал по столице в столь поздний час даже в самом центре, известные персоны ездили в окружении слуг, и дорогу им освещали факелами. А покинувшая дворец Меншикова особа направилась в глубь Васильевского острова, где проживала беднота, да и то по большей части — чухонцы. То ли тетка видела в темноте, как кошка, то ли дорогу знала на ощупь, но нашла нужный ей домишко без труда. Постояла перед дверью, молитву прошептала и вошла.

В углу убогой комнатки сидела старуха-чухонка. Ее морщинистое лицо почти скрывал едкий дым от трубки. Под потолком на балках были развешаны пучки трав. От их запаха, смешанного с другими — и не самыми приятными, — у посетительницы закружилась голова.

— Заходи, милая, — проскрипела хозяйка, не вынимая трубку изо рта.

Она как будто вовсе не удивилась позднему визиту. Посетительница склонила голову и шагнула вперед. В комнате не на что было сесть, так что пришлось стать прямо перед старухой.

— Помогло средство-то? — спросила та.

— Помогает, да, помогает, только надобно бы еще... Для верности.

— А не боишься беду накликать?

— Да какая же беда, ежели дело устраивается. Но лучше бы...

— Поняла я, поняла, милая. — Старуха, кряхтя, поднялась, пошаркала в угол, порылась там и вернулась с небольшим холщовым мешочком. — Не пересыпай — тут сохраннее будет и не высохнет.

Женщина покорно кивнула, в ладони ее звякнули монеты. Хозяйка сунула плату внутрь своего широкого одеяния, даже не пересчитав. Очевидно, сумма была оговорена заранее, да и подобные посещения были не в новинку ни для чухонки, ни для посетительницы.

Дверь, тоскливо подвывая, захлопнулась, впустив в убогую комнату облачко пара и холодный воздух. Старуха вернулась на свое место и, опустившись на грудь старых тряпок, пробормотала:

— Иди, милая, иди себе. От клевера с крапивой большого вреда не будет никому... Даже тебе, глупая ты баба.

Васятка прикорнул на лавке в покое Степана — доселе иного места во дворце ему не нашли. Пока бывший денщик прочитал молитву, обстоятельно приготовил себе вещи на следующий день, мальчишка уже заснул.

Во сне Степан видел строгое лицо Анны, которая скорбно молчала, сжав полные губы, слышал где-то вдали смех князя — все реже и реже смеялся так радостно и беззаботно Александр Данилович, как в молодости. Кружился Акимка со своим коробом, зазывая покупателей, — одним словом, беспокойно спал Крайнов, неладно.

И проснулся под утро, как часто бывало в последнее время. В комнате темень, через ставни даже первые рассветные лучи не пробивались, только ветер гудел с Невы — совсем рядом река-то, только что о ступени дворца не плещется.

Пока Степан раздумывал, вставать ли, черный люд уже принялся за работу: очаг разжигать, котлы ставить. Крайнов решил сходить на кухню — Глафира сейчас должна будет ночную стражу кормить после смены караула, так можно чайку крепкого испить. Придется Васятку поднимать, да ничего, мальцу полезно работать. Степан свесил ноги с койки и только успел заметить, что Васятки нет на месте, как по первому этажу дворца, по всем людским помещениям пронесся вой, от которого кровь стыла в жилах. Раздался грохот — кто-то от ужаса уронил тяжелый чугунок, к несмолкающему крику добавились возгласы испуганной челяди.

— Свят, свят, спаси и сохрани! Что приключилось? — выскочил в узкий коридор бывший денщик и побежал на звук страшного вопля.

Он доносился со стороны кладовых, которых было несколько: господская, для прислуги, для запасов на долгое время... Там уже толпились люди, переминаясь с ноги на ногу.

— Что за напасть? Вы хотите поднять весь дом? Господ разбудите! — рассердился Степан, расталкивая работников.

Дверь в кладовую для прислуги была открыта. На пороге, прямо на каменном полу лежала кухарка Глафира и, закатив глаза, выла дурным голосом. Рядом валялась погасшая свеча.

— Огня! — крикнул Крайнов и отрывисто начал отдавать приказы.

Его послушались: кто-то сбегал за лучинами, кто-то раздобыл огниво. Схватив свечу и раздав лучины первым попавшимся работникам, Степан зашел в кладовую. Сердце сжалось у старого солдата, хотя смертей на своем веку повидал он, что другой воробьев в небе. На каменном полу, прижав к себе наполовину съеденный пирог, сидел Васятка. Пальцы его рук скрючились, как будто цеплялись за жизнь, сколько могли. Несчастный мальчишка умер, так и не насытившись.

Как всегда аккуратный и суровый дворецкий или, как он предпочитал себя называть, мажордом Ван Келлер опрашивал прислугу. Опрашивал досконально, скрипучим голосом, не выражая никаких чувств. Он не любил общаться с «низкими» людишками, но неожиданная смерть Васятки заставила заносчивого голландца выяснять, как оное безобразие могло произойти во владениях, ему подотчетных.

— Ты, жьенщина, прекрати плакать и по делу говори, — строго посмотрел Ван Келлер на Глафиру. — Еще раз спрашиваю: как сей отрок в кладовую попал? По чьему недосмотру, а?

— Так ить, сударь, — лепетала кухарка, — разве ж за им уследишь? Я ему сколько раз сказывала, чтобы, значит, не смел... Бивала даже. Да, бивала! А он все равно-о-о-о... — из глаз ее вновь хлынули слезы.

— То есть, он часто вытворьял такое, но его проступок не получил достойного порицания! — нахмурился голландец. — Мне не доложили. Мне! Скрыли. Ты, жьенщина, виновна в укрытии и недонесении... Понесешь наказание!

В людскую, куда мажордом спустился для выяснения неприятных обстоятельств — не пускать же «черную» прислугу на второй этаж, вошел повар Гийом. Блеснул на голландца лукавыми темными глазами и негромко произнес:

— Сия особа, позволю напомнить, состоит в моем подчинении, и только я могу...

— Нет, я отвечаю за всю прислугу, и мне решать... — сухо ответил Ван Келлер.

— Тогда придется мне обратиться к его сиятельству, — прищурился француз. — Вот потому я и не могу творить свои блюда! Кругом одни сумасшедшие фанатики. Только что эта ненормальная Перпетуя посмела ворваться ко мне в кухню и поливала все водой, бормотала всякий вздор о чертях, меня оскорбляла! Теперь вы третируете мою работницу, мешаете ей исполнять свои обязанности! Мое искусство не выносит суеты.

— Ваша работница не исполняла свой долг, — голос Ван Келлера стал еще холоднее, — позволяла себе... О, ладно, позже об этом поговорим. Скажи, жьеньщина, а не болел ли чем мальчик?

— Какое болел! — всхлипнула Глафира. — Вон, то и дело есть хотел! Здоров он был. И Анна Николаевна то же скажет. Уж как она не хотела, чтобы он по ночам в кладовую шастал, все уговаривала его не грешить...

— Та-а-ак, все знали, кроме меня. Понятно. Следующий вопрос: пропало ли что из вверенного тебе, женьщина, имущества?

— Чего? — Кухарка перестала плакать и вытаращилась на мажордома.

— Не пропало ли что из продуктов, Глафира? — перевел Гийом, который освоил язык новой родины весьма пристойно и даже читал в часы досуга мудрые вирши Симеона Полоцкого и напевные — боярина Квашнина.

— А-а-а, — протянула несчастная кухарка, — ну да... что-то такое было. Вроде бы небольшого куска окорока, того, что со Святков остался, не было. Кинулась вот сейчас только — ан, нет, лежит на месте. Все, как есть, окромя того пирога... Попутала чтой-то, видать.

Ван Келлер недовольно пожевал губами, подумал и брезгливо махнул рукой:

— Иди себе, работай. Но я с тьебя глаз не спущу, недостойная.

Когда очередь дошла до Степана, дворецкий изрядно утомился, но сдаваться не собирался.

— Почьему ты, Степан, не следил за отроком? — ткнув пальцем в бывшего денщика, спросил он. — Ты не знал, что он ночью уходит?

— Сударь! Я Васятке не нянька, чтоб смотреть за ним, парень-то сам по себе. А сплю я крепко, привык на службе. И что это вы меня допрашиваете? По какому праву?

— По праву мажордома, а ты под крышей сей пребываешь, невежа. В кладовую Василий как проник, а? Ключи у кого имеются?

— Да мое-то дело какое? — насупился бывший денщик. — У меня ключа нет, а почему открыта была кладовая — откуда мне знать?

— Ключи у меня, у госпожи Анны, у нерадивой кухарки, у господина Гийома и боле ни у кого, — нудным голосом перечислил голландец. — Стало быть, кто-то забыл запереть или, — мажордом помолчал, — по злему умыслу не запер... Я должьен понять, что такое случилось, и отчего оно?

— Дела смутные творятся, — пожал плечами Степан. — Вот и стражники лишнего позволяют себе... — и поведал Ван Келлеру о своем разговоре с начальником караула.

— Везде нехорошо, нет порядка — обреченно вздохнул голландец.

— Точно так, сударь, неладное что-то творится, будто...будто накрыла нас тень какая-то...

— Тень сия, Степан, именуется леностью, распущенностью и прочими грехами смертными, более ничьего не зрю непонятного, все остальное можно объяснить.

— Эх, сударь, кабы все так просто было! Я сам не суеверен, а нет-нет, да мелькнет мысль... Лекарь вот сказывает, со страху Васятка помер.

— Ведаю сие, — качнул париком голландец, — но вот не в первый же раз, как выяснилось, посещал отрок кладовую. Почьему помер только нынче?

— Кто же знает? Может, и правда, спугнул его кто. Или что-то померещилось в темноте. Никогда такого не случилось.

— И впредь, случиться не должно, ибо есть нарушение завьеденного порядка, — со значением произнес Ван Келлер.

Возница зря пытался завести беседу с нанимателем: тот сумрачно отмалчивался, а потом и вовсе велел заниматься своим делом. Да и дорога вдоль набережной требовала пристального внимания — того и гляди, кто снесет, да богатые экипажи обходить осторожно надо. Степан, отвадив говорливого кучера, устало рассматривал хмурое небо, ежась в возке от холодного воздуха. Понятное дело, почему челядь меншиковская любит дома сидеть — князь не жалел поленьев, да и печи, почитай, в каждом помещении. Тепло, сытно, чего еще простому человеку надо? Да только нехорошо во дворце княжеском, неладно — после смерти Васятки бабы потихоньку подвывают, лакеи по углам шепчутся, а Перпетуя, ворона блаженная, масла в огонь подливает, о чертях с демонами байки рассказывает.

Потому Крайнов с радостью с поручением князя на биржу отправился. О, там жизнь бурлила, сразу видно, где главное место в столице! Вокруг деревянного здания сновали повозки, разгружая товары с барж, суетились купцы, ремесленники, а вокруг строительство развернулось, не останавливаясь ни на минуту, шутка ли — сам царь то и дело с проверкой наезжает! Степан расплатился с возчиком, не слишком расщедрившись на чаевые — нечего

баловать всякое отрепье, и осторожно пошел по мосткам, чтобы не заляпать платье грязью.

Сердце старого солдата наполнилось гордостью за новую столицу — повидал он мест всяких, а такие чудеса здесь батюшка Петр Алексеевич закрутил, что весь свет дивиться станет, погодите-ка!

Хоть и носилось в воздухе беспокойство, слухи странные о том, что царевич на Москве с отцом своим встретился и бумагу подписал, мол, отрекается от наследственных прав на престол. Но в столице новой как будто о том и не ведали — столько чудес всяких, что ни день, куда тут до смутных и непонятных человеку простому дел наверху, когда вот она — жизнь бурная, настоящая!

Бочком-бочком, а добрался бывший денщик до ступенек биржи, как вдруг кто-то потянул его за рукав:

— День добрый вам, Степан Иванович! Вот и свиделись с вами.

Перед Крайновым стоял, улыбаясь во весь рот, Акимка.

— И тебе не хворать, — буркнул Степан.

— Как дела в ваших хоромах княжеских? Все ли живы-здоровы?

Крайнов помрачнел, болтать попусту он не любил, да еще с чужим человеком. Но на свежем воздухе хорошо так стоять, хоть и сыро, да вдыхать запах свежераспиленного дерева.

— Не все живы, Васятка, помнишь, — мальчонка, помер давеча.

Аким перестал улыбаться и перекрестился.

— Что же случилось? Выглядел парень здоровым...

— Да шут его знает — непонятно как-то. Лекарь осмотрел, сказывал, сердце остановилось... Вроде бы со страху. Кто его знает, может, помешалось ему во тьме что?

— Жаль. А бабоньки ваши, видать, оплакивают мальчика?

— Горюют, — кивнул Крайнов. — Глафира жалеет, что Васятку бивала иной раз, так она же не со зла, только чтобы отвадить от кладовой... И Анна Николаевна очень за ним убивается, как за родным.

— Да, бабье сердце — оно, не в пример мужичьему, мягче будет. — Аким резко сдвинул шапку на затылок и поклонился бывшему солдату. — Привет передавайте дома у себя, скоро зайду с новым товаром — жить-то надо. А слуги Светлейшего князя Меншикова для бедного коробейника — знатные покупатели, богатые!

— Где уж — богатые! — Усы Степана, вопреки его сдержанным словам, топорщились от гордости. — Хотя жаловаться не приходится, по миру не пойдём.

— А может, дочке своей подарочек купите? — помахал лотком Зотов. — Как заметил, свадьба у вас намечается.

— То дело еще не первое, спешить некуда. А вот мне пора, сударь, да и вам нечего простаивать без дела, — и Крайнов запахнул плащ, подаренный княгиней в прошлом году, хороший плащ, подбитый мехом, греет кости старого солдата.

— Ваша правда, Степан Иванович, волка ноги кормят, — еще раз сверкнул зубами молодец и исчез за повозками, только разудалый крик его доносился:

— А вот, налетай, покупа-а-ай!..

Вернулся во дворец Степан, выполнив поручение князя, а доложить и некому — отбыл Александр Данилович в город, а когда вернется — не сказывал.

Выходя из княжеских покоев, Крайнов в кабинете секретаря встретил Анну Николаевну. За небольшим голландским бюро Ван Келлер сверял списки господского имущества с бумагами кастелянши. Анна молча ждала, пока поджавший губы Ван Келлер дотошно изучит все и сведет баланс.

Степан вежливо поклонился, но голландец не удостоил его ответным поклоном — по его мнению, князь слишком много позволял своему бывшему денщику, но терпел солдата в своей части, хотя тот и не подчинялся мажордому, да и никому, собственно, не подчинялся Степан Крайнов, кроме самого Светлейшего.

— Как здоровье ваше, Анна Николаевна? — мягко спросил бывший денщик у кастелянши.

— Благодарствую, сударь, здорова я, — подняла на него покрасневшие глаза женщина.

— На все воля Божья, — тихо заметил Крайнов, — так на роду, стало быть, у Васятки написано было...

Кастелянша отвернулась и, не сдержавшись, всхлипнула. С другой стороны парадной

лестницы отворилась дверь в женские покои, и выскользнула Перпетуя с молитвенником в руке, старым, припрятанным, небось, еще со времен ее почтенного служения в арсеньевских палатах.

— Плачь, голубица, плачь, — проскрипела приживалка. — Нехорошей смертью отрок скончался, темной...

— Двадцать три, двадцать четыре... — забубнил вслух Ван Келлер, — нельзя здесь разговаривать, пошла вон!

— А я пойду, пойду, — сладко пропела Перпетуя, — только ты, касатик, в день Страшного суда не отмахнешься от ангела смерти, ишь, шипит на меня, змей подколодный! — и плюнула в сторону мажордома.

Между ними тут же завязалась перепалка, нередко вспыхивавшая не только в отсутствие князя, но и при нем, на потеху честного народа.

— Нехристь иноземная! — бросила самое страшное свое обвинение Перпетуя.

Красный от гнева голландец отбивался от нападков, как мог:

— Я есть добрый христьянин, в Господа верую, а ты — темная ведьма, я на тебя жалобу подам в Священный синод! Я посещаю лютеранскую церковь!

Посмеиваясь в усы, Степан спустился в людскую. За ним последовала и Перпетуя — она почитала себя победительницей в споре с упрямым голландцем и жаждала общения.

— А что снилось тебе сегодня, Перпетуюшка? — ласково спросила кухарка.

— Ох, голуба моя, видала я сегодня ночью ангела, и он говорил со мной, так, по-простому. Говорил, мол, жди вестей, Перпетуя, много чего случится скоро...

— Так тебе, почитай, каждую ночь ангел является, — хмыкнул Степан. — Тебя, Перпетуя, уже пора в список святых заносить, прямо при жизни!

— А ты не язви, Степка! Не хочешь — не слушай... — недобро зыркнула на него приживалка.

В людскую тихо прошмыгнула Фроська, которая в последние дни выглядела какой-то смурной, больше отмалчивалась, но приживалку она и всегда слушала, а после гибели Васятки просто ходила за блаженной, как тень.

— Вот бродит здесь нечистая сила, помяните мое слово, каждую ночь так и шастает! Васятку черти уволокли, душу его похитили, а тело брренное бросили! За что? За грехи его, да за то, что молиться забывал, так без покаяния и сгинул!

— Ну, ты думай-то, что плетешь! — не выдержала кастелянша. — Какие грехи у парня были? Он и десяти годочков на свете не пожил.

— А чревоугодие? — не осталась в долгу Перпетуя. — Все норовил сожрать, что плохо лежало. Отсюда и грех похлеще — воровство.

Анна не нашлась что ответить — только свела черные брови и сверкнула вишневыми глазами.

И тут на середину людской выскочила Фроська, упала на колени и завывала дурным голосом:

— Ой, простите меня, ой, согрешила! Боюсь я, не жить мне теперь на белом свете! А-а-а-а!

— Ты, девушка, охолонь, да спокойно Расскажи, что случилось, — нахмурилась кухарка, но даже она не очень поверила в вопли о тяжком грехе.

— Какой грех на тебе, Ефросинья? — раздувшись от гордости, спросила Перпетуя. Наконец-то ее слова проняли кого-то.

— Ну, како-о-о-й! — прорыдала Фроська. — Знамо дело, плотски-и-й!

— Да ни в жисть не поверю! — воскликнул Харитон. — Это ж кто решился на такой подвиг, назови нам имя сего богатыря!

— Ах ты, язва болотная! — Глафира шлепнула княжеского лакея тряпкой для мытья полов. — Брысь все отседова! Вам бы только зубы скалить, вон пошли, в этих палатах я княгиня!

В людской остались Степан и кастелянша, Катюша попыталась спрятаться за Анну, но была выпровожена отцом — нечего девке, пусть и просватанной, слушать о плотских грехах. Повара Гийома Глафира выгнать не могла — она у него состояла в подчинении. Француз с удовольствием раскурил трубку и развалился на лавке, собираясь насладиться представлением.

— Так что случилось, Фросенька? — ласково спросила кухарка, плотно прикрыв двери в сени, чтобы шустрые лакеи не подслушивали.

Виновница суматохи, шмыгнув носом и размазав по веснушчатым щекам слезы вместе с печной сажой, хмуро начала:

— Истину сказывала Перпетуя, бродят по дворцу черти али демоны, пес их разберет. Уж моли-

лась я, молилась, а все же не устояла — больно до любви вдруг охоча стала, ну и случился грех.

— Да как же так? Ты, что ль, не девка теперь? — расстроено покачала головой кухарка.

— Да я и раньше ею не была... Но то давно уж было... Три зимы назад, на святочной неделе. Да и то по ошибке вышло... Меня впотьмах плотник Егор с Лукерьей перепутал, но тот грех я давно на исповеди отмолила... А вот нынче — носятся по ночам демоны, нашептывают всякое, это... соблазняют... Вот тогда он и повадился ко мне ходить. И такая у нас с ним любовь закрутилась!

— Да кто же? — хором выкрикнули Перпетуя, Глафира и Степан.

Фроська угрюмо молчала, повесив голову, и боялась называть имя своего любовника.

— Должно нам знать, ты пойми, глупая, — убеждала ее кухарка, — он же тебя в грех ввел, с него и спрос.

— Ничего ему не будет, никто из вас не посмеет... — прошептала Фроська.

— Кто этот негодяй? — не отставала от нее Глафира.

— Ну, кто-о-о! Непонятливые вы! Кня-я-я-язь наш, Сан Данилов-и-ич!

— Врешь! — гневно стукнул кулаком по деревянной лавке Степан. — Врешь, змея! Да как у тебя язык повернулся? Да быть не может такого, чтобы князь, да эта...чернавка? Да при такой власти, коль уж на то пошло, Александр Данилович завсегда себе найдет...кого получше. Я уж не говорю, что княгиня наша, Дарья Михайловна — наипервейшая в мире красавица...

— Ну, кто как — а я девке верю, — обернулась к Степану Перпетуя. — Вы, мужики, знамо дело, друг за дружку горой. А я вот такое знаю, что вам, голубчики, и неведомо. Ефросинья, гришь, не удалая? А вот барышня, Варвара Михайловна, тоже не красавица, не в пример старшей сестрице своей, так ить и ты, Степка, врать не станешь — была она любовницей самого амператора, да и князюшка наш отметился, еще до женитьбы, стало быть, на Дарье Михайловне... Я вот думаю: князь это к Ефросинье приходил, али все же оборотень под личиной княжеской? Что скажешь, девка?

— Князь это был, — уверенно произнесла Фроська, перекрестившись, — не может черт так... — Внезапно она повернулась к Степану и зло выкрикнула: — А че, я хуже других, что ль? Вам-то оно, конечно, не желательно! Не про ваш интерес оно!

— И чего же такого он делал, мадемуазель? — спросил повар Гийом, всерьез заинтересовавшись любовными похождениями под кровлей блестящего дворца.

— Ну, че? Ласково так гладил меня по телу, целовал груди, шептал, что давно такого удовольствия не получал ни с кем...

— Замолчи, глупая, — прикрикнула на нее Перпетуя, — тебе замаливать грехи свои долго придется! Ты вот что, запри сегодня дверь в каморку свою да поленом придави, сундук придвинь. Если это человек — не сможет к тебе пробраться. Ну а найдет тебя в ночи — точно демон это.

Довольная тем, как повернулись события, блаженная погнала Фроську для сурового очищения и покаяния. Кастелянша ушла к себе, не сказав ни слова, а расстроенный солдат не пожелал вступать в беседы с легкомысленным французом, хотя тот и выказывал бурное желание обсудить пикантную историю кухонной девушки.

И снова Степан подумал о том, что неладно как-то стало в великолепном дворце — самом роскошном здании в новой столице. Будто стальное кольцо сжималось над каменным великолепием, над огромными окнами, равнодушно поблескивающими в сторону холодной, но всегда прекрасной Невы.

Прислуга светлейшего князя Меншикова посещала часовню, построенную внутри владений, примыкавших ко дворцу, но на Великие и Престольные праздники отправлялись в храмы новой столицы — это было большим событием в довольно размеренной жизни всех, на кого простиралось покровительство Александра Даниловича.

Гуляния на Масленицу тоже относились к доступным для челяди удовольствиям, и веселиться дозволено было всем, чтобы народ честной видел — живут у князя Меншикова люди получше, чем иные горожане и торговый люд.

Степан отважился пригласить кастеляншу на прогулку, втайне надеясь, что склонит суровое сердце вдовы на свою сторону. Он все чаще задумывался о надвигающейся старости: Катюша

выйдет замуж, маленький Сашенька подрастет, и придет пора ему наукам обучаться. А благодаря князю Степан может зажить своим домишком беспечально, да без жены будет как-то пусто. Анне Николаевне чего ждать-то? Бабий век короткий, лучшего мужа, чем Степан, ей не найти — хоть и в возрасте, а крепкий еще.

Кастелянша приподняла соболиные брови, но отказывать бывшему денщику не стала: так и гуляли чинно рука об руку, а вокруг кружилась неугомонная юная поросль.

— А что, Катерина Степановна, источаю ли я аромат благоуханный? — важно спросил девушку Харитон, небрежно помахивая кистью вокруг своего лица.

— Какой аромат, глупый? — весело рассмеялась Катенька. — Тут столько ароматов, вон, пирожки с мясом пахнут. Очень мне надо тебя обнюхивать!

— Сама ты глупая! — обиделся лакей. — Ничего в обхождении приятном не понимаешь, а кажется, должна бы. Это такая штуковина из самого Парижа! Князю на прошлой неделе в дар прислали.

— Князю прислали, а ты себе, значит, забрал? — нахмурился Степан. — Это кто же тебя пакостить в доме научил?

— Ничего я себе не забирал! Только каплю одну и взял! И что такого, у князя добра этого — как грязи под ногами!

— Вот поймает тебя князь, оттаскает за вихры, и правильно сделает!

— Не, он за это не накажет, сам, поди, охоч... — Харитон не успел договорить, так как перед ним, будто из-под земли, вырос Аким Зотов.

— Давненько не встречались! С праздничком, дорогие мои! Не угодно ли купить чего господам хорошим?

Торговца тут же окружили барышни, и его белозубый рот не закрывался ни на секунду:

— Ох, ты, радость-то какая! Полубуйтесь, какой товар — отборный! А где красotka-то ваша, та — рыжая, я ей от веснушек принес средство верное.

— Да ей веснушки тепереча не главное! Впору отворот шептать да зелья пить, — заржал Харитон.

И веселые молодцы-лакеи поведали торговцу историю грехопадения Фроськи. Имя кормильца, конечно, не всплывало в шуточках, но только глухой не ведал, кем почитает девушка ночного гостя.

— Да вон она идет, со своим Змеем Горынычем! — Парни стали забрасывать Перпетую и Фроську снежками.

— Что, красавица, заберешь мазь-то? А то у меня покупатели иные найдутся! — спросил Аким.

— Нечего ей думать о бренном, — встряла Перпетуя, — не рожу мазать надо, а грехи замазывать. Иди со своим добром иноземным, нам не надобно дьявольских твоих соблазнов.

— Зачем иноземных? Товар наш, российский. Да ты, тетушка, сама проверь, — обиженно встряхнул коробом Аким.

— Крыса амбарная тебе тетушка! — огрызнулась блаженная, косясь глазом на разложенные в коробе вещицы: — Бесовская это забава.

— Это как посмотреть! Порой на первый взгляд одно видишь, а на самом деле все совсем не так... Слышал я, что нечистая сила вам житья не дает? — прищурился коробейник.

— Так не то, чтобы не дает, а вот девка наша совсем извелась, чего только не пробовали! — вмешалась Глафира. — Да и совестно сказать, что черт с ней творит.

— У нечистой силы на любого свой подход имеется. Слабость каждого ей ведома, через нее и в душу проникает, искушает всячески и желаемым будто бы одаривает. Помнится, и мальчонка во дворце помер недавно смертью лихой... — серьезно проговорил Аким.

— А я что сказывала? — важно распрямилась спину приживалка. — И Васятку демоны утащили!

— Не бесы зло творят, а люди обыкновенные, из плоти и крови. А потом переиначивают с ног на голову — называют это добром. Нечистая сила честнее себя показывает! — сжав губы, заметила Анна и, резко развернувшись, пошла в дальний угол сада, где было потише.

Степан хотел пойти за ней, но тут к нему подбежала Катюша:

— Папенька, купи мне сережки, пожалуйста! И помады — чуть-чуть, а то, право слово, меня уж горничная ее сиятельства засмеяла. Говорит, что я совсем простушка!

— И пусть себе говорит! Не слушай этих сорок беспутных... — Крайнов посмотрел в затуманив-

шиеся глаза дочери и сдался: — Ладно, ладно, куплю тебе, показывай, что хочешь-то?

Аким повеселел и принялся болтать с покупательницей, прикладывая к платку разные серьги, давая советы и восхваляя ее необыкновенную красоту. Катюша смеялась и все смелее отвечала на рассыпанные бисером комплименты торговца.

— Почему всегда все так заботятся о Фросе, всякие средства для нее изыскивают, подарки дарят! А меня гонят из людской, ничего мне не рассказывают, — жаловалась Катенька торговцу.

— А это потому, что такой ослепительной барышне не надо никаких средств да украшений — ты и так любого с ума сведешь! Да и заботятся о тебе исправно и батюшка, и Анна Николаевна, к которой ты представлена...

— О, они и правда ко мне добры, но Анна Николаевна всегда сердечно относилась и к Васятке, да и к Фросе — я знаю, сама видела... Тетеньку Перпетую и вовсе за родню почитает, та вот взялась учить ее снадобья готовить, а меня прочь прогнала — не допускает. Ах, вот эти сережки больно хороши!

— Нет, девица, это ты для них слишком хороша!

Харитон, заметив любезничающего с невестой коробейника, вырвался из толпы и подбежал к ним. Тулуп лакея распахнулся, шапку он заткнул в рукав, щеки парня горели огнем.

— А ну-ка, мил человек, руки прочь от чужого добра! — оттолкнул он коробейника и встал между ним и девушкой.

Аким покраснел и в ответ пихнул княжеского лакея в грудь, да так, что тот покачнулся.

— Ах ты, гад ползучий! — завопил Харитон и, скинув тулуп, закатал рукава праздничной рубахи.

Аким, в свою очередь, передал лоток Глафире — не заметно было, чтобы испугался он противника. Вокруг сразу же собрались зрители, радуясь еще одной потехе, но стражники быстро развели добрых молодцев, отвесив обоим тумачков, чтобы знали свое место.

— Попомнишь у меня, — злобно прошипел Харитон коробейнику. — Ноги твоей боле не будет во дворце! Ужо Ван Келлер тебе покажет!

— Эх, паря! А это как я захочу! — усмехнулся Зотов. — Пожелаю, так мышкой серой проскочу или скворцом в окно влечу, никто не проведает! Еще посмотрим, чьей ноге во дворце не ступать! Следи, как бы чего с тобой не случилось!

Праздник праздником, а кормить-то всех надо, и кухарка свое дело исправно делала. Встала на Широкую Масленицу, как обычно — еще до рас-

света, столько ртов на ней! Фроська всегда приходила в это же время на кухню, потому как работы там ей невпроворот.

Глафира даже растерялась, когда девушка не появилась — не лежебока, такую бы терпеть не стали. Выглянула она — в людской тихо, стража еще не сменилась, в кухне даже свечи не зажжено.

Рассерженная кухарка побрела к чуланчику девки со своей свечкой. Толкнулась в дверь — закрыто, чем-то изнутри придавлено. Ах, сами же совет давали — заслон на пути гостя ночного поставить.

— Фроська, вставай, лентяйка! Эй, Перпетуя, растолкай девчонку!

Ни звука в ответ. Глафира заколотила по двери кулаками. Опять тишина. И только припав ухом к доске, услышала она то ли стон тихий, то ли поскуливание щенячье.

— Люди! Люди! Сюда! — понесся по гулким переходам дворца мощный крик кухарки.

Прибежали, кто в чем спал, да еще и босиком. С улицы стражники ворвались, слышав страшные крики. Они же, молодцы дюжие, дверь и открыли, отодвинув ларь. Первые, кто заглянул в чуланчик, чуть сами памяти не лишились, и долго потом еще во сне вздрагивали, страшную картину вспоминая.

На соломе в одном углу лежала Фроська — задранный подол нижней рубахи бесстыдно открывал полные ноги, руки раскинуты, а в открытых глазах — ужас. Но еще больше напугала княжескую челядь приживалка. Перпетуя сидела на небольшом тюфячке, принесенном ею накануне вечером сверху. Одна ее рука сжимала нательный крест, другая — икону, которой она прикрывала голову. Время от времени она издавала тот самый звук, который Глафира слышала из-за двери, и тряслась, как в лихорадке.

— По крайней мере, эта жива! — крикнул Степан Крайнов и велел перенести Перпетую в людскую.

Когда к ней подошли, она закричала — тонко, пронзительно, прижала к впалой груди икону и потеряла сознание. Рыдающая Глафира не знала, куда кидаться — к блаженной, которая, к счастью, была жива, или к несчастной девчонке, которую можно теперь только оплакать.

— Что за напасть? Заклятие какое-то, что ли? — шептались слуги.

Весть о новом несчастье разнеслась в считанные минуты, и все были на ногах, в том числе и Ван Келлер, который спустился в ночном колпаке и чудном наряде поверх рубахи. Он строго следил за тем, чтобы на второй этаж никто не сунулся. Господа так и не вернулись домой с гуляний, но там спали дети.

В людской Перпетую положили на лавку и всеми силами старались привести в чувство. Вокруг, как ни старался Степан, все время кто-то сновал, причитал, а то и во весь голос обсуждал происшедшее.

— Черти, снова черти! И Васятку уволокли, теперь вот Фроську! Несчастья на нашу голову! — рос и ширился хор голосов.

— Господин Ван Келлер, прошу вас послать за лекарем, — обратился Крайнов к мажордому, что случалось редко. Тот подумал и кивнул, согласившись, чего и вовсе ни разу не происходило. На причитающих баб прикрикнули, да толку было мало, только Анна молча хлопотала над блаженной, а помогала ей трясущаяся Катюша, то и дело бросавшая на отца испуганные взгляды.

Через некоторое время мажордому и Степану удалось вытолкать из людской часть слуг, другие немного поутихли, стало спокойнее. Приживалка открыла глаза и пошевелилась.

— Перпетуюшка, — глотая слезы, схватила ее за сухонькие ручки Глафира, — голубушка, живая!

— Да постой ты! — легонько толкнул ее в бок Степан. — Тут о деле надо говорить, а не рыдать в три ручья! Скажи, Перпетуя, что случилось ночью? Ты помнишь?

Блаженная повела запавшими очами и разжала тонкие губы. Лицо ее осунулось так, будто она за ночь состарилась на десять лет и превратилась из бодрой, сытой матроны в дряхлую старушку.

— Демоны, демоны... — прошептала она еле слышно.

— Ты видела демонов? Прямо собственными глазами?

— Все кругом летало, стучало, визжало... Я схватила икону и закрыла глаза, чтобы не видеть. Фроська... Фроська тоже видела, и вот... Меня Господь уберег... Господь... Никогда страха такого не испытывала... такие крики... крики.. Спаси и сохрани! — вконец обессилив, Перпетуя умолкла.

— Ничего не понимаю! — пожевал губами бывший денщик, растерянно оглядываясь.

— Что тут понимать? Сила нечистая одолевает нас, — размашисто перекрестилась Глафира.

— Это все бредни, — пожал плечами Гийом, который тоже присоединился к прислуге. — В этом мире нет ничего непонятного. А что мы считаем таковым — это от незнания нашего, от необразованности.

В этот момент в людскую как-то робко и бочком проскользнул Харитон. Обычно вальяжный и нагловатый, сейчас он выглядел помятым, даже цвет лица поблек.

— Извольте удалиться, не до вас теперь, как видите, — сквозь зубы бросила кастелянша лакею.

— Да я...нет, я ничего, — промямлил парень. — Слышал, несчастье у нас.

— Да, смеяться долго не над чем будет, уж не обессудьте, Харитон Алексеевич, — сухо ответила Анна.

— Я и не смеяться пришел. Скажу вам так, люди добрые: коли Перпетуя говорит, что Фроську нечистая сила утащила, то я ей верю! — Огласив сие утверждение, княжеский лакей повернулся и побрел на второй этаж.

— Чудеса какие, право слово, сам поверю во все сказки, коль уж разум потерял даже наш Фома неверующий, — покачал головой Гийом.

— Нечего терять-то ему, — недовольно фыркнул Степан. — Хлебнул вечор лишнего со товарищи, вот и померещилось спяну что-то. А дела во дворце чудные творятся, темные. Разобраться бы надо да решить: нечистая то сила али рука человеческая.

Расстроенный и сбитый с толку, Степан отдал бразды правления в людской Ван Келлеру и немецкому лекарю, жившему недалеко на острове в немецкой слободе, а сам вышел из дворца. По улицам катились возки, разгуливал народ, то ли рано поднялись все, то ли так и не ложились с вечера. Несмотря на ветер и холод, по льду на

реке переправлялись резво, гулянья разворачивались по городу с истинно столичным размахом. Чтобы как-то занять себя, бывший денщик надумал все же поискать князя и, перебравшись на другую сторону, направился к площади перед новым дворцом, отбиваясь от торговцев, попрошайек и юродивых. Там все гудело, как в улье пчелином, — любит простой народ повеселиться, а по новой моде и бояре вслед за императором нашли вкус к забавам мужицким.

Степан гордился втайне своей зоркостью, с годами глаза его видели так же, как в давно прошедшей юности. Да и на память жаловаться не приходилось, для денщика запоминать лица, чтобы докладывать хозяину быстро да складно, — много значит.

Акимку он опознал сразу же, а вот боярин, с которым тот разговаривал, был Степану незнаком. Хотя нет, видел он его как-то на острове около биржи, и не так давно. Да, почитай, вскоре после смерти Васятки! Ишь ты, кажется, боярин с коробейником вроде бы лается. А может, и не лается вовсе? Вот он что-то купил у Акима, отдал ему монету, а тот ее в короб свой запихнул и поклонился низко, вроде благодаря. Боярин почему-то выглядел недовольным, важно сел в возок и был таков, а коробейник тут же повернулся и быстро зашагал через площадь. Показалось ли Степану, но лицо у него было серьезное, даже чуть ли не испуганное.

— Аки-и-им! — крикнул Крайнов, но голос его потонул в шумном сонме разудалых песнопений, кокетливых взвизгиваний девушек и сотнях других криков.

Расталкивая всех, солдат пытался не отставать от торговца. Удавалось с трудом, ноги все же не сохранили былой силы, а Акимка — парень шустрый, молодой. И зачем ему, Степану, преследовать Зотова? А вот зачем — разворачивается праздник на площади, народ гуляющий прибывает с каждой минутой, а торговец покидает место бойкое, где за один только день может выручить больше, чем за месяц. Странно!

Аким пошел вдоль речушки, берегам которой недавно придали более благоустроенный вид, а скоро, сказывали, все камнем выложат. Вдоль канала стали знатные господа дома строить, каменные палаты вместо деревянных возводить. Вот в ворота одного такого дома и нырнул вдруг коробейник, да так, будто растворился или в мерзлую землю скользнул. Крайнов догадался, что Зотов проскочил через сторожевую будку около двухэтажного дома, по всему видать, богатого.

Потоптавшись на дорожке, он подошел к будке. Там красовался такой видный гвардеец — хоть самому императору в охрану.

— Чего изволите... — оглядел прохожего молодец и, решив, что особого почтения выказывать не стоит, добавил: — дядя?

— Да знакомца, кажись, увидал, вот сюда за-
вернул, — широко улыбнулся Степан. — Давно
с ним не видались... — и, как мог, описал внеш-
ность Акима.

— Не было никого, иди себе, ошибся ты, ви-
дать, — равнодушно ответил стражник.

— Ага, — хлопнул себя по лбу солдат, — не
иначе, как в глазах у меня помутилось... А мо-
жет, и не знакомец это мой вовсе был. — Поняв,
что его, несмотря на почтенный возраст, могут
и послать куда подальше, он вдруг восхищенно
воскликнул: — Ух, ты, дворец экий, зодчего, не-
бось, из самой Европы выписали? Скажи, сы-
нок, чей дом-то сей великолепный?

— А князя Д...го, иди себе, мил человек, не до-
води до греха, — начал проявлять нетерпение
гвардеец.

Поклонившись охраннику, исправно несшему
свою службу, Крайнов пошел прочь, приводя в
порядок нахлынувшие во множестве мысли.

Вот это да! Это же куда Акимка шастает? К тому
самому князю, который приходится царю... Ох,
кем же он там приходится-то по старой царице,
Евдокии Лопухиной? Степан не силен был в род-
ственных боярских летописях, но слухи такие ле-
тали, что переписку сей князь вел с царевичем
весьма оживленную, чем вызвал крайнее недо-
вольствие Петра Алексеевича. А царевич хоть и
подписал бумагу, что отрекается от прав своих на-
следственных, в мыслях своих незнамо что дер-
жит. И шептался люд, что по всей Москве идет ро-
зыск его сторонников и приспешников, и уже мно-
гие близко познакомились с Тайной канцелярией.

«При таких делах какой интерес Акимке в
нашем-то доме? — подумал Крайнов, вспоминая
навскидку все речи коробейника и сожалея, что
не слушал того внимательнее. — Разнюхивает
просто или затеял темное дело? И ведь аккурат,
все эти загадочные события на нас свалились,
как лиходея во дворец дорожку проложил!»

Забыл Степан, что хотел князя поискать по столице, да и дело это, скорее всего, безнадежное. Лучше дожидаться вечера, и перед Ассамблеей словом перемолвиться. Большие возможности у Александра Даниловича, сумеет и подлеца Акимку отыскать, и с родича царского спросить. Он-то лучше всех, пожалуй, знает, что в Москве происходит, да что с царевичем дальше будет. А если уж и он не знает, то одному только Господу ведомо, а на грешной земле — никому.

Мрачнее тучи сидел Ван Келлер в кабинете, с лица даже спал, но глаза его горели злобными огоньками. Перед ним понуро стоял Харитон: очи долу, руки по швам.

— Встань ровно, негодник! — процедил голландец, старательно занеся все слова княжеского лакея на бумагу. Так для порядка надо было, чтобы в любой момент доложить хозяину все собранные сведения. — Я с тобой еще не закончил! Говорь — твои это шутки, пройдоха? Что ты сделял ночью с этими жьеньщинами?

— Богом клянусь — не я это! Да и не спускался вниз, туточки был всю ночь. Почему мне не верите, господин Ван Келлер? — воскликнул Харитон.

— Потому что ловьили тебя на шутках глупых и злых. И старуху эту ты, Харитон, зело не уважал.

— Так и вы ведь, господин Ван Келлер... — Лакей замолчал, мгновенно сникнув под холодным взглядом голландца.

— Так есть, — кивнул мажордом, — но здравый смысл говорит, что я не мог, ибо не замечен был в потехах праздных. А ты, шельма, не однажды на сем попадался.

Харитон угрюмо молчал, но, понимая, что мажордом ответа ждать будет до Второго пришествия, в конце концов, нехотя признался:

— Ну, было дело, шутовал, так ведь не со зла. И чтобы до смерти кого напугать — я же не душегуб какой! И к тому же... согласился с Перпетуей, что нечистая сила у нас водится.

— С чьего бы вдруг так? — окинул лакея презрительным взглядом голландец.

— Ну-у-у, — протянул Харитон и шмыгнул носом как-то совсем по-детски, — это... видел я, стало быть... тоже.

— Что видьел? — не понял Ван Келлер, постукивая пальцами по поверхности стола.

— Ее, нечистую силу, — что же еще, вот сегодня ночью и видел, собственными глазами.

— Ты врешь, негодник, дабы на тьбя не подумали! — возмутился голландец.

— Никак нет. — Харитон поднял покрасневшие запавшие глаза, в которых явственно мелькнул неподдельный ужас.

— Убирайся вон... тебе работать надобно, бездельник! Да позови мне госпожу Анну сей момент.

Анна Николаевна предстала перед мажордомом, как было велено, и заняла место Харитона перед небольшим бюро.

— Вы что-то хотели, сударь? — негромко спросила она.

Кто более внимательный — заметил бы, что ее ледяное спокойствие — всего лишь маска, и события сегодняшние не прошли даром для кастелянши. Но голландец вовсе не ставил себе цель понять, что происходит в душе челяди — его тревожили непонятные события и смерти там, где ничего подобного произойти не могло, права не имело.

— Ты, Анна, что можешь сказать по делу? Почему умерла дьевушка, а старуха заблелье?

— То мне неведомо, — разжала зубы Анна, сложив, как обычно, руки под белоснежным передником.

— Но ты часто ходишь вниз, к этим людям. Для особы твоего ранга сие недопустимая забава. И все же ты их знаешь, понимаешь. Как ты думаешь, что там произошло? Почему вдруг умер отрок в кладовой, а сейчас — дьевушка? Это неправильно, так?

— Неправильно, — эхом отозвалась кастелянша.

— А было ли что-нибудь такое, что странным тебе показалось?

Анна задумалась — высокий лоб под черной косой пересекла морщинка.

— Н-н-нет, разве только... Перед тем, как Васятка... Как случилась первая смерть, у нас появился новый человек — торговец уличный. И стал захаживать к нам, товары разные приносил. Вот как пришел первый раз — так в ночь с Васяткой то

и случилось. Вчера тоже был в садах на гулянье, с Перпетуей разговаривал, с Фроськой.

— И что же? — Мажордом обмакнул перо в чернила и быстро записал слова кастелянши.

— Да ничего, вы спросили — я вспомнила, — пожала плечами Анна.

— Стало быть, ходит во дворъец какой-то прохиндей, а я, старший над всеми вами, знать не знаю? — подвел итог Ван Келлер. — Всех вас гнать в шею надобно прочь! Я еще и с начьяльником стражи разговор иметь буду. И с остальными. Виноват ли этот... как его?

— Аким Зотов торговца этого зовут, — равнодушно бросила Анна.

Мажордом аккуратно занес имя коробейника в свои бумаги.

— Виноват ли этот Аким Зотов — как знать? Но все это достойно передачи в канцелярию, коя все темные дела расследовать обязана!

Уж к вечеру добрался Ван Келлер и до Степана. Не было у того никакого желания беседовать с мажордомом, но голландец сделал вид, что не замечает настроения Крайнова.

— Я поговорил с начальником караула — наказал он охальников, которые, на страже стоя, вина напились, — сурово процедил голландец.

Степан смотрел исподлобья и молчал, не понимая, чего от него хотят.

— И случилось это неприятное событие как раз накануне, как мальчишка помер — вижу здесь некое совпадение.

— Да именно, сударь, что совпадение, но вы даром лясы точить не привыкли, стало быть, в мыслях что-то держите, так уж и скажите, не тяните-то кота за хвост.

— Не поньял я про кота, Степан, — нахмурился мажордом. — А еще побеседовал и с самими стражниками. Они упорствуют — не пили ничьего, поверь, что спрашивал я их с пристрастьем. А вот перед тем, как заступили в караул, взяли кое-что из кладовки, дабы время быстрее прошло. Кусочьик того, кусочьик сего...

— И что же? — все еще не понимал Крайнов. — Здоровы жрать ребята, молодые, живот все время подводит... — Он внезапно замолчал, вспомнив, что сам то же самое говорил про Васятку.

— Видишь, что выходит? — важно кивнул Ван Келлер. — Людишки темные могут на демонов грешить, а мне сдается, что тут рука человьеческая... И даже могу назвать — чья рука сия.

— Нешто думаете, сударь, что шалит наша блаженная? — с удивлением воззрился на голландца Степан. — Да какой ей прок-то? Да и сама Перпетуя вроде как пострадавшая — чуть жива осталась.

— О, тут много есть, что ответить — да хоть ума последнего баба лишилась, а обмороки и прочие — так на то женщины первые лицедейки, при-

творяется. Следить нам с тобой за ней нужно. Поэтому к тебе и обращаюсь, никто больше мне не поверит ... Да и ты, гляжу, не слишком доверяешь, — невесело усмехнулся Ван Келлер.

— Что ж, поглядим. В притворство тетки, ваша правда, не верю, но поглядим, чай, разберемся — что да как. А то житья совсем уж не стало: хоть черти, хоть человек, но делишки сии нам ни к чему.

В знак согласия мажордом важно качнул пышным париком и отпустил бывшего денщика, посчитав, что заручился его поддержкой.

Ассамблея в Меншиковском дворце привлекала множество народу, и получить приглашение от Светлейшего было лестно всем, хоть боярину, хоть послу иноземному — все хотели побывать в доме, равняться с коим не могла пока даже резиденция самого императора. По столице болтали о чудесах разных, о дивной зале с мраморными колоннами, о множестве невиданных красотах заморских. Да все и было это, да и много еще иных во дворце затейливых вещиц находилось. К вечеру расстелили ковры по улице прямо к парадному входу, а лакеи в напудренных париках колонной выстроились вдоль дорожки и лестницы. В ассамблейной зале прогуливались господа, играли музыканты, спрятанные в специальной надстройке под потолком. Прислуга же могла полюбоваться на праздник либо с третьего этажа, либо через щелочки дверей, когда лакеи носили напитки.

Степан не стал подсматривать: и несолидно ему это было, да и неинтересно. А еще пораздумывать надо бы на досуге, осмыслить разговор с князем. Александр Данилович не сильно обескуражился неожиданной смертью кухонной девки, спросил только, не скончалась ли та от отравления. А на этот вопрос вся челядь как на духу могла ответить отрицательно, ибо ничего не ела Фроська целый день — Перпетуя ей запретила, велела отказать себе в удовольствии за грехи плотские.

Как только узнал князь Меншиков об этом, так и потерял интерес к кончине несчастной Фроськи. Когда же Степан обстоятельно и неспешно, несмотря на понукания хозяина (спешил тот одеться к Ассамблее), поведал историю о торговце Акиме и его подозрительных знакомствах, глаза Светлейшего недобро блеснули, и он язвительно усмехнулся.

Подумал князь, померил шагами кабинет свой и попросил Крайнова сохранить в тайне сведения, а Акима прочь от дворца не гнать, пускай приходит. Да проследить, какие у коробейника тут затеи нарисуются.

Почесал Степан затылок и решил, что Александр Данилович прав — ничегошеньки они про Зотова не знают, ладно, отвадят его от дома, так с другой стороны змей какой-нибудь приползет, но то уже окажется никому не известным. Стало быть, Зотова придется привечать, дабы понять, что негодяю сему надобно.

— Что лекарь-то сказывал о Перпетуе? Что с ней? — спросил Крайнов дочку Катеньку во время Ассамблеи.

У девушки щеки пылали, так впечатлило ее зрелище бала, великолепных дам и кавалеров, и подпрыгивала она в такт музыке, разносившейся по всему дворцу, старательно подражая Машеньке и Сашеньке, которых итальянец обучал танцам и галантному обхождению.

Катюша сразу сникла, вспомнив о печальных утренних событиях.

— Ах, сказал, что тетушка Перпетуя здорова, скоро оправится — испуг, мол, сильный с ней случился. Так страшно, батюшка! Взаправду нечистая сила приходит? Я каждую ночь молюсь, молюсь, а теперь еще пуще стану.

— Молиться — оно всегда полезно, дочка, — погладил по голове чадушко свое Степан. — Если что тебе покажется странным, а более того, страшным, сразу ко мне беги ... — Он помолчал и добавил: — Или к Анне Николаевне.

— Так и сделаю, знаю, что у Анны Николаевны сердце доброе, она Фросю вроде и не любила, но это так, видимость только... А уж как она за Васяткой горюет!

— Да, дочка, она такая, — быстро прервал Крайнов сумбурный, но идущий от глубины сердца рассказ девушки. — Иди себе, милая, а я на «боковую». — Он поднялся, поцеловал Катюшу, и она тут же убежала к себе.

Первое утро Великого поста не терпит суеты и праздности, должно его встречать со смирением и пониманием того значения, что несут с собой предстоящие недели. Да и события вчерашние во многом способствовали тому, что челядь меншиковская тихонько по дворцу сновала, а если и болтали о страшных вещах, так только шепотом и мимоходом, пока не видит

строгий мажордом или еще кто из высшей прислуги.

Когда один из стражников доложил Степану, что в людскую просится торговец Аким Зотов, он нахмурился, подивился про себя наглости молодца, но, вспомнив указания Александра Даниловича, самолично пошел к воротам, чтобы провести супостата во дворец.

— Что надо, друг сердечный? Али не знаешь, что праздники закончились, время сейчас не для посещений да застолий? — строго спросил он коробейника.

Бойкий молодец сорвал с головы шапку.

— Понимаю, Степан Иванович, но слышал я, что вчера у вас беда приключилась, девушка померла, а тетенька ваша, та, что на монашку похожа, тяжело больна.

— Да тебе-то что за печаль? — пожал плечами бывший денщик, не желая просто так сдавать поле боя.

— Да постойте, дядя, что вы меня все гоните? — обиделся коробейник. — Никакого зла я причинить не желаю никому из вас. И девчонку жаль, и тетку — до слез, напомнила она мне родную мою бабку, просто мочи нет. Еще вчера хотел ей подарочек сделать, да не успел — завертелся. Проведите меня к Перпетуе вашей, хочу ее порадовать, не зверь же вы, в самом деле!

Посопел Степан, потоптался, поерзал плечами и буркнул:

— Ладно, проходи, только не шуми, сам понимаешь...

В людской Аким вежливо со всеми поздоровался и, правда, вел себя тихо, хотя короб у него с собой был, но товар предлагать не стал, приговорки свои не горланил и всем видом показывал, что душевно разделяет печали дома сего.

Глафира не выдержала и расплакалась, вновь переживая вчерашний ужас, Аким ласково успокаивал ее, поглаживая по руке, как родную.

Степан вызвал кастеляншу и попросил ее отвести торговца к Перпетуе, ему на женской половине появляться негоже.

— С чего бы вдруг? — рассердилась Анна. — И не подумаю чужого человека по дворцу водить, даром, что господ в храме. Кто он таков, этот Аким?

— Не сердчайте на меня, уважаемая, за странную просьбу, но выполняю я указания нашего князя и вам советую то же делать. Вы уж должны знать, кажется, что ничего плохого супротив Сан Даниловича я бы не позволил себе совершить. Прошу вас сделать, что сказал. И еще просьба к вам немалая — все равно Перпетуя меня выгонит, так вы посмотрите там за удальцом нашим, что делать будет. Да Катерину мою тоже возьмите — при стольких-то людях, чай, ничего худого не сотворит.

— Хорошо, — прикрыла глаза ресницами кастелянша, — полагаю, что вы меня не подведете под монастырь, Степан Иванович.

— Да Господь с вами! — обиделся бывший денщик.

Анна Николаевна сложила руки на груди и стала ждать, пока Аким наговорится со всеми желающими, правда, Ван Келлер быстро навел порядок и разогнал любителей лясы поточить, когда работы невпроворот. Мажордом получил ясный указ от князя: Степану Крайнову поперек пути не становиться и препятствий не чинить. А потому челядь так и не узнала, что думал голландец о несвоевременном появлении во дворце шустрого торговца.

Кастелянша повела Акима на женскую половину, проследив, чтобы на пути никто не попался. Всех горничных и мамок загнали в их светелку, даже карлиц отправили на третий этаж, где им были выделены покои. Зотова заставили снять сапоги и тулуп, да Степан лично обыскал его, не доверяя на слово, что ни оружия, ни чего другого у него нет. И правда, чист был Акимка.

Шагая по великолепным покоем, коробейник не скрывал любопытства, рассматривая удивительной красоты стены, печи с голландскими изразцами, а в китайском покое не удержался и присвистнул, протянув руку к шелковым обоям, разрисованным диковинными картинками.

— Ну? — строго прикрикнула на него Анна, а Катюша, замыкавшая их небольшое общество, тихонько хихикнула.

— Прощения просим, никогда красоты этакой не видывал, — восхищенно прошептал коробейник.

— Нам сюда, — сухо ответила Анна и провела его в комнату, которая предшествовала покоем Варвары Михайловны Арсеньевой — барыне в столице известной и почитаемой всеми, начиная от самого государя.

Главное, что поразило Акима в этих покоем — это даже не роскошь особая, а тепло невиданное. На улице стужа лютая, а здесь — лето, да лето какое-то даже не здешнее, а, право слово, райское.

В дальнем углу выделили часть для Перпетуи, к которой и княгиня, и сестрица ее действительно питали добрые чувства в память детских лет своих в доме у бабушки. Хорошо жилось блаженной — и кровать с периной, и окошко в сад. От остального помещения ее уголок отделял тяжелый занавес, и казалось, что у Перпетуи своя светелка имеется.

— Это кто? — простонала приживалка со своего ложа и приподняла голову. — Тьфу, зачем вы мне привели этого шалого? Анна, ты никак ума последнего лишилась!

Аким присел на маленькую скамеечку возле кровати.

— Ш-ш-ш, тетенька, я — друг и пришел вас проведать в трудный час.

— Пришел полюбоваться на мои несчастья? — на увядших щеках Перпетуи вспыхнул румянец.

— Что вы, тетенька, сочувствие пришел выказать. Вот, подарочек вам принес.

— Сгинь ты со своим подарочком! — просипела приживалка, отворачиваясь к стене.

— А вот, посмотрите, не побрезгуйте — не обращая никакого внимания на холодный прием, ласково пропел Аким и протянул небольшой пузырек к лицу Перпетуи, — елей из самого Успенского собора!

— Ну? — не выдержала блаженная. — Не брешешь?

— Вот те крест! — истово перекрестился торговец.

— Спасибо тебе, вьюнош! — В глазах приживалки блеснули слезы. — Вижу, душа у тебя все же еще к спасению тянется.

Анна несколько раз давала понять, что визит затянулся, им с Катюшей пора делом заниматься, но Аким и Перпетуя, как старые приятели, встретившиеся после долгой разлуки, все не могли наговориться всласть. Зотов нижайше попросил тетеньку дать ему мази от больного горла, сказав, что ничего ему не помогает, но в эту мазь он верит. Перпетуя отдала всю баночку, махнув рукой:

— Тут все умные стали, старые добрые времена позабыли! Надеются на иноземных лекарей, на нехристей! Забирай себе все, касатик, тебе дарю.

— Хватит, все! — не выдержала Анна. — Или хотите, чтобы господа вас тут застали? Уходи, добрый человек, чай своих дел — до следующей зимы не переделать!

— Благодарю вас, бабоньки! — Аким положил баночку с мазью за пазуху и, поклонившись, покинул Перпетую, обещав вскорости поведать о том, могла ли ему мазь.

Постепенно, но жизнь дворцовой челяди налаживалась. И хотя болтовня о чертях и демонах то и дело доносилась до Степана, дела иные отвлекали всех, и его тоже, от событий печальных. Фроську похоронили и отплакали, Перпетуя шла на поправку, хотя избегала рассказов о пережитых ею ужасах, но, по крайней мере, уже не шарахалась от каждой тени. Одно отметили молодые слуги — стала она потише и уже не так горячо преследовала «иродов». За то и получала в отместку насмешки и шутки удалых молодцев. Один лишь Харитон выступал в защиту Перпетуи, что несказанно удивляло всех, включая и саму блаженную.

Крайнов не знал покоя, ломая голову, как проявит себя Аким Зотов. Доложил князю о появлении коробейника во дворце, но более ничего рассказать не смог. Князь выслушал верного слугу, хлопнул его по плечу, сказал, что полностью ему доверяет — пусть ждет, что дальше будет, да думать забыл о странном чужаке. Правду сказать, других дел у Светлейшего — не то, что у простого человека! Слухи ширились, что «московских» тайно привозят в столицу, тут допрашивают, пытаются: что против императора злоумышляли, да кто с царевичем в сговор вошел. Кругом измена! Где ж тут в домашних делах копаться.

Ой, не верил Степан Акиму! Все для отвода глаз, и посещение больной приживалки, и подарочки его, коими не только блаженная оделена была, а и кухарка. Кастелянша от попытки подлизаться гордо отказалась и Катюше не велела брать, за что Крайнов был ей несказанно благодарен. Но коль подозрения насчет Акимки не подтвердились, оставалась только ждать.

И вот через две недели после страшной смерти Фроськи Степан получил сведения о хитром коробейнике. Слуги во главе с Перпетуей вернулись с утренней службы.

— Ты сегодня задержалась в храме, Перпетуюшка! О здоровье своем подумай, голубушка! — Глафира поднесла блаженной кружечку чая.

В людской было шумно, утро воскресное, хоть и в Великий пост, а все же возможность послабления: лакеи и стражники, свободные от караула, не собирались тратить времечко зря, да и бабы уже вернулись из церкви.

— Встретили знакомца нашего любезного, Акима вашего ненаглядного, — недобро усмехнулась Анна, которая тоже ходила с приживалкой.

— Об чем балакали? — насторожился Степан.

— А тебе неинтересно будет, Степка, — бросила приживалка. — Аким — парень не тебе чета, душа у него чище снега. И в Бога верует, не то, что вы, оканные. Всех вас вижу, змеи подколодные, все про вас ведаю! Ужо поговорим кое с кем по душам, выведу на чистую воду! Всех выведу! Еще посмотрим, как ты, для примера, Степка, запоешь, греховодник! Молиться надо всем святым угодникам за все грехи...

— Верно, — спокойно прервала кастелянша несмолкаемый поток непонятных угроз и скупой улыбнулась бывшему денщику, — беседовали о молитвах, какая от чего помогает, как к святым обращаться...

Подивился Степан странной причуде коробейника, но, верно, была у того какая-то задумка, иначе зачем ему обхаживать блаженную? Ох, и шустрый, ох, и пронырливый этот Зотов!

— Отдохни, Перпетуюшка, устала, поди? — хлопотала над приживалкой кухарка Глафира.

— Маленько, — важно согласилась приживалка, — пойду, прилягу. А на вечерню пойду в часовню, хоть здешний батюшка и больно гоношистый.

— Да ты, Перпетуя, скоро на коленях мозоли натрешь! — загоготали парни, ожидавшие завтрака — постный, а все утробе радость.

— Молчать, злодеи! — рассердилась Глафира, а блаженная просто махнула рукой на шутников и буркнула, что расплата придет. Но без прежнего пыла, утомленно, как от надоевших мух отмахнулась.

Вечеру и впрямь пошла она на службу. К часовне пройти надо было через сады, в глубине которых стояли нужники, куда в теплое время года бегала челядь, да и зимой бегали, как миленькие. Время от времени ямы чистились, и только избранные пользовались нужником, расположенным непосредственно за дворцом, — сам Ван

Келлер да некоторые другие. Князь, как и император, охочий до заморских изобретений, построил к нужникам подводку с водой, нагреваемой от специального котла, чтобы не замерзали по зиме — как у голландцев.

Глафира, почитавшая Перпетую чуть ли не святой, надумала приживалку подождать со службы, чтобы накормить да выказать той уважение, столь важной особы достойное. Приготовила теплый сбитень да хлебушка немного. Села перед свечкой и стала ждать блаженную. Ждала-ждала и задремала, умаявшись за день. И не заметила, как догорела свеча, как холодный рассвет плеснул в небольшое окошко, как проснулись самые ранние птахи, среди которых обычно она и была первой. Сморило бабоньку, и еще спала бы, если бы не разбудил ее топот ног и вопль ворвавшегося в черную кухню Харитона:

— Святые угодники! Беда! Беда!

— Все шутишь, горлопан! Ночь на дворе, а он веселится! — подскочила Глафира.

— Окстись, тетка, утро уже! И какое тут веселье? — вытаращил и без того круглые зенки лакей. — Беда, говорю! Несчастье страшное!

— Ох, что случилось-то?

В недобром предчувствии кухарка схватилась за сердце, ноги подкосились — нутром понимала добрая Глафира, что даже такой шут гороховый, как Харитон, а какую-никакую совесть в душе имеет. Знать, и, правда, случилось что-то ужасное.

— Перпетуя... Перпетуя в нужнике утопла! — хрипло выдавил Харитон и обессилено опустился на лавку.

Как произошло такое с блаженной — поняли не сразу. Побежали за батюшкой, тот подтвердил — приживалка отстояла вечерню, после — свечи ставила, перед иконами тихо молилась. Ее не гнали — да в часовне и забыли, когда двери запирали, а служба уснул на лавке и не видел, как Перпетуя уходила.

Стражники, обходившие сады караулом этой ночью, были немедленно призваны к Ван Келлеру. Один из них вспомнил, что мелькнула в темноте какая-то тень. Он пригляделся: баба к нужнику шла — ничего удивительного. Время гвардеец точно сказать не мог, поздно уже было. Тут бы, казалось, картина прояснилась: возвращалась Перпетуя из часовни, по нужде завернула. Там, в темноте, поскользнулась на ледяной корке, покрывавшей дощатый пол, и погибла смертью страшной в нечистотах. Время от времени происходило подобное: кто по пьяному делу, кто по неосмотрительности проваливался в ямы. Ван Келлер подумывал уж сплести гибель приживалки на несчастный случай, да и никакого сходства со смертями Васятки и Фроськи не было выявлено. Но тут...

— Ой, батюшки! Ой, горюшко! — в небольшом сарайчике при часовне заголосили бабы, которых наняли обмыть тело новопреставленной.

Прибежал Степан, который как раз вернулся с прогулки: Сашеньку на салазках по Неве катали под присмотром старого солдата. Успокоил кое-как баб, и они ему рассказали, а после и показали печальную находку. Как обмыли они тело Перпетуи, так и увидели на лбу ее пятно темное. Со страху приняли поначалу за печать — ровные края пятна и правильная форма даже их на эту мысль навела. Но потом разобрались: синяк это.

Крайнов нагнулся и внимательно рассмотрел лоб и лицо приживалки. Похоже, будто ударили ту сверху вниз чем-то довольно тяжелым, отчего она вполне могла потерять сознание и упасть в яму, или спихнули ее аккурат после удара.

Степан — мужик был сметливый, за то и попал когда-то в вестовые, а вскоре и денщиком стал у князя Меншикова — неповоротливый мозгами-то не задержался бы на службе. Успокоил старух, что-то им наплел и велел завершить то, для чего им деньги немалые заплачены. А сам присел на лавочку в саду, постелив тулуп на холодный мрамор, и задумался.

Если в случаях с мальчишкой и Фроськой для него все было покрыто мраком, то тут сомнений никаких: ударили Перпетую по голове. Случайно? Учитывая, что дело происходило ночью — такое допустимо. Но сам Крайнов в это не слишком верил. Второй вопрос: а чем ее ударили? Что могло оставить такую странную отметину?

Тут бывший денщик вскочил и помчался к нужнику, как собака, взявшая след. Может статья, ничего там и нет, но вдруг? Собственно, он не представлял себе, что надо искать, да и надо ли?

Оглядевшись, Степан начал осторожно раздвигать ветви кустарников, посаженных вокруг в изрядном количестве. Прямо за сколоченным из старых, но крепких досок нужником среди обна-

женных веток что-то темнело. Он нагнулся, стараясь не зацепить предмет, рассмотрел его и задумчиво потер подбородок. Что же делать? Куда идти? Дело-то серьезное, не отмахнешься, да и на нечистого не сошлешься. По зрелому размышлению пришла Степану в голову только одна мысль, и она ему не нравилась. Вернее, ему не нравился человек, от которого можно было получить не только дельный совет, но и помощь. Вздохнув, Крайнов призвал гвардейца, велел охранять место, не дав труда объяснить, зачем, и направился во дворец.

Ван Келлер восседал за своим бюро в дубовом кабинете — красивое помещение, но голландца здесь устраивало прежде всего удобное рабочее место и огромные окна, через которые дневной свет даже в хмурые дни позволял до захода солнца читать документы и вести записи.

— Что тебе надобно? — сухо спросил мажордом, бросив на Степана быстрый взгляд и возвращаясь к написанным строчкам.

— Это по поводу смерти Перпетуи, вы бы со мной спустились в сад, сударь.

Ван Келлер удивленно приподнял брови и хотел, было, возмутиться, но что-то в лице солдата его насторожило, он кивнул, аккуратно сложил все бумаги в ящик бюро, запер их и ключик на цепочке спрятал в карман черного камзола. В полном молчании голландец и Крайнов добрались до нужника, после чего Степан отпустил гвардейца.

— Вот, извольте узнать, сударь мой, — и бывший денщик поведал мажордому о синяке на лбу Перпетуи, точно описал его форму, после чего указал на кустарник.

Ван Келлер слушал внимательно, не перебивая, и по ходу рассказа Степана все больше мрачнел.

— И ты думаешь, что это и есть та вещь, которой старуху по голове ударили?

— Да похоже на то. Посмотреть бы надо, что за штука. — Крайнов извлек из куста небольшой, но очень тяжелый предмет. — Ух! Это же называется... как бишь его?

— Сие называется «пресс-папье». — Голландец внимательно осмотрел находку. — И вещьчка мне знакомая, — кивнул он, убедившись в правильности своей догадки.

— Эх, сударь, тоже мне открытие! Я и сам множество раз видал эту штучку на столе у его сиятельства, — хмыкнул Степан.

— Да, она из набора, что князю подарен в прошлом году послом английским. Но как пресс-папье тут оказалось? Кто-то украл оное из кабинета его сиятельства! Что за дела творятся в этом доме? Кругом разбойники и воры!

— Но зачем тащить сюда пресс-папье и бить им по голове несчастную бабку?

— А мы еще проверим — им ли ударили. Надо приложить его к синяку, и после этого станем делать выводы, так?

Степан вынужден был согласиться. Скрипучий и нудный голос голландца раздражал его, как, впрочем, и всех остальных. Но нельзя было не признать, что мыслил тот довольно здраво.

Через двадцать минут они вернулись во дворец с новыми сведениями и осознанием масштабов происшедшего. Ван Келлер приказал подать в кабинет горячий шоколад и не только не стал по своей старой привычке гнать Степана прочь, но и снизошел до того, что предложил тому сесть.

— Вот, стало быть как, сударь: ударили Перпетую по голове, убили, выходит. Баба она, надо сказать, сквалыжная была, но чтобы так... — покачал головой Степан.

— И, тем не менее, факт мы установили: ее убили. Как — понятно. Но вот зачьем?

— Так я же вам, сударь, об чем толкую? Баба она была... — Степан замолчал и посмотрел на вскинувшего брови Ван Келлера: — Ну да, верно, мало ли на свете бабенок стержозных — не убивать же за это... И зря погрешили вы на блаженную нашу — никому она зла не сделала.

— Что не доказано фактами, а является лишь гипотезой, на веру принимать не должно, — согласился мажордом, но заметно было, что недоволен он, что-то беспокоит его, тревожит. — Есть еще вопрос немалый. — Голландец достал из ящичка свои бумаги. — Не мне, конечно, приказы его сиятельства обсуждать, но некий... Аким Зотов ведь повадился ходить к вам, и даже по дворцу его как будто водили — немисливо! Так?

— Водили, и что же? Но тут дело такое: как только этот самый Акимка у нас появился, так и началось...

— А, про то знаю, — поджал губы Ван Келлер, — госпожа кастелянша мне сказывала.

— Да, Анна Николаевна изрядное беспокойство по поводу торговца этого ушлого выказывала.

— И, тем не менее, мне доложила только постфактум, — в голосе мажордома прозвучало негодование.

— Что, простите, доложила?

— Не важно. Юношу сего взял я на заметку. Но мог ли он убить старуху?

— Ну, сударь, положи руку на сердце — зачем ему было ее по голове бить? Он же к ней дорожку протаптывал, зачем-то Перпетуя наша ему понадобилась.

— Вот! — Ван Келлер поднял вверх указательный палец. — В старухе союзницу искаль, она ему живая нужна. И мог ли он во дворец пробраться ночью?

— Допустим, сама Перпетуя его и могла пустить тайно для каких-то целей неблагоприятных. Ну, так, а ее-то тогда какого чер... зачем убивать? И потом, я давно за ним наблюдаю — нет, не нашел он еще сюда ходу.

— И что это все значит, а?

Вопрос подразумевал, что доводы бывшего денщика мажордом принял. Степан растерялся — он еще не до конца понял, куда клонит упрямый голландец, но смутные подозрения уже тревожили его честное сердце.

— Понимаю, сударь, понимаю... Так выходит, что ударил Перпетую по голове кто-то свой, домашний...

— Именно так, герр Крайнов, — подвел неутешительный итог Ванн Келлер, впервые удостоив старого солдата благородным обращением. — Я опрошу всю прислугу, досконально опрошу, бьез всяких увьерткок! Надобно выяснить, кто посмел взять вещь со стола его сиятельства. Вижу в сем поступке злой умысьел!

— Да-а-а, это уж ни в какие ворота! Неужто хотели... страшно сказать... на князя нашего тень кинуть?

— Это смьешно! Зачьем князю бить по голове жалкую старуху? Самому! Когда стоит ему только пальцем пошевеливить — и... — Ван Келлер провел рукой вдоль своего горла над белоснежным воротником. — Это нелогьично, так?

Крайнов глубоко выдохнул, потому что возмущению его не было предела: рассуждать об Александре Даниловиче, как о любом ином! Спасибо, хоть догадался не обвинить кормильца.

— И мысляю я так, что у челоувьека этого просто не было времени искать что-то другое. В саду камней нет — это всьем известно. В доме взять что-либо незамьетно сложно. Ничего из своих вещьей он использовать не мог. Вот и схватьил то, чем можно ударьить, и пропажу чего не сразу заметьят. Мое пресс-папье — нет, челоувьек знает, что я аккуратен и слежу за вещьями, но князь... — Голландец пожал плечами, давая

понять, что безалаберность Александра Даниловича, увы, выходит за пределы его понимания и круга обязанностей.

Поразмыслив, Степан согласился с мажордомом, хоть и не без оговорок, ибо по-разному видели они если не саму картину происшествия печального, то ее трактовку.

Ван Келлер предложил осмотреть закуток Перпетуи, пока княгиня не распорядилась все там убрать. Пользуясь властью, он выгнал оттуда всех любопытствующих, шнырявших в поисках, чем можно бы поживиться из добра приживалки.

Копаться в вещах бабских было неприятно старому солдату, но он чувствовал, что в чем-то голландец прав — жизнь блаженной оборвалась неожиданно, а за этим стояли какие-то дела мутные. Баночки и скляночки понюхали, в руках повертели, да собрали вместе в кладовую. Перерыли перины пуховые, подаренные княгиней, и среди них внимательный Ван Келлер нашел смятый листик, будто вырванный из какой-то книги. Между строчками печатными от руки были вписаны буквы — вкривь и вкось. Он протянул его солдату:

— О, ничьего не понимаю. Не разберешь ли, Степан?

— Так я, батюшка мой, не силен в чтении да письме, вот дочка моя — та больно шустра, — не без гордости ответил Крайнов.

Вызванная Катюша, притихшая и заплаканная, предстала перед строгим мажордомом.

— Читай, девьица, что тут сказано, в сих каракулях?

— По одному золотнику мелиссы, мяты и цикория, да столько же корицы и на шкалик заведенного цикория, а жасмина щепоть, — медленно продираясь через малопонятные значки, прочитала Катя. — Ах, это, наверное, какие-то снадобья, у тетеньки Перпетуи их было множество. Да, вот еще что-то приписано, — девушка наморщила лобик, — дабы отвратить мужа сего от недостойной девы в чай добавлять и такие слова молвить... —

Катюша залилась краской и смущенно произнесла: — Тут дальше уже совсем буквы расплылись.

— Ишь ты, блаженная наша отвороты делала, — усмехнулся Степан. — Интересно — кому?

— Что есть «отворот»? — заинтересовался Ван Келлер.

— По молодости, помню, девки да бабы сим баловались. Чтобы, значит, мужиков держать при себе, чтобы на сторону не глядели, на других баб, в смысле.

— А-а-а, — догадался мажордом, — суеверия варварские. Просил ли кто ее или по своей охоте творила такие дела покойница?

— Могу ли я идти? Мне надо до вечерней службы еще многое успеть, — присела в книксене Катюша.

Ван Келлер, забрав листок, отпустил ее.

— Вот видишь, Степан, баба всякие зелья варила, добавляла куда-то. А как они на человека подействовать могут?

— Так все, что Катерина назвала, весьма безобидно, вреда от этого никакого нету. Разве только слова тайные чары навести могут.

— Че-пу-ха! — отрезал голландец. — Слова ничьего не могут! Но зелья — вполне. Могла покойная особа девку опоить, что та скончалась?

— Нет, сударь, тут другой замах. Фроська-то наша чая не понимала и не пила никогда. А мы все — от общего котла брали. Это надо смотреть, кому у нас чай отдельно подают.

— Мне и, разумеется, его сиятельству. Более никому — из мужчин. А на листке ясно написано: «дабы отвратить мужа». Я неправ был, когда о девице говорил. Покойница зелье подливать должна бы особе мужеского пола, так?

— Ну, не князю же! — возмутился Степан, но, призадумавшись, добавил: — А ведь Перпетуя могла подумать, что к Фроське все же князь ходит, а не черт, вот и готовила всякую дрянь...

— В ваших темных душах разобраться трудно, но надобно из хаоса порядок создать — вижу в сем свой долг. Потому как зло множит зло, а так продолжаться не может, — сквозь зубы процедил Ван Келлер.

— Ваша правда, сударь, да только по мне бы больше, чтоб никто не погибал смертью лютой — и то хорошо. А что неладно во дворце, и сам вижу. Эх, кабы все скорей завершилось бы! О том и Бога молить стану, — вздохнул старый солдат.

Спал Степан беспокойно, что-то чудилось ему во сне, то шорохи какие-то, то голоса. Все от череды непонятных событий: то забывался тяжелым сном, то просыпался. И сон проклятый снова привиделся: кровь, крики, смерть. Вырываясь ненадолго из ночного кошмара, думал о том, что не

к добру это, не приведи Господи, еще что случится! Так издергался — сил нет, и уж как порадовался, когда рассветать стало. Притопал в «черную» кухню, зевая, и стал ждать, когда печь разожгут. Мальчишка, взятый в дом вместо покойного Васятки, поклонился Крайнову и побежал в подвал, где были сложены дрова. А подвалы во дворце князя под всем первым этажом, приспособлены для разных хозяйственных нужд. Ван Келлер строго следил за тем, чтоб помещения запирались. И только одна дверь всегда была открыта — к поленице, она ближе всех располагалась к кухне, понятное дело.

Мальчишка убежал, да что-то назад не торопится, шалопаи, все как один, эх, прав Ван Келлер! Степан поднялся, чтобы парнишку шугануть, небось, ворон считает. Но мальчонка сам влетел в кухню: глаза выпучены, трясется весь, аж зеленющий.

— Там... — пробормотал он, указывая пальцем в пол, — там... такое!

— Да что с тобой, говори дело! — рассердился бывший денщик.

Мальчик сглотнул и произнес уже более внятно:

— В подвале... Там, где дрова... Там дядька лежит. Кажись, мертвый...

Степан немедленно послал за мажордомом, и вдвоем они спустились в подвал. К концу зимы поленьев сильно поубавилось, и в помещении стало довольно просторно. Как и во всех подвалах под дворцом, здесь под сводом зияло окно, с внешней стороны стены находящееся на уровне земли. Эти окошки были необходимы не только как источник света, но, в большей степени, — как способ защиты от плесени. Ван Келлер велел, чтобы раз в день окошки открывались и подвалы проветривались.

Тело мужчины лежало прямо под окном, предательски открытым, и в сердце ему был воткнут

тонкий нож. Крови на каменном полу почти не было, только изо рта стекала тоненькая струйка.

— Та-а-ак, — протянул Ван Келлер, посветив на лицо покойного, — грабитель?

Когда свет от свечи мажордома добавился к тусклому свету из оконца, Степан вздрогнул и схватил голландца за локоть:

— Это же Аким Зотов! Тот самый торговец!

— Ну, вот, наконец я увидьел сего молодца, — поморщившись, освободился от мощной хватки Крайнова мажордом.

— Выходит, Акимка вор и грабитель, — голос бывшего денщика дрожал от негодования.

Ван Келлер не ответил: он осматривал помещение. В углу, ближнем к окну, стоял чурбан, на котором, если требовалось, разрубали поленья. Но сейчас на нем лежал аккуратно свернутый тулуп. Голландец перевел взгляд на тело Акима — коробейник был в рубахе. Указав пальцем на тулуп, мажордом повернулся к Степану.

— Ага, его тулупчик, Акимки, — кивнул солдат, истолковав движение Ван Келлера по-своему.

— И что же?

— Значит это, сударь, что вор и разбойник Аким Зотов забрался ночью в подвал через окно и... — Степан вдруг замолчал, осознав, что хотел сказать настырный голландец. — Нет, этого не может быть! — воскликнул он, но неуверенно, со страхом, понимая в душе, что прав, прав чертов иноземец.

Ван Келлер подошел к двери и громко крикнул:

— Начальника стражи ко мне! Немьедленно! — Затем повернулся к Степану: — Вот что, герр Крайнов, вы ведь имьели дела с ранами. Надобно нож достать и поньять, откуда он, чей?

Как во сне Степан выдернул нож и положил его в свой носовой платок, подаренный дочкой на Рождество. Эх, жаль, славная вещица, Катюха старалась, вышивала!

Следующие полчаса Степан пытался привести свои мысли в порядок, но краем уха слышал, как Ван Келлер холодно общался с начальником стражи, который поначалу-то ерепенился, но, увидев труп Зотова, сник и согласился выполнить указания мажордома, вторгшегося не в свой огород. А приказал мажордом следующее: закрыть все двери и ворота, из дворца никого не выпускать, оцепить весь периметр, обыскать все: каждый уголок сада и улицы вдоль ограды.

Князь как уехал с вечера, так и не вернулся, а княгиня с сестрой гостили у императрицы. Дело со смертью коробейника требовало вмешательства «расправной палаты», как называли только что созданную канцелярию, о которой в народе никто еще ничего не знал — указ вышел аккурат

после Святков. Голландец и начальник стражи пришли к единому мнению: без князя никаких чужих людей во дворец не допускать, ждать его указаний. Но и самим кое-что предпринять необходимо.

— Итак, сударь мой, что же получается? — сухо спросил мажордом, когда они с Крайновым поднялись наверх, в рабочий кабинет Ван Келлера.

Степан сглотнул и с трудом разжал губы:

— А выходит, что дела — как сажа бела. Пустил кто-то лиходея во дворец. Тот, кто в сговор с ним вошел.

— Так. — Голландец открыл бюро и достал свои записи. — Сие мы установили. Но вора убили. Отсюда у меня вопросы: кто его убил? Когда убили? И почему?

— Почему? Да-а-а. Если кто-то заметил и таким образом остановил негодяя, то отчего человек этот молчит? Почему тревогу не поднял?

— Все верно, известно, что князь награды бы щедро верного своего слугу. А значит, тут что-то иное. И мыслю я так: пустил человек Зотова через окно в подвалье, а подготовил все заранее. Указал, как мимо стражи проскочить, окно открыл, помог злодею.

— Это вы, сударь про тулуп толкуете? — Степан хотел что-то еще добавить, но вдруг схватился за сердце и чуть сознание не потерял. Перед глазами его стояла картина, кою прогнать не мог никакими усилиями: дочка Катенька медленно идет к выходу из церкви, а за руку ее держит Аким Зотов. Поверить в то, что его плоть и кровь могла...Могла?

Бывший денщик выпил воды, которую ему в стакане подал Ван Келлер — сам из графина хрустального налил, не стал лакея звать.

— Вам, герр Крайнов, сейчас надобно сердце в сторону отставить, ибо оно плохой советчик. — Он постучал пальцем по своему лбу: — Все — вот здесь, а здесь, — прило-

жил он руку к левой стороне камзола, — пусто должно быть. Кажется, вам стало лучше, так что давайте продолжим. Вопрос «кто» — есть самый важный. И мы должны человека найти. Вернется князь, а дома что? Убитый в подвале, злодей неведомый в доме, а? Так мы хотя бы его найдем — князь доволен будет.

— Ага, — вяло согласился Степан и невесело усмехнулся: — Только ведь, сударь, и я могу тем человеком оказаться, а вы меня вот в доверенные лица произвели.

— Не так, ты не мог. Ты есть преданный пес его сиятельства. Да и правду сказать, Зотова убить-то, пожалуй, и убил бы, но вот старуху... Да и сам за разбойником этим следил, с князем разговор имел — нет, сие не ты свершил.

— Верно, господин хороший, не я. А ножичек, которым Акимку прирезали, вот, извольте ли видеть, признал я его. У нас таких отродясь не бывало. — И Крайнов осторожно положил нож в платке на стол.

Голландец брезгливо поморщился, но, преодолев отвращение, наклонился к окровавленному ножу:

— Почьему?

— А вот, смотрите: тоненький ножик, с ручкой серебряной. Я бы, пожалуй, и не знал, что таким делают, да случаем видал, как повар Гийом им рыбу разделывал. Его это нож, и привез он его из самой Франции.

— Так-так, — застучал пальцами по столу мажордом.

— А может, он Акимку и того? — обрадовался Степан, что есть возможность указать на человека, к которому мало испытывал душевного расположения. О других он и думать не хотел, особенно о дочери родной. — Надо его допросить и под замок посадить!

— Под замок? — вздернул брови Ван Келлер, и глаза его вдруг блеснули. — Что ж, пожалуй. Нож его — не отвертится!

Приведенный в кабинет здоровым гвардейцем француз выражал свое возмущение на трех языках, в том числе, ругаясь самыми бранными словами на русском. Предъявленный нож повар опознал, согласился, что принадлежит ему, но отрицал, брызгая слюной, что общался тайно с Акимом Зотовым, что впустил его ночью в подвал и, тем более, что убил названного Зотова.

— Нож могли у меня просто взять! — привел последний довод разгоряченный Гийом.

— Вот как? — Ван Келлер растянул губы в улыбке, но глаза его оставались серьезны. — На вашей кухне что твориться? Кто угодно может зайти, да?

— Нет, не кто угодно! Не кто угодно! — бушевал повар. — Но все же заходят. Я не могу вспомнить, кто мог взять нож.

— А вот посидите под арестом в своих покоях, может, и вспомните. — Мажордом призвал гвардейца, приказал запереть француза в его апартаментах и поставить стражу за дверь и под окном.

— Я никого не убивал! Не мог убить! — долго разносились по дворцу крики разъяренного Гийома.

Ван Келлер задумчиво глядел в окно, погруженный в свои мысли, но его размышления вдруг прервал один из стражников, который доложил, что возле ограды в саду нашли присыпанный снегом короб, в котором носят товар.

Короб внесли, открыли, и Степан опознал лоток Акима. Мажордом отослал стражников и внимательно осмотрел деревянный ящик. Они с Крайновым высыпали на пол незатейливый товар, который неизменно привлекал женское внимание: платочки, гребни, простенькие украшения. Бывший денщик потряс короб и почувствовал: под дном что-то болтается. Он кулаком разбил дно ящика и выломал его с корнем.

Ван Келлер и Степан заглянули внутрь и ахнули. Короб-то с двойным днищем оказался! В небольшой простенке лежала какая-то баночка, из тех, что аптекари выдают с лекарствами разными, мазями да притираниями.

Посмотрели друг на друга старые враги, коих свела вместе нужда, и поняли, что идти им вместе до конца, чтобы узнать правду. И что правда эта принесет, пока неясно, но жизнь многих людей изменит она невосвратно.

— А ведь мы, Степан, кое-что упустили, — неодобрительно покачал головой голландец, — недопустимо! Ты солдат, скажи, чего мы не сделали?

— Мы не осматривали тело, отсюда не ведаем, было ли у злодея какое оружие, — почти сразу ответил бывший денщик.

Упущение было устранено бравыми гвардейцами, они и принесли в кабинет Ван Келлера кинжал, который нашли за голенищем сапога Акима.

— Хм, мы имеем два ножа, — потер подбородок голландец. — И на какие мысли это наводит?

— Ну, сударь, сдается мне вот что: открыл супостат окошко, Акимка в него сунулся — тулуп мешает. Скинул он его и передал, стало быть, сообщнику. Тот свернул и положил на чурбан. Зотов пролезает в окно, и в этот самый момент сообщник его закалывает ножом — вот этим, — Крайнов указал на серебряный нож француза. — Зотов падает на пол и почти сразу умирает. Нож — он в голенище плотно сидел, потому убивец его не заметил. Возможно, нагнулся, проверил — дышит ли, и ушел.

— Понятно, — принял его доводы голландец. — Выходит, что убийца заранее все продумал и знал, как он будет от Зотова избавляться. И ведь экий у нас злодей-то аккуратный: тулуп торговца сложил. Непохоже на ваших людышек — все как один бездельники и воры!

Хотел Крайнов вступить в спор с упрямым голландцем, поставить его на место, рыбину мороженую, да иная мысль его озарила:

— Вот, сказано же — Гийом и есть убийца! Надо этого сукина сына допросить!

— Допросим, но пусть немного поволнуется, посидит под замком. А пока мы можем принять пищу.

— Да мне кусок в горло не полезет, — возмутился Степан, — такое в доме делается, а вы, сударь, завтракать собрались!

— Прием пищи есть необходимое условие для жизни человека, и отказываться неразумно — нам еще силы понадобятся.

— Да вот он мне где уже — разум ваш-то! — не на шутку рассерженный Крайнов резко рубанул рукой воздух. — Нельзя же так вот!

— Не хотите — как хотите.

И пока Степан рассматривал хорошо знакомый пейзаж за окном, Ван Келлер потихоньку съел свой завтрак. Он как раз вынимал из-за ворота салфетку, когда гвардеец доложил, что француз «из себя зело вышедши и просюся поговорить с господами, потому как имеют, что сказать».

Пока ходили за поваром, Ван Келлер поставил рядом с оружием баночку, найденную в фальшивом днище, и спросил:

— И что же сия вещица значит, а?

— Ну, сударь, это вы хоть режьте меня, а я вам не скажу, за каким лешим Акимка таскал с собой лекарство.

— Но было оно для торговца важным, иначе зачем бы ему хранить банку тайно. — Мажордом внимательно рассматривал все предметы, разложенные на столе, как будто ждал от них ответа. — А вот еще один предмет, хотя мы не знаем, есть ли связь, — вдруг пробормотал он и достал из ящика бюро пресс-папье, которым ударили Перпетую. Задержал

руку над столом, как шахматист, делающий ход, и поставил пресс-папье в стороне от всего остального.

— Вы полагаете, сударь, что смерть Перпетуи и Акимки — суть одно?

— Мы должны думать, много думать, расспрашивать людей — всех, без исключения и делать выводы. Пока не знаю, но ведь, согласитесь, что так быстро, один за другим...

— Ага, вы еще добавьте сюда то, что на нечистую силу уже списали: Васятку с Фроськой, все в одну кучу! — скептически буркнул Степан.

— Сие пока есть загадка, и оснований нет все в одну кучу, как ты сказал. Но кто знает...

Рассуждения голландца прервал нарастающий шум за дверью. Ван Келлер вздохнул, понимая, что фейерверк неизбежен, и разрешил впустить француза.

— Я добьюсь, чтобы вас всех в работы сослали, навечно! — вопил Гийом, непонятно к кому обращаясь, и уже в кабинете, увидев Степана, выбрал его: — Мсье Крайнов, вы же разумный человек, вы не допустите самоуправства!

— Тише, тише, господин Гийом, — вмешался мажордом, — мы должны вести себя пристойно, какие бы обстоятельства...

— Я не с тобой разговариваю, чучело протестантское! Почему меня заперли, не дают работать, не пускают в кухню! Что я князю скажу? Что?

— Вы, сударь, сами признали свой ножик, — смог, наконец, вставить слово Степан, — а у нас, понимаете ли, ночью в подвале человека убили...

— Так почему вы не спросили меня, где я ночью был? Я могу представить доказательства своей невиновности! — бушевал француз.

— И где же вы пребывали, господин Гийом? — вежливо спросил Ван Келлер.

— В своих покоях, отведенных мне его сиятельством, — гордо выпрямившись, ответил повар.

Бывший денщик и мажордом переглянулись и пожали плечами, категорически отказываясь принять «пребывание в покоях» доказательством невинности. Француз помолчал и многозначительно добавил:

— Не один. У меня находилась... дама.

— Кто именно, сударь, ибо дама сия должна быть допрошена немедленно.

— Вы знаете, истинный кавалер не может трепать имя... женщины! — Гийом одернул камзол и нервно взбил жабо. — Вы должны поверить мне на слово.

— Увы, не можем. Убийство — дело серьезное. И ваши... забавы, сударь, могут иметь к нему отношение, — не согласился Ван Келлер.

Повар замялся — его душа разрывалась между правилами политеса и инстинктом самосохранения, но, в конце концов, сдался:

— Хорошо, только... я бы хотел, чтобы мсье Крайнов покинул ваш кабинет.

— С чего бы вдруг? — обиделся Степан. — Ни за что не уйду — мало ли что вы тут наплетете!

— Ваше право, но... — на всякий случай француз отодвинулся подальше от окна и поближе к двери. — Со мной сей ночью была мадемуазель Катрин.

— Кто? — не понял Крайнов. — Ты об чем, мил друг, толкуешь?

— Полагаю, что господин Гийом говорит о вашей дочери, — серьезно заметил Ван Келлер.

— Так, — опустил голову повар, — можете спросить ее сами.

Степан молчал так долго, что голландец забеспокоился. Но когда бывший денщик поднялся со стула, лицо его было краснее свеклы.

— Ты лжешь, собака! — прохрипел он, и если бы мажордом не позвонил в колокольчик, вызывая стражу, Гийому пришлось бы туго. — Этого не может быть, чтобы моя Катюша! С этим! — Крайнов рухнул на стул, сжав голову руками.

— А чем это я хуже иных? — удивился француз, и сомнений в его искренности не возникло — он действительно не понимал, из-за чего столько шума.

— Уведьте его, — приказал Ван Келлер, — и призовите Катерину Крайнову.

— Не единому слову этой крысы не верю, он нас в заблуждение вводит, дабы себя обелить, — простонал Степан.

— Думаю, сейчас все разъяснится. — Показалось или нет, но в небольших глазках мажордома блеснуло сочувствие.

Катюша тихо вошла, прикрыла за собой дверь, присела в книксене и встала посреди кабинета, делая вид, что не замечает отца.

— Скажи-ка, девица, верно ли поведал нам повар Гийом, что ты... — Ван Келлер поерзал на стуле и вдруг покраснел, не зная, как продолжить.

Катя ждала, изучая рисунок на изразцовой печи, как будто впервые увидела это чудо.

— Катерина, это что же делается? — не выдержал Степан. — Да как же так? Неужели этот... негодяй правду говорит?

— Не пойму, батюшка, о чем это вы?

— Так ведь... Вот говорит, что ты с ним ночью в его комнатах была! — Крайнов с трудом заставил себя понизить голос, чтобы за дверью не услышали.

— Кто сказал, с того и спрашивайте! — вздернула голову девушка.

Степан беспомощно развел руками и посмотрел на мажордома. Тот ласково обратился к Катьше:

— Ты, девица, должна понимать: ежели были вы вместе и в том поклясться можете, то ни повар, ни ты ни в чем не виноваты... Кроме, конечно, беспутства и разврата. Но в убийстве Акима Зотова вас обвинить никто не вправе.

Катя отшатнулась и вскрикнула:

— Акима Фомича убили? Бог мой! Ночью?

— Здесь, в подвале. Зарезали ножом с кухни Гийома, вот этим, — как будто говоря о повседневных делах, показал на стол Ван Келлер.

Раскрыв глаза от ужаса, девушка посмотрела на нож со следами крови и заплакала.

— Я бы никогда Акима Фомича не убила! Он был так добр ко мне!

— Добр? И с ним ты тоже! Распутница! — прорычал Степан.

— Добр! Да он был добр и ко мне, и ко всем остальным! — рыдала Катюша. — А вы, батюшка, вы ничего не хотите знать и видеть! Вам бы только в покое жить-поживать!

— Да ты что? Да я ли о тебе не заботился? Не баловал тебя? Подарками не задаривал? Как ты смеешь?

— Смею! — твердо произнесла девушка, повернувшись к отцу, щеки ее полыхали огнем. — Подарки — это хорошо! Но вы ни слова не сказали, когда меня Александр Данилович для потехи своей выбрали! Когда любовницей сделали, а после, натешившись, прочь отослали и за Харитона просватали! У меня никто не спрашивал! А вы, батюшка, и рады: приданое мне обещали знатное, понятно, что молчали!

У Степана все поплыло перед глазами, он не помнил, на каком свете находится. Сан Данилович? Как же так?! А он ничего не знал! Или Катя права — не хотел знать? Он вспомнил злой укор Фроськи, странные намеки Перпетуи, и похлопывание по плечу князем верного слугу приобрело иной оттенок, как и твердое обещание княгини позаботиться о Катюше — вот она, господская доброта!

Очнулся Крайнов от волны свежего воздуха — Ван Келлеру пришлось открыть окно. Катюша тихо плакала, сидя на стуле и припав головой к столу мажордома.

— Я, конечно, сочувствую тебе, Степан. Увы, нравы людские испортились, и порок процветает. Но мы должны идти дальше. Девица сия и повар не могут более быть нам интересны в связи со смертью торговца Зотова. Их следует отпустить и позволить выполнять их обязанности. — Ван Келлер попытался привлечь внимание Степана, но тот не слышал его и шептал:

— Алена, Аленушка, любя моя, прости, не исполнил наказ твой. Не доглядел за дочкой.

Ван Келлер вздохнул и замахал Кате рукой, мол, пошла отсюда. Та встала, вытерла слезы, но вдруг взгляд ее упал на стол, и она удивленно спросила, показывая на баночку:

— Ох, а это у вас откуда?

— Так-так, а вещичка сия тебе знакома? — оживился мажордом.

— Да, это баночка Перпетуи, она такая необычная, видите? — На маленькой крышечке красовался узор, похожий на тот, каким расписывают шкатулочки. — Эту баночку тетенька отдала Акиму Фомичу, когда он ее навещал. Аким Фомич сказывал, горло у него болит, вот она и подарила, чтобы он лечился. — Катюша замолчала, заметив на столе пресс-папье, и внезапно воскликнула: — О, господин Ван Келлер, простите меня!

— За что? Или еще за тобой грехи имеются?

— Право слово, я совсем не виновата! Я ведь хотела сразу же вернуть! Нельзя было его брать, но у меня под рукой ничего другого не оказалось.

Все, что успел сделать Ван Келлер — это быстро передвинуть стул, иначе Степан Крайнов вновь рухнул бы прямо на мраморный пол.

— Так, девица, слушаю тебя. Ты должна рассказать нам все о том, как взяла пресс-папье и что сделала с ним.

— Но я же не хотела! Да и что такого — не в первый же раз?

— То есть? Как я понял, ты не в первый раз взяла пресс-папье?

— Конечно. А что делать, когда мне приказали в ночь орехи колоть? Щипцы только у господина Гийома, но он их никому не дает. А я брала уже со стола Александра Даниловича, когда... Ну, когда он меня к себе в кабинет вызывал, — щеки ее покрылись румянцем, — удобно потому что орехи бить.

— Допустим, согласен — удобно, хотя не могу понять, как можно колоть орехи вещью, для сего не предназначенной, но еще менее предназначена она, чтобы бить ею по голове старуху.

— Это как же, сударь? Не понимаю я вас... — пролепетала Катя.

— Скажи, дочка, ты Перпетую по голове ударила вот этой... этим «прессом»? — Степан внезапно обрел дар речи и понял, что будет бороться за свое дитя, как хищный зверь — отцовское сердце не могло смириться с мыслью, что его дочь — убийца.

— Да что вы, батюшка?! — взвизгнула девушка. — Как я могла бы? Конечно, нет! Не было того, чем хотите, поклянусь — памятью матушки поклянусь!

— Так старуху ты не убивала — ты это сказать хочешь, а? — Ван Келлер приподнял пресс-папье: — Но вещь взяла ты. Как это сопоставить?

— Не знаю. Я не знаю, как это сопо... Не убивала я! Тетенька Перпетуя шпыняла меня, ругала, но это ей ведь за Дарью Михайловну было обидно — я ее понимала! Она полагала, что я Александра Даниловича нарочно прельщала. Это неправда, но она мне не верила. Она хотела его сиятельство от меня отвратить — всякие рецепты собирала, даже к знахарке бегала в чухонскую слободу. Убивать — это же грех смертный, ужасный! Как я могла бы? Да ведь и оставил меня князь, Перпетуя думала, что подействовало на него снадобье.

Мажордом внимательно смотрел на девушку, потом повернулся к Степану:

— Пожалуй, чадица твоя не смогла бы так ударить старуху. Склонен снять с нее обвинения.

— Спасибо вам, сударь, что верите нам, — облегченно вздохнул Крайнов.

— Вера — это хорошо, но здравый смысл — лучше. Бабу ударили, как припечатали, сверху вниз, с силой немалой. Твоя дочь не годьется, чтобы так бить, и зарезать торговца она тоже вряд ли могла бы. Роста небольшого, хрупкая, силы не те. А вот скажи-ка, девица, кто видел у тебя эту вещь? Кто знал, что ты ее взяла, да и не в первый раз?

— Пожалуй, Глафира и Анна Николаевна — они ко мне заходили. Мог знать и Харитон, но я не уверена. Господин Гийом — нет, он не знал.

Ван Келлер кивнул и отпустил измученную девушку. Та ушла, не повернув головы к отцу, как чужая. Сжалось сердце Степана, не винил ее за грехи, в коих призналась. Знал, каков это мир, так виновата ли девка? А кто виноват — тут, может статься, лучше и не задумываться. Он посмотрел на голландца:

— И что же выходит у нас, сударь? Не могли же Глафира или Анна Николаевна ударить Перпетую. Француз вроде как не виноват. Остается Харитон — вот никак не возьму в толк, зачем ему убивать Перпетую? Акима — еще понятно. Но опять же, почему тревогу не поднял, не объявил себя героем?

— Харитон... Харитон — шельма и пройдоха. И, как у вас говориться, не семи пядей, — голландец постукивал пальцами по столу. — Он мог шутить с той девкой, которая умерла, мог и старуху ударить — вроде как в шутку, конечно, мог и зарезать Зотова, пожалуй.

— Он, как есть, он, надо его спросить как следует.

— А нож? — вдруг бросил мажордом, — Нож повара? Как его Харитон мог получить?

— Украл, потому что ловкий вор. Вон, сам же хвастался на Масленице, что у князя душистую воду подворовывает...

— Вот как? Водица — одно дело, но нож... Наш господин Гийом в свою кухню никого не пускает, а?

— Да, но то и дело там то Глафира, то еще какая баба крутится. Знаете же, слаб он по этой части, вот и не гонит их.

— Бабы... бабы, все время бабы... — забормотал мажордом.

— А что с бабами? — удивился Степан.

— Смотри-ка, сударь: Зотова зарезали — ты сам сказывал — в тот момент, когда он был незащищен, так? — Крайнов кивнул. — Дальше: тулуп аккуратно свернут — так мог сделать Харитон? Нет, это женщина. И нож у повара бабе взять легко — надо улыбнуться, и все. И еще — вот это, — Ван Келлер поставил перед Степаном баночку

с мазью Перпетуи. — Зачьем Зотов прятал эту вещь в обманном ящике, а? Это важно, и мы должны понять, в чьем ценность. — Он открыл крышечку, понюхал и с отвращением отвернулся. — Мерзость экая! Но для кого-то имеет значение. Это небольшие вопросы, но есть и другие: зачьем убили старуху? Она кому-то угрожала?

— Да всем, и мне угрожала, но теперь я понимаю — она о Катерине говорила. Да, еще вроде о том, что всех выведет на чистую воду. Кто-то что-то сделал... Болтала, как всегда.

— А, может статья, и не болтала? И кто-то понял, что она узнала о чьих-то проделках. От кого?

— Так... — прищурился Степан. — Выходит, что только от Акимки — она же с ним беседу вела после службы. Опосля ни с кем не говорила — они во дворец возвращались, уже стемнело, реку переходили — не до разговоров-то.

— Угу, — согласился голландец, — и она его должна была к нам впустить, ибо были они в сговоре. Но ее убили. Что оставалось злодею Зотову?

— Искать того человека и заставить его сделать дело вместо Перпетуи.

— А человек тот не хочет иметь дела с торговцем, но у того находится управа какая-то на упряма, он заставляет. И если все сложить, то выходит, что банка эта — есть довод Зотова, иначе в ней нет смысла.

— А может, и нет, ну, засунул просто так, забыл...

— В обманном ящике? Сударь, Зотов соби-рался забраться во дворец князя. Ничьего случайного — у него все было продумано, каждая мелочь. Кинжал в сапоге, короб присыпал снегом, но так, чтоб можно было легко найти. Нет, не забыл он про банку эту... Что с ней не так?

Степан постарался привести свои мысли в порядок.

— Ох, что же выходит? Акимка искал подход к нашим, чтобы забраться во дворец ночью.

Сговорился с Перпетуей — уж как-то он ей голову заморочил. Попутно поведал ей о ком-то опасные мысли, она и вошла в раж — собралась с этим человеком поговорить. Ее убивают, поджидая после службы, убивают этой прессой, которую взяли у моей Катерины. То есть, человек использовал как оружие и бросил в кусты. Неужто на дочь мою тень хотел бросить? Ну а Аким догадался, что произошло, заставил человека его впустить, тот его и зарезал. И заранее знал, что так сделает, потому как нож у Гийома забрал. А мазь... Так Перпетуя с этими мазями носилась, всем их совала, вот и Фроске тоже, и Акимке...

— Так. Что-то про мазь Зотов понял. Что-то опасное для человека того — мог помешать ему, все надежды порушить. А значит, герр Крайнов, надо на эту банку его поймать, ибо никаких иных доказательств его вины у нас нет.

— Соглашусь с вами, сударь. Только думается мне, что это все же Харитон. Что к чему — связать не могу, но чую — это он.

— Ох, Степан, и упрямый же ты человек. Честный, порьядочный, но упрямый. Я же тебе доводы представил и разложил, а ты твердишь все одно. Так выходит, что только один человек мог это быть, по всем вещам — только один. Подумай сам.

— Нет, я не верю, этого просто не может быть, — покачал головой Степан.

— Ты знаешь, что это так. Знаешь, но не хочешь верить, потому что выше ставишь сердце свое глупое, а не ум, — сквозь зубы произнес голландец.

— Это Харитон. Да, вижу, что складывается все одно к одному. И все же — как-то молодец исхитрился и запутал нас. В «расправной палате» допросят — все расскажет, как миленький.

— И другой человек — тоже. Пошли, и так, боюсь, до возвращения князя не успеем. Говорить со всеми станешь ты — тебе от людей больше веры будет. Если на звук дудочки придет Харитон — я тебе обещаю съесть свой парик.

Мажордом велел собрать всю челядь без исключения в охотничьем зале — в последнее время князь там редко появлялся, и он пользовался этим помещением для общего сбора прислуги.

Бывший денщик выступил вперед и в двух словах объяснил, как было найдено тело Акима Зотова, как был связан убитый торговец с Перпетуей, и то, что погибла приживалка от той же руки. А в конце добавил, что сбегать из дворца никто не сможет, и вскорости станет личина убийцы для всех понятна.

— Злодей, именуемый себя Акимом Зотовым, угрожал кому-то тем, что хранил у себя вещь, опасную для этого человека. Но он хотел обмануть

своего убийцу — спрятал ту вещь около дворца. Мы ее нашли, а там, в его коробе, есть и письмецо для Александра Даниловича. Вот мы его дождемся, отдадим бумагу, и пусть его сиятельство решает, какого наказания достоин лиходей — сам его князю и отдам. Так что, ежели кто хочет сознаться добровольно — лучше это сделать сейчас, снять грех с души, покаяться и молиться.

В огромном зале повисло молчание. Степан, внимательно наблюдавший за двумя людьми, мог поклясться, что ни у одного из них даже бровь не шевельнулась. Затем он отпустил всех, пообещав под испуганными взглядами Глафиры, посетовал на усталость, на то, что прошедшей ночью почти не спал, и пошел к себе, приказав немедленно доложить ему, если Александр Данилович вернется.

Он проветрил комнатку, прилег на койку, чего много лет себе не позволял — экое барство днем разлеживаться на перине! — и погрузился в невеселые размышления.

Тихо скрипнула дверь, и из коридора кто-то прошмыгнул в комнату.

— Кто здесь? Ты, что ль, Катерина? — сонно спросил Крайнов.

Шорох юбки, такой спокойный, такой мягкий — совсем не страшный, но Степан открыл глаза и успел выбросить вперед руку. Это и задержало удар — над ним завис нож, огромный — из тех, что в кухне хранились для забивки свиней под Рождество. Хоть и ослаб старый солдат за последние несколько спокойных лет жизни, но все же не сдавался без борьбы. И тут в комнату неожиданно вломилась гвардейцы, за ними шел Ван Келлер. Он зажег на подсвечниках несколько свечей, и в комнате сразу стало светло и тесно.

— Вот тебе, герр Крайнов, твой Харитон, — холодно усмехнулся мажордом, светя в лицо преступнику.

Степан тяжело выдохнул и отвернулся — на него с ненавистью смотрела кастелянша. Ее

черная коса во время борьбы расплелась, а щеки пылали необычным для нее огнем.

— Ты сам знал, что это госпожа Анна — все указывало на нее, — спокойно сказал мажордом.

— Зачем, Анна Николаевна? Я могу понять убийство Акимки, вернее — принять. Но зачем вы убили Перпетую? Это жестоко, а вы не можете быть бессердечной...

— Жестоко? — зло рассмеялась кастелянша. — Вы смеете рассуждать о жестокости и бессердечии? Вы? Ничего вам не скажу — делайте со мной, что хотите. Пусть казнят, четвертуют, но не скажу ничего.

— Хорошо, не говорите, — согласился голландец, — нам ясно, что старуху вы убили, потому что она от Зотова что-то о вас узнала. Зотова убили — это тоже ясно, у вас была какая-то цель. Но ведь теперь вы все равно не достигнете оной. А что-то вы хотели сделать, очень хотели... — Мажордом достал из внутреннего кармана камзола баночку с мазью: — Это оно, да?

— Что ж, жаль, жаль, что не удалось, — процедила сквозь зубы Анна. — Потратила десять лет, и все зря. А смерти я не боюсь, давно бы нашла ее, если бы...

Степан тяжелой походкой подошел к ней. Кастелянша пошевелила связанными за спиной руками, будто хотела вцепиться в него смертельной хваткой. В глазах ее плескалась ненависть.

Бывший денщик оглядел ее, как чужую, и отстраненно произнес:

— Что ж, пусть, меня вы ненавидите, не знаю, за что, но, видно, виноват я перед вами. Но скажите хотя бы, что нет на вас греха в смерти Васятки и Фроськи!

Ван Келлер хотел вмешаться, но передумал, пожал плечами, что-то пробормотал о неразумных русских и занял место у двери.

Кастелянша не выдержала пристального взгляда Крайнова и отвернулась к окну. По щекам ее побежали слезы.

— Только о нем сердце и рвет. За то на Страшном суде мне ответ держать — мальчонка пропал ни за что, — прошептала она.

— Вы, сударыня, его чем-то отравили? И дьевушку тоже. Зотов это понял и поведал старухе. Что это было? — Голландец не столько спрашивал, сколько утверждал.

Анна молчала — ни пытки, ни даже страх смерти не заставили бы ее говорить.

— Почему? — сурово спросил Степан. — Ну, что мы вам сделали? Жили вы себе в Чернигове... — и вдруг замолчал, пораженный догадкой. — Вы сказали, что потратили десять лет... Десять лет, стало быть, с осьмого года. Вы... Вы...

Ван Келлер заинтересованно посмотрел на него:
— И что же? Что в том году такого?

— Чернигов, ваши бумаги были из Чернигова — это я помню. Вы родом оттуда, но ведь это совсем недалеко от...

Анна вскинула голову и закусила нижнюю губу. К подбородку потекла тонкая струйка крови.

— Да об чем вы, сударь? — рассердился мажордом — впервые он чего-то не понимал, чего-то, что было понятно бывшему денщику и кастелянше.

Степан повернулся к голландцу и хрипло ответил:

— А было то, что мне до сих пор в ночных кошмарах снится — Батурин, вот, что было. Вы там жили, Анна?

Он подошел к женщине и, сделав знак гвардейцам, распутал веревки.

Анна потеряла руки и тихо сползла по стенке на пол.

— Родом я из Чернигова, — она наклонила голову, и волосы упали ей на лицо, — а замуж вышла в Батурине. Там и жила девять счастливых лет — все, что у меня было. А потом... поехала проведать тетку, в тягости была третьим ребенком. Сыновья с мужем остались, им было восемь и шесть... Вы — звери! — вдруг закричала она, вытянувшись вперед, и, не в силах более сдерживаться, зарыдала. — Вы убили всех! Даже малых детей! Ваш князь собственными руками младенцев зарезанных в ров сбрасывал! Вы не можете отрицать — это было! Не можете лгать! — Она схватила Степана за руку и потянула вниз.

Тот и не попытался вырваться, только тихо произнес:

— Это было. Война всегда жестока.

— Вы знали! И все оправдывали! А малому Сашеньке вы об этом рассказывали? Он знает, каков богатырь его отец?

Крайнов горько усмехнулся — никогда не избавится ему от тех страшных картин, но Анне он об этом говорить не стал.

— Мои тоже были убиты. Муж — лучший человек на свете, и оба моих мальчика. Когда узнала, потеряла третьего, а сама осталась жива. А зачем мне было жить? Значит, Господь хотел, чтобы я осталась на этом свете. Вот и выжила, чтобы отомстить.

— Вы хотели убить Александра Даниловича? — спросил бывший денщик.
— Убить? — зло захохотала кастелянша.

Ван Келлер неодобрительно взирал на эту сцену, а два гвардейца стояли по стойке смирно, глядя в стену, и было непонятно, какие чувства они испытывают.

— О, нет! Смерть — слишком легкое для него наказание, вы так не думаете? Умереть — и все! Это так просто. Но я хотела, чтобы он мучился, страдал, испытал адские муки, какие испытывала я, потеряв своих детей.

— Понятно, — вставил голландец. — А вот Аким Зотов — тот хоть и хотел именно убить, так?

Кастелянша не удостоила его взглядом, даже не повернулась в его сторону — она не сводила глаз со Степана. Кого она видела в нем — достойного противника или единственного человека, способного ее понять?

— Можете не отвечать — сия часть как раз вполне ясна, — пожал плечами Ван Келлер. — Аким Зотов хотел убить князя, для этого ему нужно было пробраться во дворец. Он расположил к себе глупую старуху, и она согласилась. Зотов догадался, что вы виноваты в смерти мальчика и девицы. Как он это понял? Очевидно, воспользовавшись той самой мазью. Наверное, сперва он подумал на старуху, но потом поговорил с ней и узнал, что вы ей помогали. Дабы тетка вас не выдала, вы ее ударьили пресс-папье, которое было в комнате девицы Катерины — она неоднократно его брала. Больше ничего вы не могли найти поздним вечером. Но Зотов вас не оставил в покое, а вынудил впустить его во дворец. Вы его зарезали. Зачем? Чтобы он не убил князя и не помешал вам отомстить более страшно?

— Зотов — сторонник царевича, он какой-то родственник боярам Д-им. Когда пришел сюда в первый раз, то хотел только разузнать, нельзя ли как-то воздействовать на князя. — Кастелянша отпустила руку Степана и поднялась с пола, гордо отказавшись от помощи старого солдата. — А потом — отречение, царевича арестовали, его сторонников стали хватать, дела их пошли совсем плохо. Зотов надумал убить главного, как он считал, виновника — князя. Что ж, не мне его судить, да, пожалуй, и прав был наш торговец.

— Но что вы хотели сделать с князем? И что случилось с Васяткой и Фроськой? — спросил Крайнов, в душе которого царил сумбур.

Анна помолчала, вытерла ладонью кровь с лица и свернула волосы в узел на затылке.

— Отвечу, если позволите выйти отсюда — воздуха свежего глотнуть. Плохо мне.

Ван Келлер был против, но Степан убедил его — какая опасность, тем более что с ними выйдут и стражники.

— Только пусть идут сзади. Я с вами, Степан Иванович, поговорить хочу, — улыбнулась кастелянша, как будто речь шла о совместной прогулке перед ужином. Подойдя к воротам, она вдохнула воздух с Невы и небрежно заметила: — Потеплело. Как рано в этом году. — Затем повернулась к Крайнову: — Степан Иванович, вы не злой человек, у вас есть сердце. Но вы слепец — не видели ничего и знать не хотели. Кто такой ваш князь? Ведь он злодей, убийца, он вашу дочь в разврат втянул, а потом решил «осчастливить» — за Харитона замуж отдать и приданым одарить! И ведь уверен, что поступил честно, порядочно. Неужели же вы ничего не понимали?

— Нет, не знал и не понимал. Думал, князь ради меня такую честь нам оказывает. А оказалось... — он безнадежно махнул рукой.

— Послушайте, вы должны понять и сделать то, что не удалось мне, не получилось, не успела! А у вас получится! Отомстите за дочь свою поруганную, за предательство подлое! Мне кое-что удалось.

— Что вы хотели сделать?

— Свести его с ума. Мне бабка сказывала — жены так делают, чтобы избавиться от постылых мужей. Никто ничего доказать не сможет! Настойку дурмана надо добавлять в пищу или в припирания разные. А тут Перпетуя надумала князя от Катерины отвадить, отвороты начала делать. Я ей в помощь-то и вызвалась, она мне доверяла, думала, что знания мне свои передает. Блаженная наша ничего и не ведала, пока Аким ей не объяснил — он мазь спробовал и, догадавшись, что к чему, решил себе на пользу повернуть.

— Но почему Васятка и Фроська? — Степан сжал ладони, которые повлажнели при мысли, что он...

— Да потому, что неизвестно, как и на кого подействует. Я боялась — от слишком большой дозы может наступить смерть. Наши стражники — здоровые мужики, на них и хотела испытать, добавляла в еду. А тут Васятка... Я его старалась не пускать в кладовую, но он меня обманул. Для него оказалось слишком много... Он, бедное дитя, умер от ужасных видений.

— И Фроська тоже?

— Фроська — глупое существо! — небрежно повела бровью Анна. — Она завидовала Катерине, что ее князь приметил, мечтала, чтобы он и с ней... Ничтожная, пустая! Я отказалась от мысли добавлять настойку в еду, проще — в мази и притирания. Бабка мне говорила, что тогда видения могут быть и о плотских радостях... поначалу. А потом человек просто сходит с ума. Так с Фроськой и вышло. Старая дура Перпетуя видела то, что хотела видеть — нечистую силу, от которой Фроська будто бы отбивалась. — Она приблизила лицо к Крайнову и горячо зашептала: — Послушай, Степан, я добавила настой дурмана в ароматную воду князя. Рано или поздно он ею воспользуется, и она подействует. У меня в покоях есть еще — добавь ему, и ты будешь отомщен!

— Так вот, какая напасть одолела Харитона! Понятно, с чего это он в нечистую силу поверил, — догадался Степан.

— Ты найдешь настой в моей комнате — в шкатулочке у кровати, хорошо?

— Допустим, найду...

— Вот и ладно. — Улыбнувшись, Анна нежно поцеловала Крайнова в щеку. — А теперь, прощай, Степан Иванович, не поминай лихом!

Она внезапно рванулась к воротам и побежала к реке. Гвардейцы кинулись за ней, но Степан вроде как запутался в створке и помешал им. Добежав до берега, Анна прыгнула на лед. Вокруг чернели проруби, которыми пользовались для забора воды — в хозяйстве дворца необходимой, прачки ходили к полыньям для стирки вещей прислуги.

Крайнов видел, как она подбежала к полынье, а далее все поплыло, размылось...

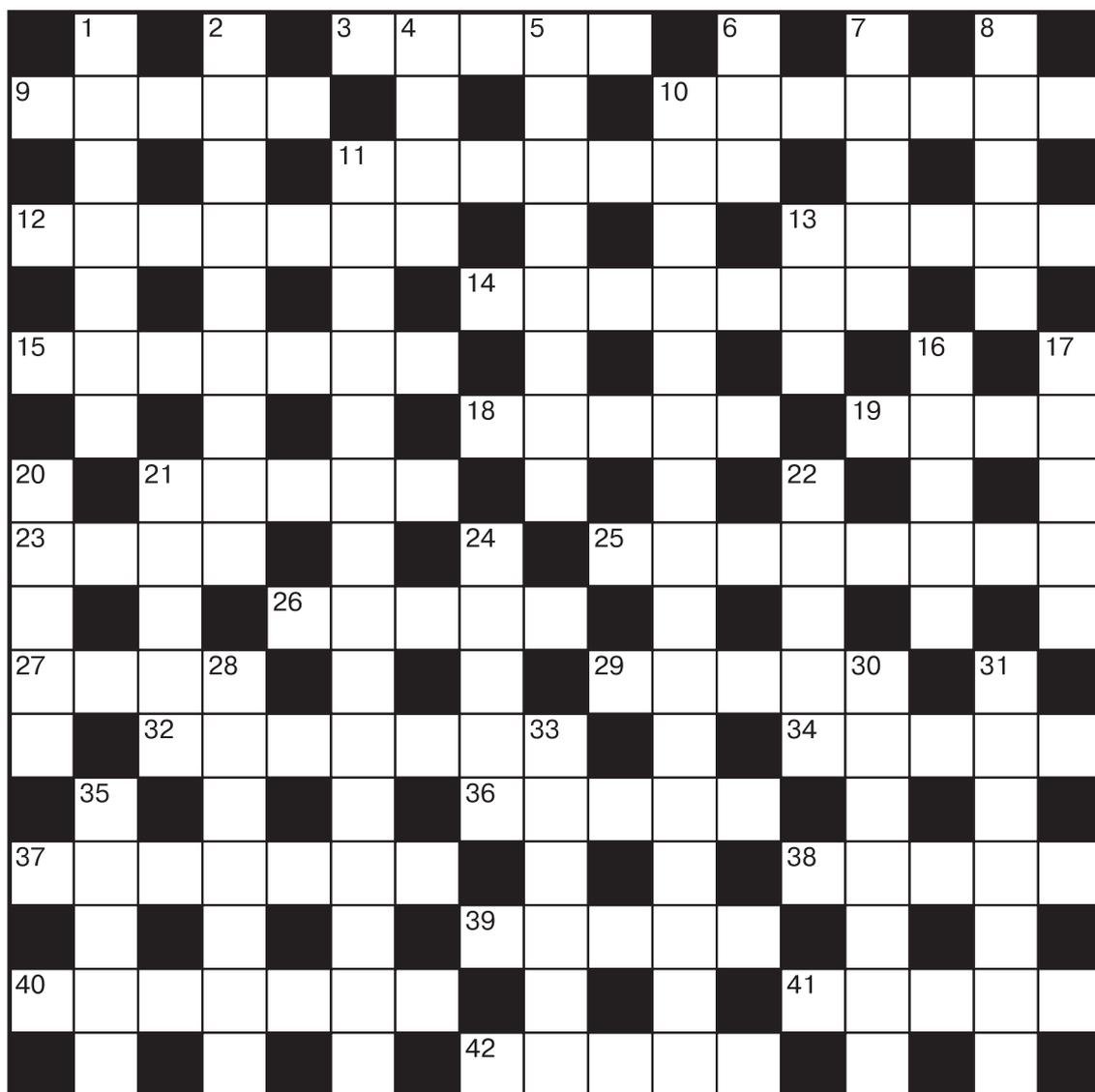
Когда бывший денщик пришел в себя, Ван Келлер стоял рядом и сурово качал головой:

— Ты, Степан, так ничьему и не научился! Упустил злодейку. А ведь я тебе говорил: все — вот тут, — он постучал пальцем указательным по лбу, — а вот тут должно быть пусто, — положил он ладонь на левую фалду камзола.

— А иди-ка ты, сударь, знаешь куда! Живи себе одним умишком, коль здесь, — Степан прижал руку к сердцу, — пусто, и радуйся... Если сможешь!

Голландец отступил с видом оскорбленного достоинства и пропустил старого солдата во двор. Тот побрел, ссутулившись и шаркая ногами, — жить-то надо, когда еще его час настанет... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кто принимал Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года? **9.** Магазин «с ярко выраженным вкусом». **10.** Самый быстрый из серийно выпускаемых автомобилей в мире. **11.** В IX–XII веках в Европе почтовый голубь стоил столько же, сколько чистокровный арабский ... **12.** Самая длинная улица Нью-Йорка. **13.** Что послужило для закрутки мистической повести «Безумный Монктон» англи-

чанина Уилки Коллинза? **14.** Разорительный сектор в капитал-шоу «Поле чудес». **15.** Кто прожил более ста лет в камерке папы Карло? **18.** Какие ягоды добавляют в классический австрийский омлет? **19.** Основа пергамента. **21.** «Закрученный бисквит». **23.** Какая страна стала плацдармом для «Бури в пустыне»? **25.** Последними его словами стали: «Боже, спаси армию!» (лидер «белого движения»). **26.** Сцена без углов.

27. «Провал зачета». **29.** «Адресат киношного Юстаса». **32.** Какое звание Дмитрий Менделеев получил после защиты своей диссертации «Изоморфизм в связи с другими отношениями кристаллической формы к составу»? **34.** Какой стихотворный дядя во сне ноги клал на табурет? **36.** Из какого фильма Никита Михалков позаимствовал сюжет со звонящим в портфеле будильником для своей же ленты «12»? **37.** «... подчас важнее правоты». **38.** Процесс в основе слалома. **39.** «Юбка до пят». **40.** Газета «скандальных подробностей». **41.** «Певец сумерек», «защищая память которого» Аркадий Аверченко выбрасывает в одном из своих рассказов дурацкого критика с четвертого этажа. **42.** Каким художественным промыслом знаменит Касли?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Смешной город, от которого рукой подать до легендарного перевала Шипка. **2.** С кем Карп Савельевич перепутал грозного царя из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»? **4.** Человеческое строение для полезного роения. **5.** Ниточка от человека к человеку с крючками на обоих концах. **6.** Первый олимпийский чемпион среди советских легкоатлетов. **7.** «Подкидыш». **8.** «Почерк мастера». **10.** К чему стремится любая власть? **11.** «Заклятый враг» прекрасного пола. **13.** Что строят герои повести «Котлован» Андрея Платонова? **16.** Кто подсказал Андрею Михалкову-Кончаловскому идею его фильма «Одиссея»? **17.** «Собачий ...» в Германии и Нидерландах переименовали в блошиный. **20.** Великая Фаина Раневская шутила: «...отнимает у меня столько времени, что писать о ней совсем некогда». **21.** Источник всего, что «может стать духовной силой человечества» для Альберта Швейцера. **22.** «Гибралтарский камень». **24.** Сектор для снайпера. **28.** Английский классик, основавший собственный зоопарк. **30.** «Пистолет» клерка. **31.** Кто метит в кардиналы? **33.** Какой ска-зочник придумал страну лжецов? **35.** Его не только крутят, но и читают.

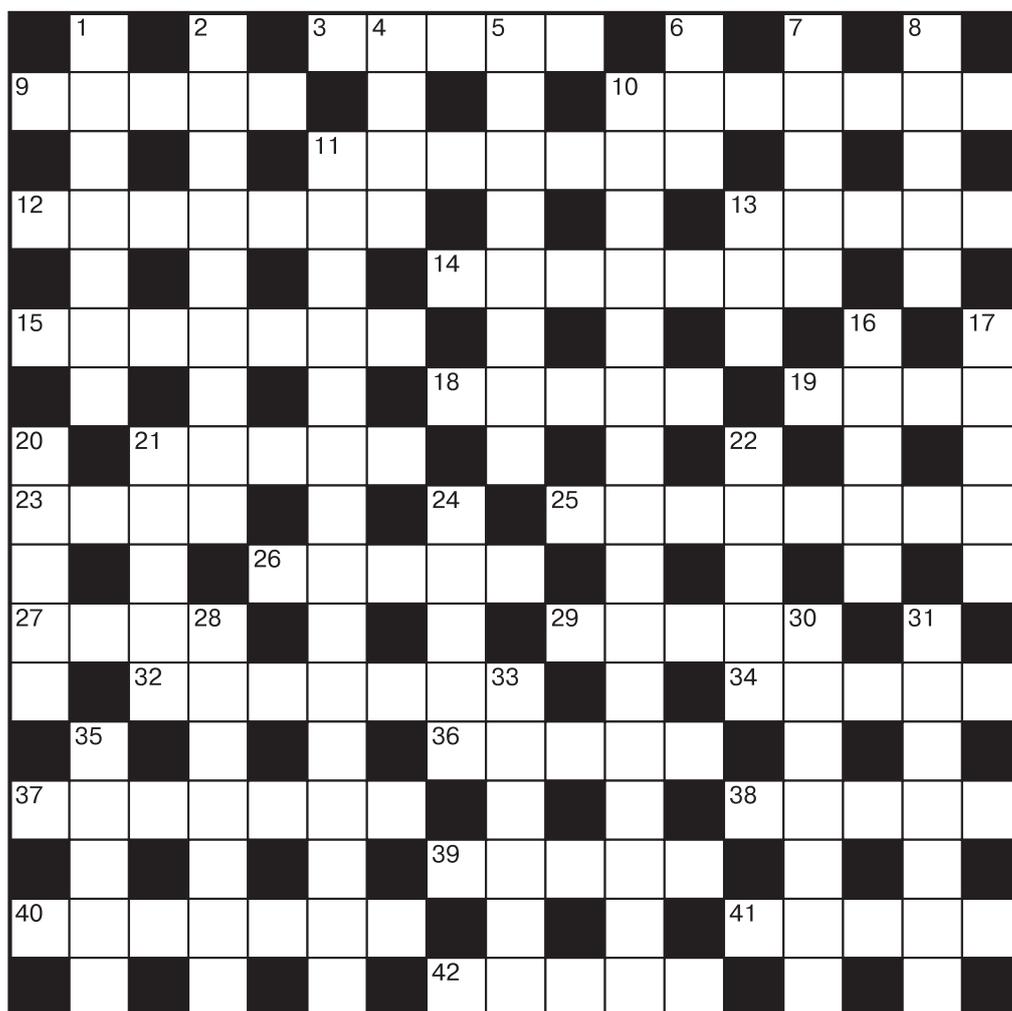
27. «Провал зачета». **29.** «Адресат киношного Юстаса». **32.** Какое звание Дмитрий Менделеев получил после защиты своей диссертации «Изоморфизм в связи с другими отношениями кристаллической формы к составу»? **34.** Какой стихотворный дядя во сне ноги клал на табурет? **36.** Из какого фильма Никита Михалков позаимствовал сюжет со звонящим в портфеле будильником для своей же ленты «12»? **37.** «... подчас важнее правоты». **38.** Процесс в основе слалома. **39.** «Юбка до пят». **40.** Газета «скандальных подробностей». **41.** «Певец сумерек», «защищая память которого» Аркадий Аверченко выбрасывает в одном из своих рассказов дурацкого критика с четвертого этажа. **42.** Каким художественным промыслом знаменит Касли?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Бардо. **9.** Акула. **10.** Доминго. **11.** Годунов. **12.** Концерт. **13.** Рояль. **14.** Абордаж. **17.** Обама. **20.** Осип. **23.** Винтер. **24.** Гиперболоид. **25.** Скат. **26.** Удел. **27.** Ленок. **29.** Фалда. **31.** Варан. **32.** Поле. **33.** Какао. **34.** Кельн. **35.** Напев. **37.** Пинта. **38.** Афоризм. **39.** Фобия. **40.** Чехов. **41.** Антоним. **42.** Дартс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сквош. **2.** Улица. **4.** Азот. **5.** Дружба. **6.** Ров. **7.** Лимож. **8.** Уголь. **10.** Домра. **11.** Грибоедов. **13.** «Рapid». **14.** Амеба. **15.** Холст. **16.** Сигал. **18.** Стадион. **19.** Триллер. **21.** Питекантроп. **22.** Алдан. **23.** Виндсерфинг. **28.** Казанова. **29.** Фалерист. **30.** Фарисей. **32.** Пьерфон. **36.** Узник.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Белая одежда паломника на пути из Медины в Мекку. **9.** «Музыкальный ящик» для фламенко. **10.** Ирландский рыцарь, чьи «загробные видения» вдохновили Иеронима Босха. **11.** «Грохочущая вода» на языке индейцев кри. **12.** Помада для укрепления волос. **13.** Область «положительной духовности» в мифах древних славян. **14.** Кто ввел в Афинах остракизм, чтобы не допустить захвата власти тиранами? **15.** Какой адмирал спас Великобританию от вторжения Наполеона? **18.** Первая аме-

риканская межконтинентальная баллистическая ракета. **19.** Из чего во Франции делают самые популярные рыбные фрикадельки? **21.** Крупнейшее созвездие, насчитывающее двести двадцать девять светил. **23.** В африканской пустыне Намиб обитает катящийся ..., делающий 44 оборота в секунду. **25.** Из какого дерева делают палку, которая лежит по ночам между индийскими молодоженами в течение первых трех дней? **26.** Иудейский праведник. **27.** Какой напиток из вина, разбавленного водой, перекочевал из

Древней Греции в современную Европу? **29.** Выпивка из агавы у ацтеков. **32.** «Мы цепляемся за похвалы и почести ровно в той мере, в какой мы сомневаемся в своих жизненных силах» (нобелевский лауреат). **34.** Богиня произрастания среди дочерей Зевса. **36.** Круговой балкон для муэдзина. **37.** «Крымские яблоки». **38.** Медвежий павиан. **39.** Первый свидетель разбегания галактик. **40.** В какой столице провели первые в истории Международные Дельфийские игры среди молодых талантов? **41.** Библейский пророк в друзьях царя Ксеркса. **42.** У Чемульпо его свои же затопили, японцы подняли и нам же продали, а через пару лет на слом пошел бедняга.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Европейский шлем, напоминавший «собачью голову». **2.** Всадник с птицей в руке из русской геральдики. **4.** Как звали Вейцмана — первого израильского президента? **5.** Какой мексиканский сенот многие считают «самым фантастическим местом для дайвинга в мире»? **6.** Терминатор из великих боксеров. **7.** Кленовый сахар. **8.** Чуть ли

не единственное восточное лакомство без холестерина. **10.** Болезненная боязнь числа тринадцать. **11.** Столица Аляски, когда она была в составе России. **13.** Первый уроженец Калифорнии, кто получил премию «Оскар» за лучшую мужскую роль. **16.** Великий поэт древности из дантова «Ада». **17.** Растение, чьи листья индейцы в давние времена накладывали на раны, чтобы утолить боль. **20.** Месяц древнеегипетского календаря. **21.** Горный аул, ставший последним гнездом Шамиля. Его живописал русский художник Иван Айвазовский во время своего путешествия по Кавказу. **22.** Первая леди скандинавских мифов. **24.** Кто отказался от главной роли в «Парке юрского периода»? **28.** «Мне было бы досадно доставлять людям только удовольствие. Моя цель — делать их лучше» (музыкальный классик). **30.** Во что перешла Мэрилин Монро ради брака с Артуром Миллером? **31.** Четыре квартильи из Чили. **33.** «Отборная монета» на Руси. **35.** Каждая из древних дорог майя.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Асуан. **9.** Рерио. **10.** Минорит. **11.** Кидарис. **12.** Автобот. **13.** «Башня». **14.** Бангкок. **17.** Юлиан. **20.** Абас. **23.** Анхель. **24.** Скайджекинг. **25.** Тати. **26.** Зубр. **27.** Радек. **29.** Черки. **31.** Ретик. **32.** Боян. **33.** Шапар. **34.** Шинок. **35.** Пинче. **37.** Юрьев. **38.** Гандура. **39.** Ксанф. **40.** Шмель. **41.** Одолень. **42.** Инчас.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Нерви. **2.** Цимол. **4.** Смит. **5.** Агаран. **6.** Бис. **7.** Хойак. **8.** Дивна. **10.** Миагр. **11.** Коллайдер. **13.** «Боинг». **14.** Баджо. **15.** Патти. **16.** Бастр. **18.** Бегунок. **19.** Кьярина. **21.** Скиапарелли. **22.** Икмек. **23.** Анаксимандр. **28.** Кенигсон. **29.** Чинчунча. **30.** Макраме. **32.** Бобдиль. **36.** Фрина.

Уважаемые читатели!

открыта подписка на 1-е полугодие 2014 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер – 81 рубль 40 копеек	За 1 номер – 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров – 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров – 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2014 года и годовая (через каталог «Газеты и Журналы Агентства «Роспечать»), в любом отделении почтовой связи.

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Я питал к ней чувствования самые нежные... наблюдая украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, верность. Сии качества... заставили меня поправить светское предубеждение в рассуждении знатности рода и избрать ее моею супругою...» — писал в «Завещательном письме» своему сыну граф Николай Шереметев о своей супруге, бывшей крепостной актрисе Прасковье Жемчуговой, жизнь которой была короткой, но очень яркой и насыщенной удивительными, непредсказуемыми событиями.

Светлана **Бестужева-Лада** «Крепостная актриса»

«Книг и фильмов о ней уже огромное количество, но все они противоречат друг другу. Общее только одно: ее внешность. Рыжеволосая зеленоглазая красавица, умница и при этом незаурядная интриганка, восточная «леди Макбет», вынужденная в силу обстоятельств обороняться от бесчисленных врагов, — это все о жене турецкого султана Сулеймана Великолепного Хасеки Хюррем Султан, которую европейские дипломаты упорно называли Роксоланой. Как бы там ни было, она стала первой женщиной в Османской империи, занявшей место рядом с тронном своего законного супруга...

Денис **Логинов** «Роксолана»

«Эта женщина вдохновляла многих художников — ее портреты кисти Ренуара, Тулуз-Лотрека, Боннара, Вьюара украшают сегодня коллекции самых известных музеев мира. Жертвами ее обаяния были не только художники, но и такие известные композиторы как Стравинский, Равель, Пуленк, поэты Малларме и Верлен. Она была преданной и верной подругой Дягилева и Коко Шанель, а Поль Моран назвал ее «пожирательницей гениев, влюбленных в нее». История ее жизни — настоящий роман, а звали эту необыкновенную женщину Мизия Серт...

Ирина **Опимах** «Женщина-легенда»

«Парацельс! Кто же это? Кем был на самом деле человек, умерший в 1541 году в Зальцбурге, на 48-м году жизни и похороненный с огромными почестями, ибо при жизни имел капитал и славу, заработанные медицинской практикой? Говорят, что до сих пор на его могиле молятся об исцелении...

Борис **Мандель** «Путешествие в мистическое бытие...»

«Детектив Ольги **Степновой** «Снегурочка в беде»